

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

№ 11, 2023

Электронный научный рецензируемый журнал
Основан в 2021 году
Учредитель ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)
Издатель ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)
Периодичность 4 раза в год

12 +

Публикация статей в журнале осуществляется по следующим специальностям:

5. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

5.6. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.1. – Отечественная история

5.6.2. – Всеобщая история

5.6.3. – Археология

5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. – История международных отношений и внешней политики

5.9. ФИЛОЛОГИЯ

5.9.1. – Русская литература и литература народов Российской Федерации

5.9.2. – Литература народов мира

5.9.3. – Теория литературы

5.9.5. – Русский язык. Языки народов России

5.9.6. – Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)

5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам
в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ЭЛ № ФС77–81306 от 30.06.2021

Журнал размещен в НЭБ eLibrary, договор № 163-04/2021 от 27.04.2021

Журнал зарегистрирован как сериальное сетевое издание
в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Сайт журнала: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Издается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

© ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет», 2023

Главный редактор

*Сарапулов
Алексей Николаевич* кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский
государственный гуманитарно-педагогический университет)

Заместители главного редактора

*Шмуратко
Дмитрий Владимирович* кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет)

*Подюков
Иван Алексеевич* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет)

Члены редакционной коллегии

*Аверина
Анна Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Московский городской педагогический университет)

*Абашева
Марина Петровна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет)

*Абдуллина
Амина Шакирьяновна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Бирск,
Бирский филиал, Башкирский государственный университет)

*Андросова
Светлана Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск,
Амурский государственный университет)

*Балакин
Сергей Владимирович* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург,
Уральский государственный университет путей сообщения)

*Бакиш
Наталья Александровна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Российский государственный гуманитарный университет)

*Белавин
Андрей Михайлович* доктор исторических наук, профессор
(Россия, г. Пермь, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет)

*Данилевская
Наталья Васильевна* доктор филологических наук, профессор
(Россия, г. Пермь, Пермский государственный
национальный исследовательский университет)

<i>Забяко Анна Анатольевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)
<i>Егоров Константин Борисович</i>	кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)
<i>Иванов Владимир Александрович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Уфа, Башкирский государственный педагогический университет им. Акмуллы)
<i>Ивашкевич Ирина Николаевна</i>	кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)
<i>Костева Виктория Михайловна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный лингвистический университет)
<i>Крыласова Наталья Борисовна</i>	доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник (Россия, г. Пермь, ПФИЦ Уральское отделение РАН, Отдел истории, археологии, этнографии)
<i>Мароши Валерий Владимирович</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)
<i>Степанов Валерий Леонидович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Москва, Институт экономики РАН)
<i>Тюрк Аттила</i>	Ph.D (History) (Венгрия, г. Будапешт, Институт археологии Католического университета им. Петера Пазманя)
<i>Шипова Ирина Алексеевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет)
<i>Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна</i>	доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)
<i>Юшкова Людмила Анатольевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

**HUMANITARIAN STUDIES.
HISTORY AND PHILOLOGY**

No. 11, 2023

**ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Electronic scientific peer-reviewed journal
Founded in 2021
The founder: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
The publisher: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
Issued 4 times a year

12 +

The journal publishes articles covering the following fields of knowledge:

5. SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

5.6. HISTORICAL SCIENCES

5.6.1. – Domestic history

5.6.2. – General history

5.6.3. – Archeology

5.6.5. – Historiography, source studies, methods of historical research

5.6.7. – History of international relations and foreign policy

5.9. PHILOLOGY

5.9.1. – Russian literature and Literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.2. – Literature of the peoples of the world

5.9.3. – Theory of literature

5.9.5. – Russian language. Languages of the peoples of Russia

5.9.6. – Languages of peoples of foreign countries (indicating a specific language or group of languages)

5.9.8. – Theoretical, applied and comparative linguistics

The articles presented in the journal will be of interest both to the specialists
in these spheres and to a wide range of readers, including students and postgraduates.

The journal is registered with the Federal service for supervision
of communications, information technologies and mass communications.

Certificate of registration of mass media EL № FS77–81306 from 30.06.2021.

The journal is posted in the SEL eLibrary, contract № 163-04/2021 from 27.04.2021

The journal is registered as a serial network publication
in the National ISSN center of the Russian Federation 04.02.2021

The journal's website: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Published by the decision of the editorial and publishing
Council of Perm State Humanitarian Pedagogical University

Chief Editor

Sarapulov Ph.D. (History), Associate Professor
Aleksei Nikolaevich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Deputy chief editors

Shmuratko Ph.D. (History), Associate Professor
Dmitry Vladimirovich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Podyukov Grand Ph.D. (Philology), Professor
Ivan Alekseevich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Editorial team

Averina Grand Ph.D. (Philology), Professor
Anna Viktorovna (Russia, Moscow, Moscow City Pedagogical University)

Abasheva Grand Ph.D. (Philology), Professor
Marina Petrovna (Russia, Perm, Perm State National Research University,
Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Abdullina Grand Ph.D. (Philology), Professor,
Amina Shakiryanovna (Russia, Birsk, Birsk Branch, Bashkir State University)

Androsova Grand Ph.D. (Philology), Professor
Svetlana Viktorovna (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)

Balakin Grand Ph.D. (Philology), Professor
Sergey Vladimirovich (Russia, Yekaterinburg, Ural State Transport University)

Bakshi Grand Ph.D. (Philology), Professor
Nataliia Andrejevna (Russia, Moscow, Russian State Humanitarian University)

Belavin Grand Ph.D. (History), Professor
Andrey Mikhailovich (Russia, Perm, Perm State National Research University)

Danilevskaya Grand Ph.D. (Philology), Professor
Natalia Vasilievna (Russia, Perm, Perm State National Research University)

Ivanov Grand Ph.D. (History), Professor
Vladimir Aleksandrovich (Russia, Ufa, Bashkir State Pedagogical University
named after Akmulla)

- Ivashkevich
Irina Nikolaevna* Ph.D. (Philology), Associate Professor
(Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)
- Krylasova
Natalya Borisovna* Grand Ph.D. (History), Professor, Chief Researcher
(Russia, Perm, PFITS Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Department of History, Archeology, Ethnography)
- Kosteva
Viktoria Mikhailovna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Moscow, Moscow State Linguistic University)
- Maroshi
Valerii Vladimirovitch* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University)
- Stepanov
Valery Leonidovich* Grand Ph.D. (History), Professor
(Russia, Moscow, Institute of Economics, RAS)
- Türk Attila* Ph.D (History) (Hungary, Budapest, Institute of Archaeology Catholic
University named after Peter Pazman)
- Shipova
Irina Alekseevna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University)
- Nagzibekova
Mehrinisso Bozorovna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)
- Yushkova
Lyudmila Anatolyevna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Izhevsk, Udmurt State University)

Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 7–17.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2023. No. 11. P. 7-17.

Научная статья

УДК 902(470.53)

doi: 10.24412/2713-0231-2023-11-7-17

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ДЕРЕВЯННЫЕ КОНСТРУКЦИИ У СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ (VII–XIV ВВ.)

Кристина Викторовна Моряхина

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,

kmoryaxina@mail.ru

Аннотация. Погребальные деревянные конструкции на средневековых могильниках Пермского Предуралья (VII–XIV вв.) имеют плохую сохранность и зафиксированы лишь 6,15 % погребений, что затрудняет изучение данного аспекта погребального обряда. В статье проанализированы материалы 18 могильников, на 13 из которых обнаружены остатки деревянных конструкций. Автор статьи опиралась на отчеты о раскопках и опубликованные материалы, посвященные исследованию погребального обряда отдельных памятников. Конструкции представлены четырьмя типами: настил, перекрытие, колода, гробовище. Наиболее распространенные конструкции – настил и гробовище, которые использовались на протяжении всего средневековья. Настил мог укладываться как на дне могильной ямы, так и выше уровня дна, в ряде погребений зафиксированы уступы и заплечики для крепления настила. Гробовище имело форму прямоугольной рамы, скрепленную без гвоздей, в некоторых случаях вместе с боковыми плахами сохранились дно или крышка гробовища. В конце VIII–XI вв. наряду с другими конструкциями появились захоронения в колодах, напоминающих лодки-долбленки, что, вероятно, связано с угорским влиянием. Выбор типа конструкции не зависел от пола и возраста погребенного, способа захоронения. На настил, в гробовище или колоду могли укладывать как тело погребенного, так и кремированные останки. Только в погребениях с перекрытием все захоронения выполнены по обряду ингумации. Взаимосвязи между типом конструкции и погребальным инвентарем также не выявлено. Сохранившиеся конструкции часто имеют следы обугливания в следствии засыпи горячих углей от ритуального костра в могильную яму.

Ключевые слова: погребальные деревянные конструкции, погребальный обряд, средневековье, настил, перекрытие, колода, гробовище.

Для цитирования: Моряхина К. В. Погребальные деревянные конструкции у средневекового населения пермского предуралья (VII–XIV вв.) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 7–17. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-11-7-17>

Original article

WOODEN STRUCTURES IN THE GRAVE OF THE MEDIEVAL POPULATION OF THE PERM PRE-URAL REGION (VII–XIV CENTURIES)

Kristina V. Moryakhina

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, kmoryaxina@mail.ru

Abstract. The burial wooden structures at medieval burial grounds of the Perm Urals (7th-14th centuries) are poorly preserved and only 6.15% of burials are recorded, which makes it difficult to study this aspect of burial rites. The article analyzes the materials of 18 burial grounds, 13 of which have the remains of wooden structures. The author of the article relied on excavation reports and published materials devoted to the study of burial rites of individual monuments. The structures are represented by four types: planking, slab, deck and coffin. The most widespread constructions are the planking and the coffin, which were used throughout the Middle Ages. The planking could be laid both at the bottom of the grave pit and above the level of the bottom; in a number of burials, ledges and shoulders for fixing the planking have been recorded. The coffin had the form of a rectangular frame, fastened without nails; in some cases, the bottom or the lid of the coffin was preserved together with the side boards. At the end of the VIII-XI centuries, along with other constructions, burials in stakes resembling chiseled boats appeared, which is probably connected with the Ugrian influence. The choice of the type of construction did not depend on the sex and age of the buried person or the method of burial. Both the body of the buried and cremated remains could be placed on the planking, in a coffin or in a deck. Only in slab burials all burials were made according to the rite of inhumation. No correlation between the type of construction and the burial inventory has been revealed. The surviving structures often have traces of charring as a result of pouring hot coals from the ritual fire into the grave pit.

Keywords: wooden structures inside the grave, funeral rite, Middle Ages, planking, slab, deck and coffin.

For citation: Moryakhina K. V. Wooden structures in the grave of the medieval population of the Perm Pre-Ural region (VII–XIV centuries). Humanitarian Studies. History and Philology. 2023;11:7-17. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-11-7-17>

Введение

Погребальные деревянные конструкции на средневековых могильниках (VII–XIV вв.) Пермского Предуралья ввиду кислотности почв имеют плохую сохранность. Из этого затруднено изучение данных конструкций, и соответственно возникает сложность в историко-культурной интерпретации, проследить трансформацию конструкций во времени и пространстве. Сведения о деревянных погребальных конструкциях представлены в обобщающих работах по ломоватовской и родановской культуре [Голдина 1985: 28–30; Оборин 1999: 267; Кананин 1983: 85]. Исследователями отмечены такие варианты конструкций, как настил, перекрытие, колоды (лодки-долбленки), а также заворачивание и покрывание берестой умершего. С момента издания указанных публикаций прошло более 20–30 лет, за это время источниковая база за счет проведения археологических раскопок значительно увеличилась. Исследования последних лет

отражены в ряде публикаций, посвященным отдельным памятникам, где приводятся подробные сведения о сохранившихся деревянных конструкциях: Баяновский [Данич 2016: 40], Огурдинский [Белавин, Крыласова 2012: 13], Плотниковский [Крыласова, Брюхова 2017: 14], Рождественский [Белавин, Крыласова 2008: 96–97], Степаново Плотбище [Данич 2020: 78] могильники.

Обобщенные сведения о погребальных деревянных конструкциях с учетом раскопок последних лет представлены в небольшой публикации А. Р. Смертина. Автором указанной статьи были взяты широкие хронологические рамки – от эпохи Великого переселения народов до русской колонизации, за счет чего удалось проследить хронологические изменения в погребальных конструкциях. А. Р. Смертиным конструкции были разделены на две группы: грунтовые (заворачивание в саван, бересту, шкуру) и деревянные. Деревянные разделены на пять типов: бревенчатые и дощатые рамы (характерны для эпохи ВПН), настил (характерны для VII–VIII вв., в IX–XI вв. их количество сокращается), колода, гробовища (распространены в IX–XV вв.), надмогильные сооружения [Смертин 2022: 222–226]. В данной классификационной схеме не учтен такой тип конструкции, как перекрытие. В приведенной публикации, к сожалению, отсутствуют сведения о статистических данных, не приводится точное количество погребений с деревянными конструкциями, не учтены конструкция и размер погребальной ямы.

Ввиду неполноты сведений в имеющихся публикациях данная статья является актуальной. Автор статьи опирается на данные отчетов о раскопках памятников и опубликованные материалы о погребальном обряде отдельных могильников. Всего были проанализированы материалы 18 памятников (3221 погребений) VII–XIV вв. Пермского Предуралья, на которых всего в 198 погребениях (6,15 %) сохранились деревянные конструкции (табл. 1).

В данной статье была использована (подкорректирована) классификационная схема, предложенная А. Р. Смертиным, с опорой на исследование Т. Д. Пановой [Панова 2004: рис. 18].

Основная часть

Сохранившиеся погребальные деревянные конструкции на могильниках VII–XIV вв. можно разделить на 4 типа: настил, перекрытие, колода, гробовище (табл. 1).

Тип 1. Настил (100 погребений – 3,1 % от выборки). Такой тип конструкции предполагает, что индивид и погребальный инвентарь укладывались на настил. Фрагменты настила зафиксированы на Аверинском I, Аверинском II, Агафоновском II, Антыбарском, Баяновском, Огурдинском, Плесинском, Плотниковском, Рождественском, Щукинском могильниках. Сохранившиеся фрагменты имеют толщину от 1 до 3,5 см.

Можно выделить три варианта расположения настила в погребальной яме:

– на дне могильной ямы (33 погребения). На Баяновском, Плесинском, Плотниковском могильниках фрагменты настила встречаются исключительно на дне погребения, на Рождественском и Щукинском – такой способ расположения отмечен на ряду с другими вариантами. В таких случаях погребальная яма, как правило, без конструктивных особенностей. Исключение составляют три погребения (2 – на Рождественском, 1 – на Щукинском), в которых имеются уступ (ступенька у одной стенки), заплечики (ступеньки у нескольких стенок), ниша. В погребении 29 Плотниковского могильника в досках были

сквозные отверстия [Крыласова, Брюхова 2017: 14]. К сожалению, ввиду плохой сохранности нельзя однозначно утверждать, что обнаруженные фрагменты дерева на дне ямы это именно настил, а не остатки гробовища, боковые стенки могли не сохраниться. Погребения с настилом на дне могильной ямы датируются VIII–XIII вв., большинство из них относится к VIII–XI вв.

– выше уровня дна (21 погребения). За частую настил располагался на глубине 10–30 см от уровня фиксации, в некоторых случаях на глубине 40–50 см. На Аверинском I, Антыбарском, Огурдинском могильниках настил расположен во всех случаях выше уровня дна, на Рождественском и Щукинском – такой способ расположения отмечен на ряду с другими вариантами. В восьми погребениях зафиксированы заплечики или уступы, на которые укладывался настил. Стоит отметить, что на Аверинском I все могильные ямы не имеют каких-либо конструктивных особенностей [Моряхина 2022: табл. 1]. Такое расположение настила характерно для могильников X–XIV вв., в более раннее время встречается на Щукинском могильнике.

Ввиду близкого расположения настила к уровню фиксации, А. М. Белавиным и Н. Б. Крыласовой было сделано предположение о наземных захоронениях, когда индивид лишь присыпался небольшим слоем земли [Белавин, Крыласова 2008: 97].

– на разной глубине (43 погребения). Такое расположение характерно для Аверинского II, Агафоновского II, Рождественского могильников. Вероятно, настил прогнивал и обрушивался вниз, при этом происходило смещение костей и инвентаря [Белавин, Крыласова 2008: 97]. В пяти погребениях отмечены заплечики и уступы. Указанные погребения относятся к VII–XI вв., большинство к IX–XI вв.

В целом погребения с настилом имеют разные размеры: большой (19 %), средний (74 %), малый (3 %). Могильные ямы чаще простой формы (69 %), но также отмечены такие конструкции, как ниши (6 %, бывают в погребениях с уступами или заплечиками), уступы (9 %), заплечики (9 %), углубление в яме и столбовые ямки (11 %). Указанные конструктивные особенности есть на Аверинском II, Антыбарском, Огурдинском, Рождественском, Щукинском могильниках.

В восьми погребениях помимо настила найдены фрагменты бересты или луба, которой, вероятно, покрывали умершего (Аверинский II, Антыбарский, Баяновский, Плесинский могильники).

Погребения с настилом совершены разными способами захоронения: по обряду ингумации (85 %) и кремации (15 %). На настил были уложены кремированные останки на Аверинском II, Агафоновском II, Огурдинском, Щукинском могильниках.

В 73 погребениях в заполнении ямы отмечены угли. Стоит отметить, что фрагменты настила часто имеют следы обугливания. А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова предполагают, что доски обуглились в результате ссыпания в яму погребального костра [Белавин, Крыласова 2012: 16].

Тип 2. Перекрытие (28 погребений – 0,87 % от выборки). Перекрытия представляют собой доску, уложенную поверх индивида и погребального инвентаря. Такой тип конструкции встречается на Аверинском II, Антыбарском, Баяновском, Плотниковском могильниках.

Как правило, перекрытия укладывались в ямы среднего размера (82,1 % погребения), иногда в большие (3,5 %) и малые (14,3 %). Большинство ям имеет простую форму, в трех погребениях были уступы (1 – Аверинский II, 2 – Антыбарский).

Все погребения совершены по обряду ингумации.

В 26 погребениях (92,9 %) в засыпи могильной ямы присутствуют угли. В двух случаях, вероятно из-за горячих углей, перекрытие обуглилось.

Перекрытия характерны для погребений IX–XIII вв.

Тип 3. Колода (10 погребений – 0,31 % от выборки). Конструкция из погребения 1 Каневского могильника имеет хорошую сохранность, что дает возможность для ее описания: похожа на лодку-долбленку, поперек которой в северной части в 15–20 см от края вставлялась доска [Генинг, Голдина 1970: 35]. В погребении 188 на Огурдинском могильнике обнаружен фрагмент корытообразной древесины на глубине от 10 см до 53 см [Белавин, Крыласова 2012: 16]. На Аверинском II могильнике в погребении 237 сохранились фрагменты двух поперечных и одной продольной, которые были между собой соединены [Кананин 1978].

Фрагменты колод были обнаружены на Аверинском II, Баяновском, Каневском, Огурдинском, Урьинском могильниках. Большинство могильных ям имеют средний размер, исключение составляет погребение 1 Каневского могильника длиной 265 см и шириной 70–90 см. Колоды укладывались в погребальные ямы простой формы. В двух погребениях (Аверинский II, Огурдинский могильники) внутри колоды обнаружены кальцинированные кости, вероятно, захоронения совершены по обряду кремации. В слое погребения 188 Огурдинского могильника зафиксированы угли. Захоронения в колодах совершались в конце VIII–XI вв., то есть характерны для позднеломоватовских памятников.

Тип 4. Гробовица (60 погребений – 1,86 % от выборки). Гробовица или его фрагменты сохранились на Аверинском II, Агафоновском I, Агафоновском II, Баяновском, Деменковском, Каневском, Митинском, Плесинском, Плотниковском, Рождественском, Телячий Брод могильниках. В большинстве случаев сохранились лишь небольшие фрагменты продольных и поперечных плах. Лишь в некоторых погребениях сохранились целые гробовица или часть, где соединяются плахи между собой. Так, на Агафоновском I могильнике в погребении 4 обнаружены фрагменты обугленных жердей диаметром 2,5–3 см и досок толщиной 3–5 см вдоль восточной и северной стенок [Голдина, Прокопов 1969: 6]. На Каневском могильнике в погребении 20 найдены фрагменты продольных плах, ширина гробовица – 50 см [Генинг, Голдина 1970: 53]. На Митинском могильнике в погребении 62 прослеживалась целая конструкция длиной 175 см и шириной 50 см, в местах соединения досок гвоздей не обнаружено [Шмуратко 2018: рис. 73].

На Плесинском могильнике сохранились фрагменты разных частей гробовица: фрагменты тесных плах (п. 12, 21, 28), перекрытие и плахи (п. 15), перекрытие и настил (п. 34, 42). Перекрытия имели большую толщину, чем настил [Оборин 1961].

В наибольшем количестве и в наилучшей сохранности конструкции представлены на Плотниковском могильнике. Гробовица имеют прямоугольную форму с шиповыми соединениями без гвоздей. В двух погребениях (п. 37, 112) в углах гробовица прослеживаются треугольники тлена, которые, вероятно, являлись вставками для обеспечения жесткости конструкции. В погребении 12 гробовице было установлено на помосте, крышка обожжена в

результате погребального обряда [Крыласова, Брюхова 2017: 14]. Ширина конструкций чаще всего от 55 до 65 см [Крыласова, Брюхова 2017: рис. 17, 26, 48]. В погребении 112 гробовище имеет достаточно большие размеры: длина 184 см и ширина 76 см [Крыласова, Брюхова 2017: рис. 75]. На Плотниковском могильнике в гробовище укладывали не только взрослых индивидов, но и детей. В детском (возраст 6±3 мес.) погребении 47 сохранилась прямоугольная рама шириной 27 см [Крыласова, Брюхова, 2017: рис. 33, табл. 2].

На Деменковском могильнике деревянная конструкция сохранилась в виде отдельных фрагментов дерева, чаще это поперечные доски в районе головы или ног погребенного. Автор раскопок В. Ф. Генинг считает, в зависимости от типа конструкции вырывались разного размера могильные ямы. Погребения в южной части (ранняя часть) имеют большую длину (примерно 240 см) и ширину 56–60 см. В такие ямы помещалось горбовище. В северной части (поздней) длина ям меньше (200–220 см), а ширина больше (60–70 см). В. Ф. Генинг предполагал, что различия в размерах могильной ямы связаны с изменением конструкции гроба, что поздние захоронения на Деменковском могильнике (конец VIII–IX вв.) совершались в гробах-колодах [Генинг 1964: 99]. К сожалению, из-за плохой сохранности конструкций нельзя установить, как они точно выглядели.

Исходя их представленных описаний, можно сделать вывод о том, что гробовища были двух вариантов: прямоугольные дощатые рамы и гробовища с дном и крышкой. Погребения с гробовищем имеют разные размеры (размеры некоторых ям не определены, т. к. частично разрушены): большой (11,7 %), средний (76,7 %), малый (10 %). Большинство захоронений совершено в простых ямах (86,7 %), в отдельных случаях зафиксированы уступы (Аверинский II, Плотниковский, Рождественский могильники), ниши (Рождественский могильник) и углубления в яме (Рождественский могильник). На Рождественском могильнике в погребениях с гробовищами обнаружена береста.

Погребения в основном совершены по обряду ингумации (91,7 %), в нескольких погребениях кремированные останки засыпались в гробовище (Аверинский II, Агафоновский I, Агафоновский II). Примерно в половине погребений (53,3 %) в засыпи ямы встречаются угли. В Пермском Предуралье гробовища использовались на протяжении всего рассматриваемого периода – VII–XIV вв. Стоит отметить, что связи между полом и возрастом погребенного и типом конструкции не было выявлено. Тоже касается погребального инвентаря. На ряде памятников, вошедших в данную выборку, **не было обнаружено** следов деревянных конструкций – на Важгортском, Запосельском, Пыштайском (поздняя часть), Редикарском, Русиновском могильниках, которые датируются VIII–IX вв.

Обратимся для сравнения к соседним территориям. Для бескурганых могильников неволинской культуры характерно два типа деревянных конструкций: долбленные колоды и дощатые гробовища. Колоды были изготовлены из сосновых деревьев, их ширина составляла 40–60 см, толщина дна была меньше, чем стенок, 1,5–3,5 см и 7–10 см соответственно. Дощатые гробовища в нескольких случаях устанавливались на деревянные жерди диаметром 5 см, высота стенок гробовища 12–17 см, толщина 3–4 см [Голдина, Водолаго 1990: 72].

В Удмуртском Предуралье на Варнинском могильнике хранили в прямоугольном ящике из досок, толщиной 3–4 см, в гробовище из луба (представляло собой необработанный липовый лубок), заворачивали в бересту. Бересту могли использовать в качестве подстилки

под гробовище [Семенов 1980: 14–15]. На могильнике Мыдлань-Шай умершего укладывали в гробовище в виде прямоугольного ящика, сделанного из хвойных пород. Размеры гробовища превышали рост умершего и составляли 256–270 см. Судя по материалам погребений 52 и 70, в которых лучше всего сохранились конструкции, в верхней части гробовища над головой индивида располагался керамический сосуд или металлический котел [Генинг 1962: 71–72, рис. 21].

В погребениях ранних булгар на Больше-Тарханском могильнике сохранились остатки прямоугольных гробовищ. Вероятно, еще использовался настил, поскольку около 35 % погребений имело заплечики или подбой, но самих фрагментов дерева не обнаружено. На Кайбельском могильнике обнаружены деревянные перекрытия и фрагменты гробовища. Для второй группы погребений Танкеевского могильника, которую связывают с ломоватовским или полемским населением, характерны захоронения в прямоугольных гробовищах с дощатой крышкой [Генинг, Халиков 1964: 10, 12, 70, 75]. На Больше-Тиганском могильнике сохранились фрагменты досок от гробовищ над погребенным и под ним, соответственно виде перекрытия или настила. Дерево зачастую обуглено, вероятно, в следствии засыпи в могильную яму горячих углей [Халикова, Халиков 2018: 51]. В Зауралье на Ликинском могильнике встречаются обгоревшие фрагменты колоды овальной формы (п. 18, 23) [Викторова 2008: 27, 31].

Таким образом, сравнивая деревянные конструкции, обнаруженные в Пермском Предуралье и соседних культурах, можно отметить, что использование прямоугольного гробовища, соединенного без гвоздей, характерно для носителей разных культур, но на могильниках Пермского Предуралья в отличие от памятников полемской культуры гробовища, судя по сохранившимся конструкциям, в длину не превышают 200 см, т. е. не оставялось специального места для погребальной пищи. Появление захоронений в колодах, напоминающих лодки-долбленки, в конце VIII–XI вв. можно связать с притоком угорского населения, поскольку такие конструкции характерны для неволинской культуры, которую связывают с уграми, и для Ликинского могильника. В материалах ранних булгар (Танкеевский, Больше-Тиганский могильники) есть схожие традиции с конструкциями, сохранившимися на Баяновском и Плесинском могильниках – в погребении сохранились настил на дне погребения и/или перекрытие, в некоторых случаях прямоугольные гробовища с дощатой крышкой.

Заключение

Подводя итог выше сказанному, можно сделать следующие выводы:

– на Аверинском II, Баяновском, Плотниковском могильниках представлены 3–4 типа деревянных конструкций. В случае с Аверинским II могильником это объясняется длительностью использования некрополя (VI–XI вв.);

– для ряда памятников можно выделить преобладающие типы конструкций: для Деменковского, Митинского, Плотниковского – гробовище; для Аверинского I, Антыбарского, Рождественского, Щукинского – настил; для Каневского, Урынского – колода;

– длительный период времени были распространены такие конструкции, как настил (VIII–XIV вв.) и гробовища (VII–XIV вв.);

– настил укладывался как на дне погребения, так и выше уровня дна, в некоторых случаях четко фиксируется, что настил лежал на уступе или заплечиках;

– наименее распространенный тип конструкций – колоды (лодки-долбенки, которые в сравнении с другими типами конструкций встречаются узкий хронологический период в конце VIII–XI вв. В отличие от других типов конструкций колоды укладывались во всех случаях в простые ямы без дополнительных конструкций, в заполнении ям, как правило, отсутствуют угли. Появление захоронений в колодах, вероятно, можно связать с притоком угорского населения;

– в большие могильные ямы чаще укладывались настил или гробовища;

– в погребениях с настилом чаще фиксируются дополнительные конструкции могильной ямы – уступы, заплечики, ниши, что объясняется особенностями самой деревянной конструкции;

– на настил, в гробовище или колоду могли укладывать как тело погребенного с вещами, так и кремированные останки, то есть способ захоронения не влиял на тип деревянной погребальной конструкции;

– сохранившиеся конструкции часто имеют следы обугливания в следствии засыпи горячих углей от ритуального костра в могильную яму.

Таблица 1. Погребальные деревянные конструкции на памятниках Пермского Предуралья

Могильник	Датировка	Кол-во погребений	Настил		Перекрытие		Гробовище		Колода		Всего %
			кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	
Аверинский I	XII–XIV вв.	26	2	7,69	0	0,00	0	0,00	0	0,00	7,69
Аверинский II	VI–IX вв.	466	17	3,65	4	0,86	6	1,29	1	0,21	6,01
Агафоновский I	VI – первой пол. IX в.	259	0	0,00	0	0,00	1	0,39	0	0,00	0,39
Агафоновский II	IX–XII вв.	457	3	0,66	0	0,00	5	1,09	0	0,00	1,75
Антыбарский	XI–XIII вв.	178	13	7,30	4	2,25	0	0,00	0	0,00	9,55
Баяновский	X в.	451	14	3,10	18	3,99	2	0,44	1	0,22	7,76
Важгортский	VIII–X вв.	6	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0,00
Деменковский	VI–X вв.	180	0	0,00	0	0,00	8	4,44	0	0,00	4,44
Запосельский	VIII–X вв.	31	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0,00
Каневский	VIII–X вв.	39	0	0,00	0	0,00	1	2,56	2	5,13	7,69
Митинский (грунтовая часть)	VII–IX вв.	11	0	0,00	0	0,00	3	27,27	0	0,00	27,27
Огурдинский	X–XI вв.	274	5	1,82	0	0,00	0	0,00	1	0,36	2,19
Плесинский	VIII–X вв.	51	5	9,80	0	0,00	6	11,76	0	0,00	21,57
Плотниковский	XIII–XV вв.	156	3	1,92	2	1,28	19	12,18	0	0,00	15,38
Пыштайн	VI–IX вв.	14	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0,00
Редикорский	IX–X вв.	16	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0,00
Рождественский	X–XI вв.	365	32	8,77	0	0,00	8	2,19	0	0,00	10,96
Русиновский	VIII–IX вв.	6	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0,00
Телячий Брод	VIII–XIV вв.	95	0	0,00	0	0,00	1	1,05	0	0,00	1,05
Урынский	VIII–X вв.	58	0	0,00	0	0,00	0	0,00	5	8,62	8,62
Щукинский	VI–IX вв.	82	6	7,32	0	0,00	0	0,00	0	0,00	7,32
Всего		3221	100	3,10	28	0,87	60	1,86	10	0,31	6,15

Список литературы

1. Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь : ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. 603 с.
2. Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Огурдинский могильник. Пермь : Изд-во «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», 2012. 258 с.
3. Викторова В. Д. Угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 2008. 208 с.
4. Генинг В. Ф. Деменковский могильник памятник ломоватовской культуры // Вопросы археологии Урала. 1964. Вып. 6. С. 94–162.
5. Генинг В. Ф. Мыдлань-Шай удмуртский могильник VIII–IX вв // Вопросы археологии Урала. 1962. Вып. 3. С. 7–132.
6. Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. Позднеломоватовские могильники в Коми-Пермяцком округе // Вопросы археологии Урала. 1970. Вып. 9. С. 30–56.
7. Генинг В. Ф., Халиков А. Ф. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М. : Наука, 1964. 200 с.
8. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1985. 280 с.
9. Голдина Р. Д., Водолаго Н. В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск : Изд-во ИГУ, 1990. 176 с.
10. Голдина Р. Д., Прокопов А. В. Отчет о раскопках Агафоновского могильника в 1969 г. // Архив ИА РАН, д. 4005.
11. Данич А. В. Исследования Баяновского могильника // Труды КАЭЭ. 2016. Вып. XI. С. 36–43.
12. Данич А. В. Погребальный обряд по материалам Питер (Степаново Плотбище) могильника // Труды КАЭЭ. 2020. Вып. XVII. С. 72–84.
13. Кананин В. А. Отчет об археологических исследованиях в Афанасьевском районе Кировской области в 1978 г. // Архив ИА РАН, ф. р.-1.
14. Кананин В. А. Погребальный обряд средневековых могильников верховьев р. Камы // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск: Изд-во «Удмуртский государственный университет», 1983. С. 80–95.
15. Крыласова Н. Б. Брюхова Н. Г. Плотниковский могильник. Пермь : Изд-во «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», 2017. 222 с.
16. Моряхина К. В. Конструктивные особенности погребальных ям на средневековых могильниках Пермского Предуралья // XXII Уральское археологическое совещание : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Тамилы Михайловны Потемкиной, Курган, 21–25 ноября 2022 года. Курган : Курганский государственный университет, 2022. С. 275–277.
17. Оборин В. А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск : УДИИЯЛ УрО РАН, МарНИИ, 1999. С. 255–298.
18. Оборин В. А. Отчет о работе археологической экспедиции Пермского государственного университета и Коми-Пермяцкого окружного краеведческого музея им. П. И. Субботина-Пермяка в июле 1961 г. // Архив ИА РАН, д. 2280.
19. Панова Т. Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI вв. М. : Радуница, 2004. 184 с.
20. Семенов В. А. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск : УдмНИИ, 1980. С. 5–135.
21. Смертин А. Р. Погребальные конструкции у средневекового населения Верхнего и Среднего Прикамья // LIV Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция : материалы

Всероссийской (с международным участием) археологической студенческой конференции, Астрахань, 01–03 февраля 2022 года). Астрахань : ИП Сорокин Роман Васильевич, 2022. С. 222–226.

22. Халикова Е. А., Халиков А. Х. Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник) // Археология евразийских степей. Выпуск 25. Казань : Изд-во «Фэн», 2018. 144 с.

References

1. Belavin A. M., Krylasova N. B. Drevnyaya Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk [Ancient Afkula: archaeological complex near the village. Rozhdestvensk]. Perm, PF IIA UrO RAN Publ., 2008, 603 p. (In Russ.).

2. Belavin A. M., Krylasova N. B. Ogurdinskii mogil'nik [Ogurdinsky burial ground]. Perm, Permskii gosudarstvennyi gumanitarno-pedagogicheskii universitet Publ., 2012, 258 p. (In Russ.).

3. Viktorova V. D. Ugry v lesakh Urala (stranitsy rannei istorii mansi) [Ugrians in the forests of the Urals (pages of the early history of Mansi)]. Ekaterinburg, IIA UrO RAN Publ., 2008, 208 p. (In Russ.).

4. Gening V. F. Demenkovskii mogil'nik pamyatnik lomovatovskoi kul'tury [Demenkovsky burial ground, a monument to the Lomovatov culture]. *Voprosy arkheologii Urala* [Questions of archeology of the Urals]. 1964, iss. 6, pp. 94-162. (In Russ.).

5. Gening V. F. Mydlan'-Shai udmurtskii mogil'nik VIII-IX vv [Mydlan-Shai Udmurt burial ground VIII–IX centuries]. *Voprosy arkheologii Urala* [Questions of archeology of the Urals]. 1962, iss. 3, pp. 7-132. (In Russ.).

6. Gening V. F., Goldina R. D. Pozdnelomovatovskie mogil'niki v Komi-Permyatskom okruge [Late Lomovatov burial grounds in the Komi-Permyak district]. *Voprosy arkheologii Urala* [Questions of archeology of the Urals]. 1970, iss. 9, pp. 30-56. (In Russ.).

7. Gening V. F., Khalikov A. F. Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik) [Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник)]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 200 p. (In Russ.).

8. Goldina R. D. Lomovatovskaya kul'tura v Verkhnem Prikam'e [Lomovatov culture in the Upper Kama region]. Irkutsk, Izd-vo Irkutского un-ta Publ., 1985, 280 p. (In Russ.).

9. Goldina R. D., Vodolago N. V. Mogil'niki nevolinskoi kul'tury v Priural'e [Burial grounds of the Nevolin culture in the Urals]. Irkutsk, Izd-vo IGU Publ., 1990, 176 p. (In Russ.).

10. Goldina R. D., Prokopov A. V. Otchet o raskopkakh Agafonovskogo mogil'nika v 1969 g. [Report on the excavations of the Agafonovsky burial ground in 1969.]. *Arkhiv IA RAN* [Archive of IA RAS]. d. 4005. (In Russ.).

11. Danich A. V. Issledovaniya Bayanovskogo mogil'nika [Research of the Bayanovsky burial ground]. *Trudy KAEЕ* [Proceedings of KAEЕ]. 2016, iss. XI, pp. 36-43. (In Russ.).

12. Danich A. V. Pogrebal'nyi obryad po materialam Piter (Stepanovo Plotbishche) mogil'nika [Funeral rite based on materials from the Peter (Stepanovo Plotbishche) burial ground]. *Trudy KAEЕ* [Proceedings of KAEЕ]. 2020, iss. XVII, pp. 72-84. (In Russ.).

13. Kananin V. A. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Afanas'evskom raione Kirovskoi oblasti v 1978 g. [Report on archaeological research in the Afanasyevsky district of the Kirov region in 1978.]. *Arkhiv IA RAN* [Archive of IA RAS], f. r.-1. (In Russ.).

14. Kananin V. A. Pogrebal'nyi obryad srednevekovykh mogil'nikov verkhov'ev r. Kamy [Funeral rites of medieval burial grounds in the upper reaches of the river. Kama]. *Etnicheskie protsessy na Urale i v Sibiri v pervobytnuyu epokhu* [Ethnic processes in the Urals and Siberia in the primitive era]. Izhevsk, Udmurtskij gosudarstvennyi universitet, 1983, pp. 80-95. (In Russ.).

15. Krylasova N. B. Bryukhova N. G. Plotnikovskii mogil'nik [Plotnikovsky burial ground]. Perm, Permskii gosudarstvennyi gumanitarno-pedagogicheskii universitet Publ., 2017, 222 p. (In Russ.).

16. Moryakhina K. V. Konstruktivnye osobennosti pogrebal'nykh yam na srednevekovykh mogil'nikakh Permskogo Predural'ya [Design features of burial pits in medieval burial grounds of the Perm

Cis-Urals]. *XXII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie* [XXII Ural Archaeological Meeting]. November 21-25, 2022, Kurgan, Kurganskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2022, pp. 275-277. (In Russ.).

17. Oborin V. A. Komi-permyaki [Komi-Permyaks]. *Finno-ugry Povolzh'ya i Priural'ya v srednie veka* [Finno-Ugrians of the Volga and Urals region in the Middle Ages]. Izhevsk, UdIIYAL UrO RAN, MarNII, 1999, pp. 255-298. (In Russ.).

18. Oborin V. A. Otchet o rabote arkheologicheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo universiteta i Komi-Permyatskogo okruzhnogo kraevedcheskogo muzeyaya im. P. I. Subbotina-Permyaka v iyule 1961 g. [Report on the work of the archaeological expedition of the Perm State University and the Komi-Permyak Regional Museum named after. P.I. Subbotin-Permyak in July 1961]. *Arkhiv IA RAN* [Archive of IA RAS]. d. 2280. (In Russ.).

19. Panova T. D. Tsarstvo smerti. Pogrebal'nyi obryad srednevekovoï Rusi XI-XVI vv. [Kingdom of death. Funeral rite of medieval Rus' of the 11th-16th centuries.]. oscar, Radunitsa Publ., 2004. 184 p. (In Russ.).

20. Semenov V. A. Varninskii mogil'nik [Varna burial ground]. *Novyi pamyatnik polomskoi kul'tury* [New monument of Polomsky culture]. Izhevsk, UdmNII Publ., 1980, pp. 5-135. (In Russ.).

21. Smertin A. R. Pogrebal'nye konstruksii u srednevekovogo naseleniya Verkhnego i Srednego Prikam'ya [Funeral structures among the medieval population of the Upper and Middle Kama region]. *LIV Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya studencheskaya konferentsiya* [LIV Ural-Volga region archaeological student conference]. February 01-03, 2022, Astrakhan, IP Sorokin Roman Vasil'evich, 2022, pp. 222-226. (In Russ.).

22. Khalikova E. A., Khalikov A. Kh. Rannie vengry na Kame i Urale (Bol'she-Tiganskii mogil'nik) [Early Hungarians on the Kama and the Urals (Bolshe-Tigansky burial ground)]. *Arkheologiya evraziiskikh stepei* [Archeology of the Eurasian steppes]. Iss. 25, Kazan, Fən Publ., 2018, 144 p. (In Russ.).

Информация об авторе

К. В. Моряхина – кандидат исторических наук, доцент,
кафедра отечественной и всеобщей истории, археологии,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the author

K. V. Moryakhina – Ph. D. (History), Associate Professor,
Department of National and Universal History, Archeology,
Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 29.07.2023; одобрена после рецензирования 16.08.2023; принята к публикации 25.08.2022.

The article was submitted 29.07.2023; approved after reviewing 16.08.2023; accepted for publication 25.08.2023.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 18–28.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2023. No. 11. P. 18-28.

Научная статья

УДК 94(470.53)(092)

doi: 10.24412/2713-0231-2023-11-18-28

«ТОКАРЬ ИЗ ПЕРМИ»

Николай Михайлович Филатов

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,
Filatov@pspu.ru

Аннотация. В современной отечественной историографии в отличие от советской при рассмотрении истории парламентаризма практически исчез из исследований феномен посланников из простого народа, в частности его пролетарских слоёв. Цель статьи – дать портрет редкого исключения – депутата Государственной Думы созыва 2011–2016 гг., Валерия Владимировича Трапезникова, которого журналисты окрестили «токарем из Перми». Автор помимо открытых источников и периодической печати опирается на записи своего личного архива. В работе преимущественно используются историко-хронологический, историко-сравнительный методы исследования. Рассматриваются годы учёбы, полувековой трудовой стаж, профсоюзная и депутатская деятельность В. В. Трапезникова. Отмечаются внешние факторы, способствовавшие буквально метеорному взмыванию простого рабочего пермского авиапрома в большую политику. В заключительной части биографии Валерия Владимировича приводятся крупницы информации личного характера.

Ключевые слова: Пермь, феномен рабочего Прикамья, Валерий Владимирович Трапезников, Государственная Дума Российской Федерации.

Для цитирования: Филатов Н. М. «Токарь из Перми» // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 18–28. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-11-18-28>

Original article

"TURNER FROM PERM"

Nikolai M. Filatov

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, Filatov@pspu.ru

Abstract. In modern Russian historiography, in contrast to the Soviet one, when considering the history of parliamentarism, the phenomenon of envoys from the common people, in particular its proletarian strata, has practically disappeared from research. The purpose of the article is to give a portrait of a rare exception – the deputy of the State Duma of the convocation of 2011–2016, Valery Vladimirovich Trapeznikov, whom journalists dubbed as "the turner from Perm". In addition to open sources and periodicals, the author relies on the records of his personal archive. The work mainly uses

historical-chronological, historical-comparative research methods. The years of study, half a century of work experience, trade union and deputy activity of V. V. Trapeznikov are considered. External factors that contributed to the meteoric rise of a simple worker of the Perm aviation industry into big politics are noted. In the final part of the biography of Valery Vladimirovich, bits of personal information are given.

Keywords: Perm, the phenomenon of the working Kama region, Valery Trapeznikov, the State Duma of the Russian Federation.

For citation: Filatov N. M. "Turner from Perm". Humanitarian Studies. History and Philology. 2023;11:18-28. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-11-18-28>

Введение

Губернскую Пермь со времён её основания опоясывал крепкий пролетарский пояс. Мотовилиха стала даже сакральным символом города, её иначе как рабочей и не называли. Соответственно с появлением на российской земле парламента и рабочей курии в нём заговорили о первых политиках от станка. Многие в Перми знают завод Шпагина, но лишь единицы узких специалистов могут что-то рассказать о депутате-рабочем Государственной думы второго созыва Алексее Алексеевиче Шпагине [Кириянов 2006: 71–72], чьё имя до сих пор носят пермские железнодорожные мастерские. Нет необходимости напоминать, что пришедшие к власти в 1917 г. большевики истово молились на пролетариев и выделяли им щедрую квоту во всех советских органах. Правда, Шпагиных там довольно быстро заменили представителями рабочей аристократии и назвать кого-то из смельчаков, сумевших громко, хотя бы по-шолоховски заявить о себе с высокой советской трибуны, мы не можем. Наверное, они были и в столице Западного Урала, но делали это на полузакрытых мероприятиях, после чего туда уже не допускались.

И вот грянула горбачёвская перестройка, расцвели сто цветов и как в царские времена в политике снова появились яркие имена народных депутатов – металлурга Ярина, таксиста Сухова, наладчика станков с числовым управлением С. Б. Калягина из Перми. Когда советская власть вслед за КПСС потеряла бразды правления и страна вернулась к буржуазному парламенту, то рабочие в нём снова стремительно исчезли. Долгое время такой витриной КПРФ там был лишь слесарь В. Шандыбин. С установлением вертикали власти после 2000 г. наступила пауза в парламентском представительстве рабочих и вдруг в конце 2011 г. мы видим буквально метеорное взмывание в большую политику «токаря из Перми», как быстро окрестили язвительные на язык журналисты В. В. Трапезникова. Как это могло произойти с рабочим, за плечами которого нет даже ремесленного училища, не говоря уже о высшем образовании? Что это за пермская аномалия? Какие загадки и тайны за этим скрываются?

Мне как историку, который занимался процессами революции 1905–1907 гг. на Урале и становлением современной многопартийности очень хотелось проникнуть хотя бы в часть тайн редкого явления в российской политике – так возникла идея написать о человеке, который попал в поле моего обозрения ещё с начала 1990-х гг. Предтечей этой научной статьи стало поэтическое поздравление, подготовленное ещё к 70-летию героя, которое я рискну представить на суд читателя.

Сей порог переступая,
 Среди вороха идей,
 Целый ряд их отвергая,
 Твой отмечу юбилей.
 Но не очерком весомым,
 Не пришёл ему свой срок.
 Вместо этого резонны
 Полусотня рифмы-строк.
 Сорок лет – пора расцвета.
 Снимок, правда, не ахти.
 Да Трапезников ли это,
 Как с сегодняшним свести?
 Ничего сводить не надо,
 Просто следует признать:
 Ждёт достойного награда,
 Кто умеет побеждать.
 Да, Валерины колена
 Знали все учителя.
 Так возможно дух Валенсы
 Сей подросток закреплял.

По стопам поляка двинул –
 Школа, армия, завод –
 На Калининском он принял
 Профсоюзов чёткий код.
 Токарь высшего разряда,
 Агитатор-оптимист.
 На станке всегда порядок.
 Лыжник, автомобилист.
 И с таким потенциалом
 Президенту на глаза
 Он попался, встав из зала,
 Правду-матку рассказав.
 Ну, а дальше, как известно,
 Журналисты всяких СМИ
 Лепят как кулич из теста
 Термин «токарь из Перми».
 В общем наш герой по праву
 Свой встречает юбилей.
 Так держать! Трудись на славу
 Для себя и для людей!

При создании очерка о депутате Государственной Думы созыва 2011–2016 гг. использовались не только доступные печатные и электронные материалы, но и записи из личного архива автора статьи.

Драматическое детство и юность.

Трапезников Валерий Владимирович считает себя коренным пермяком [Машиностроитель. 2003, 9 июня], хотя в областном центре живёт только с 1955 г. [Личный архив автора: 1.5.2014] и во всех анкетных данных указывает, что родился 19 марта 1947 г. в Нытве Молотовской области (ныне Пермского края) [Трапезников Валерий Владимирович 2023]. В 2014 г. «Новый день», «оглядываясь в прошлое, добрым словом вспомнила отца Валеры, бывшего прокурора В. А. Трапезникова, который послужил на благо народа на нытвенской земле» [Новый день. 2014, 14 января].

Осенью 1946 г. в г. Нытве действительно появляется районный прокурор, юрист III класса Трапезников Владимир Александрович [Сталинский путь. 1947, 3 октября], переведённый туда с женой-ленинградкой, педагогом Еленой Меркурьевной из Кизела [Новое время. 2014, 8 февраля]. Его заметки в местной «районке» регулярно сообщают о борьбе с расхищением колхозной собственности [Сталинский путь. 1946, 17, 31 октября, 14 ноября; 1947, 15 мая; 1948, 5 августа, 14 октября].

В 1950 г. трёхлетний Валера переезжает в Кудымкар, поскольку отца назначили прокурором Коми-Пермяцкого округа [По ленинскому пути. 1950, 22 ноября; 1955, 22 июня]. В первый класс он пошёл учиться в городскую школу № 2 г. Кудымкара, но проучился там недолго [Парма – Новости. 2015, 7 октября]. Сначала скоропостижно умерла мать [По ленинскому пути. 1953, 9 октября], а через два года овдовевшего В. А. Трапезникова перевели в областную прокуратуру.

Герой нашего очерка не любит рассказывать о своих родителях, потому о воспитывающей его после смерти матери мачехе известно лишь то, что она окончила дошфак Пермского пединститута [Личный архив автора: 28.12.1998]. Мальчика рано научили читать. В школе ему «очень нравились» география и история, «изучал по ним царей, вождей СССР и партии», кроме этих двух предметов нравились труд и физкультура – «бегал с утра до вечера». В числе нелюбимых у будущего пермского политика были все точные науки. Об оценках по ним Валерий Владимирович дипломатично умалчивает, ссылаясь на давность событий, а про оценку за поведение говорит просто: «три плюс-минус» [Ура Ру Пермь 2014].

В одном из первых интервью «Вечерней Перми» [1993, 13 июля] Валерий назвал себя «типичным аксёновским «звёздным мальчиком»»: «В 1960-х годах все уходили на заводы и заканчивали вечернюю школу». Так наш герой, добываясь юношеской самостоятельности, по окончании восьмилетки 3 сентября 1962 г. устроился слесарем-сборщиком на номерной электроприборный завод, совмещая работу с учёбой в вечерней школе [Профсоюзный курьер. 1997, 13 ноября; Звезда. 2012, 6 марта; Коммерсантъ-Прикамье. 2014, 31 мая]. Аттестат получил уже в Пермской средней областной заочной школе [Личный архив автора: 8.2.2014], после чего в 1964 г. перешёл на завод им. Калинина [Профсоюзный курьер. 1997, 13 ноября].

Будущим историкам пермского парламентаризма ещё предстоит раскрыть настоящую причину, почему парень с уже имеющимся трудовым стажем не пошёл по стопам отца-юриста. Спецвыпуск федеральной «Российской газеты» [1999, 20 ноября: 44] прямо указывает на незаконченное высшее образование Трапезникова В. В. Оставив учёбу, он в 1966 г. ушёл на службу в Советскую Армию [Законодательное собрание Пермского края 2016]. Находился в составе контингента войск ОВД, вводимых летом 1968 г. в Чехословакию. Демобилизовался в 1969 г. младшим лейтенантом [Личный архив автора: 22.2.2014], (в настоящее время капитан бронетанкового подразделения запаса [Личный архив автора: 23.2.2013]).

Токарь с полувековым стажем и профсоюзный активист. После армии в 1969 г. В. В. Трапезников вернулся на завод им. Калинина и работал там до конца 2011 г. токарем-ремонтником в группе механика цеха № 50, которая включала в себя бригады слесарей-ремонтников и токарей численностью до 40 человек [Машиностроитель. 1987, 16 декабря]. Валерий считался «неплохим токарем», работая на станке 1985 г. – «1К62Д» на воздушной подушке [Машиностроитель. 1994, 2 марта]. Сам он об этом периоде говорил так: *«Когда был токарем, бесплатно я не работал. В 8 утра в цехе, до 16 часов рабочая смена, а в 16.01 я уже на проходной. Надо ценить себя. Я очень дорого стою, и все это знали»* [Пермское региональное отделение «Единой России» 2015]. *После армии В. В. Трапезников женился, хотя первый брак распался*, 2 марта 1973 г. у него родилась единственная дочь Жанна, которая после окончания ГАФТ им. П. Ф. Лесгафта в Санкт-Петербурге преподаёт фехтование [Звезда. 2018, 26 апреля].

В комсомоле не состоял [Новый компаньон. 2012, 15 мая], но с 1973 г. активно участвовал в профсоюзной деятельности [Машиностроитель. 1999, 29 октября.]. По словам работника завода А. Д. Пищальникова, это был «человек активной жизненной позиции» [Машиностроитель. 1986, 15 августа]. Сам Трапезников признавался, что политика из него сделали профсоюзы и за это он им благодарен: «То есть я научился выступать, научился говорить. Я не оканчивал высшее учебное заведение, я начинал с бригады, цеха, завода, центрального комитета профсоюза... Школа это очень серьёзная» [Эхо Москвы, программа Корзуна 2014].

В КПСС вступил, когда возглавил профессиональную организацию группы механика 50 цеха завода, что произошло в 1983 г. [Машиностроитель. 1983, 11 марта]. Избирался народным заседателем Пермского областного суда, председателем цеховой организации общества борьбы за трезвость [Машиностроитель. 1986, 15 августа]. Именно с последней общественной должности началась профсоюзная «карьера» активного токаря. Уже в июле 1987 г. президиум профкома производственного объединения освободил предыдущего председателя заводской организации ВДОБТ, предложив на его место ВВТ. Отчитываясь 9 декабря того же года, токарь беспощадно раскритиковал руководство комитета ВЛКСМ за неучастие в борьбе с пьянством [Машиностроитель. 1987, 16 декабря; 1988, 14 октября, 2 ноября].

Трапезников избирался заместителем секретаря партбюро цеха № 50 (первичка насчитывала более 100 членов), членом Свердловского РК КПСС (1988–1990 гг.) [Машиностроитель. 1988, 28 декабря], выступал за создание отдельной Российской КП с центром в Ленинграде и газетой «Искра» [Машиностроитель. 1989, 18 октября, 28 ноября; 1990, 2 февраля, 1 июня]. Из партии не выходил, требуя на общезаводском собрании 21 февраля 1991 г. политической оценки вышедших из неё начальника цеха и мастеров, на массовом митинге против ГКЧП 20 августа того же года вместе с демократами вошёл в стачечный комитет, а 7 ноября 1991 г. на городской демонстрации тщетно обращался к бывшему руководству Пермского обкома КПСС возглавить возрождение коммунистического движения на новых началах [Машиностроитель. 1991, 6 марта, 23 августа, 15 ноября].

Как уже отмечалось выше, ещё до распада КПСС и СССР начала складываться карьера «профсоюзного трибуна В. В. Трапезникова». Начиная Валерий Владимирович с профорганизатора в родной группе механика 50 цеха, потом стал неосвобождённым председателем цехкома (в подчинении было 900 членов профсоюза) [Машиностроитель. 1994, 2 марта]. В дни празднования 70-летия профсоюзной организации ОАО «ПАО «Инкар» награждён медалью Роспрофавиа «Ветеран профсоюза» [Машиностроитель. 2010, 26 ноября]. С ноября 1990 г. – член ЦК профсоюза трудящихся авиационной промышленности Советского Союза, который 11 октября 1991 г. был преобразован в Российский профсоюз работников авиации, единственным представителем от Перми туда направили снова Трапезникова [Машиностроитель. 1991, 26 октября].

Долгий путь в политику. 9–10 октября 1992 г. в Москве состоялась учредительная конференция партии Труда во главе с О. Н. Смолиным, в исполком которой от профсоюзов вместе с москвичом М. Нагайцевым вошёл В. В. Трапезников. В Перми ему удалось сколотить десяток своих сторонников [Филатов 1995: 148].

В 1990 г. В. В. Трапезников впервые участвовал на выборах депутатов Пермского областного совета, но во втором туре проиграл директору школы В. И. Пастушенко. Присутствовал во время демонтажа Берлинской стены в октябре 1990 г. [Машиностроитель. 1990, 14 марта, 15 июня, 3 октября, 30 октября]. Организовывал митинги на заводах и фабриках, в регионе, в Москву прилетал в 1991–93-м гг., выступал против Анпилова, однако «антинародную политику правительства Ельцина – Черномырдина» тоже критиковал [Машиностроитель. 1994, 14 июня]. Пытался создать фракцию внутри возрождённой КПРФ, но его рабочую делегацию не допустили даже на восстановительную конференцию в Перми 6 февраля 1993 г. [Филатов 2004: 107].

Неоднократно в составе профсоюзных делегаций выезжал за границу (Франция, Италия, Испания, Турция и др. [Вестник профавиа.1993, № 2; Машиностроитель. 1993, 6 и 13 августа.]).

Поддержанный профсоюзами, пытался в 1993 г. баллотироваться в Совет Федерации, но не собрал необходимые 20 тысяч подписей [Личный архив автора: 5.11.1993]. Выдвигал свою кандидатуру в 1994 г. на пост председателя профкома «Инкара», но из-за неосторожных высказываний о продаже социальной инфраструктуры предприятия для использования прибыли на зарплату проиграл [Машиностроитель. 1994, 17 марта]. Редакция заводской многотиражки в этот период выражала удивление «странной охотой влезать в дебаты и выборы, в комитеты, советы и комиссии, ведь от всей своей бурной общественной деятельности он не получал в сущности никакой корысти» [Машиностроитель. 1994, 2 марта].

В 1997 г. снова безуспешно пытался баллотироваться в Законодательное собрание Пермской области [Итоги выборов в Законодательное собрание Пермской области, декабрь 1997: 46]. Неоднократно принимал участие в выборах в Государственную думу: в 1995 г. по партийным спискам блока «Профсоюзы и промышленники России», идя в региональном списке «Шмаков, Щербаков, Вольский» [Эхо Москвы, программа Корзуна 2014], в 1999 г. – «Отечество – Всей России» [Российская газета. 1999, 20 ноября. Спецвыпуск: 44].

С 2001 г. в региональном совете «Единой России» был делегатом первого партийного съезда [Машиностроитель. 2002, 30 января].

В конце 2002 г. выступил на VII Всемирном Русском Народном Соборе в Храме Христа Спасителя в рамках форума «Вера и труд: духовно-культурные традиции и экономическое будущее России» с тезисом: «Если у молодого рабочего нет возможности приобрести квартиру, то не надо ждать от него заведения семьи» [Машиностроитель. 2003, 27 января].

12 января 2011 г. В. В. Трапезникова, отчитавшегося перед профсоюзной организацией родного 50 цеха из почти 400 членов (99 % от числа работающих), вновь на пять лет избрали предцехкома [Машиностроитель. 2011, 28 января], 23 марта того же года он снова избран в состав профкома предприятия [Машиностроитель. 2011, 25 марта].

Пермский токарь в российском парламенте. В июне 2011 г. по рекомендации профкома АО «Стар» В. В. Трапезникова избрали доверенным лицом Общероссийского Народного Фронта на территории Пермского края [Машиностроитель. 2011, 27 июня.], после чего он не только принял участие в праймериз 14 сентября 2011 г., но и добился лично от премьер-министра В. В. Путина слова.

Именно тогда он прославился на всю страну, когда пожаловался на зарплаты в «конвертах» и засилье чиновников в ЕР и сделал рывок в своей политической карьере. Для убедительности своего вывода приведём подробную выдержку из стенограммы разговора В. В. Трапезникова с В. В. Путиным [Стенограмма встречи с участниками праймериз «Единой России» 13 сентября 2011 г.].

В. В. Путин: Вы человек энергичный и объясняете свою позицию.

В. В. Трапезников: ... Да, я жёстко, конкретно говорил... пусть кое-кому это не нравится. Почему все губернаторы едут на съезд «Единой России», а многие не члены партии? Почему? И получается, чтобы в СМИ появиться: съезд губернаторов, чиновников и так далее. А где простые члены партии? Фермер, рабочий, конструктор, врач где? Вы представляете, список посмотрел в нашем регионе – нет никого. Я в политсовете («Единой России») один рабочий, и то пытались меня убрать, потому что много говорю.

В. В. Путин: Но не получилось?

В. В. Трапезников: Не получилось, вернули через полгода. Это я, а другой-то будет смущаться.

В. В. Путин: Но теперь я вас запомню, вас не выгонят ниоткуда.

Через неделю пермский токарь Трапезников вошел в генсовет ЕР [Коммерсантъ-власть. 2012, № 1], а 4 декабря 2011 г. избран в Государственную думу VI созыва, в её комитет по труду, социальной политике и ветеранам, став председателем подкомитета по занятости населения. За время пребывания в парламенте (2011–2016 гг.), В. В. Трапезников провёл 155 выступлений (наибольшее количество среди всех пермских представителей) и участвовал в 18 законодательных инициативах. Подобный количественный дисбаланс отражает во многом характер деятельности В. Трапезникова в качестве депутата – а именно, уклон в сторону «трибунности» [Как поработали депутаты Госдумы от Прикамья? Анализ 2016].

После избрания депутатом Госдумы он сохранил членство в профкоме АО «Стар» и платит взносы. «Иначе не могу... Я даже в гроб положу свой профсоюзный билет» – признавался он Корзуну на «Эхе Москвы» [Эхо Москвы, программа Корзуна 2014]. Заводская многотиражка подтверждает, что в конце 2012 г. В. В. Трапезников принимал участие в конференции трудового коллектива ОАО «СТАР» [Машиностроитель. 2013, 28 января], а в последних числах апреля 2014 г. сделал взнос в кассу взаимопомощи профсоюза [Машиностроитель. 2014, 29 мая]. 26 мая 2012 г. избран в состав президиума Генсовета «Единой России» (аналог ПБ ЦК КПСС из 27 чел.) [«Единая Россия» 2012].

Участвовал в работе учредительного съезда ОНФ 11–12 июня 2013 г. и вошёл состав центрального штаба движения «Народный фронт – за Россию», состоящий из 55 человек [«Народный фронт – за Россию» 2013]. 12 июня 2013 г. Президент России В. В. Путин указом № 557 наградил В. В. Трапезникова медалью Ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени за большой вклад в развитие российского парламентаризма и активную законотворческую деятельность. РБК считает награду скромной и присуждённой потому, что ВВТ понравился В. В. Путину инициативами «вернуть звание Героя Труда и ограничить размер компенсаций руководителям госкорпораций при увольнении» [РБК 2013]. В ранге депутата Госдумы Трапезников В. В. побывал в Сербии, Венгрии и Женеве [Личный архив автора: 1.5.2014].

В 2016 г. проиграл праймериз «Единой России» в Прикамье, но был выдвинут партией в составе партийного списка в Законодательное собрание Пермского края [Пермское региональное отделение «Единой России» 2016].

Отработал в нём пятилетний срок в качестве первого заместителя председателя комитета по социальной политике, являясь также заместителем руководителя фракции «Единая Россия». В округе, по которому избирался Валерий Трапезников, 22 поселения, в том числе 5 районных центров – Карагай, Верещагино, Нытва, Очер, Сива. [Комсомольская правда-Пермь. 2019, 24 января].

Скромно отметив в марте 2017 г. свой 70-летний юбилей, Валерий Владимирович в сентябре того же года встречал уже 55-летие пребывания в профсоюзе [Керженцева 2023]. Включён в украинский санкционный список за поддержку «Крымнаш» [Новый компаньон. 2019, 22 марта].

Крупницы информации личного характера. Прежде чем подойти к кратким выводам по феномену «токаря из Перми», хотелось представить его с неформальной, неполитической стороны. У Валерия Владимировича есть старшая сестра в Екатеринбурге, избравшая отцовскую стезю, сейчас находящаяся на заслуженном отдыхе [Личный архив автора: 31.1.2015.] и младший брат, военный пенсионер [Личный архив автора: 23.3.2019]. Выше упоминавшаяся дочь от первого брака проживает в Санкт-Петербурге, одна воспитывая внучку и внука [Профсоюзный курьер. 1997, 13 ноября.].

Он женат вторым браком на дочери ветерана Великой Отечественной войны Бутиковой Марии Фёдоровны (1922–2014) [Эхо Москвы, программа Корзуна 2014] – Татьяне Витальевне. Супруга нашего героя на два года младше него и окончила в 1973 г. вечернее отделение истфака ПГУ (диплом защищала у П. И. Хитрова, оппонировал И. С. Капцугович) [Личный архив автора: 1.3.1999]. Проживают Трапезниковы в «трёхкомнатной квартире в центре Перми» [Машиностроитель. 1993, 13 августа.]. «Я свою жилищную проблему, – объяснял журналистам Валерий, – решил ещё лет 40 назад – получил квартиру от завода, бесплатно, за добросовестный труд» [Комсомольская правда в Перми. 2020, 15 июля].

В отчёте за 2011 г. показал доход в 368 тысяч руб. против 1,5 млн. супруги [Московский Комсомолец. 2012, 16 апреля]. Став депутатом сначала ГД, а потом ЗСПК, он обошёл жену, зарегистрировав, к примеру, свой доход за 2016 г. уже в размере 6,8 млн. руб. [Ъ-Прикамье. 2017, 24 мая.]. Является акционером родного предприятия [Машиностроитель. 1993, 8 сентября.]. Трапезников имеет и водит внедорожник Toyota RAV 4 [Ъ-Прикамье. 2017, 24 мая.].

Не пьёт, не курит, любит индийский чай, русский хлеб. Хобби – сад, велосипед. Ходит на лыжах. Хоккейный болельщик более 40 лет. Гордо носит бороду [Машиностроитель. 1997, 10 декабря; 2014, 2 февраля].

Подводя краткий итог феномену токаря пермского авиапрома Валерия Владимировича Трапезникова в современной политике, можно согласиться с мнением местного политического консультанта С. Иванова, что в начале 2010-х годов в «Единой России» были востребованы представители рабочего класса [Кадочников 2023]. Нашему герою не только удалось оказаться в нужное время в нужном месте, но и проявить характер, чтобы власть предрежащие обратили на него внимание. Думается, что представленный нами портрет

В. В. Трапезникова убедительно показывает, что он такими качествами обладал. Естественно, что трудовой Западный Урал явил тем самым уникальный случай, который не может носить массового характера, но достоин изучения и подражания.

Список литературы

1. Кадочников К. Рабочее время вышло [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4732251?ysclid=llvnnveg81897424262>// (дата обращения: 2023).
2. Как поработали депутаты Госдумы от Прикамья? Анализ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nesekretno.ru/politika-i-vlast/2107488064/kak-porabotali-deputaty-gosdumy-ot-prikamya-analiz> (дата обращения: 2023).
3. Керженцева Е. В политику из профсоюза [Электронный ресурс] // Профсоюзный курьер. URL: <https://permkrai.er.ru/activity/comments/v-politiku-iz-profsoyuza-profsoyuznyj-kurer?ysclid=llw4tqu85180511470> (дата обращения: 2023).
4. Кирьянов И. К. Пермские депутаты Государственной Думы. Пермь: ООО «Графика». 2006. 80 с.
5. Филатов Н. М. Политическая палитра Пермского Прикамья (по итогам избирательных кампаний 1993–1994 гг.) // Страницы истории Урала. Вып. 2. Пермь, 1995. С. 145–155.
6. Филатов Н. М. История пермской организации КПРФ через призму её кадровых пленумов (1993–2003 гг.) // Вестник Пермского государственного педагогического университета, Серия «История». Выпуск 2. Пермь : Изд-во «Пермский государственный педагогический университет», 2004. С. 106–113.

Список источников

1. Вечерняя Пермь. 1993.
2. Единая Россия [Электронный ресурс] URL: <http://www.edinros.ru/> (дата обращения: 2012).
3. Законодательное собрания Пермского края [Электронный ресурс]. URL: http://zsperm.ru/s1/composition_and_structure/members/3-sozyv_zspk/TrapeznikovVV.php (дата обращения: 2016).
4. Звезда. Газета Пермского края. 2012, 2018.
5. Итоги выборов в Законодательное собрание Пермской области, декабрь 1997. Пермь, 1997.
6. Коммерсантъ-Прикамье. 2014.
7. Комсомольская правда-Пермь. 2019.
8. Личный архив автора. 2013, 2014.
9. Машиностроитель. Многотиражка Пермского карбюраторного завода имени М. И. Калинина (с сентября 1997 г. – ОАО «Пермское агрегатное объединение «Инкар», с апреля 2011 г. – ОАО «Стар»). 1983, 1986–1991, 1994, 1999, 2002, 2003, 2011–2014.
10. Московский комсомолец. 2012.
11. Народный фронт – за Россию [Электронный ресурс]. URL: <http://onf.ru/structure/rukovodstvo/hq/> (дата обращения: 2013).
12. Новое время. Газета Кизеловского района Пермского края. 2014.
13. Новый компаньон. Газета Пермского края. 2012, 2019.
14. Парма-новости. Газета Коми-Пермяцкого автономного округа. 2015.
15. Пермское региональное отделение «Единой России». 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://permkrai.er.ru/news/2015/2/14/valerij-trapeznikov-posetil-motovilihu/> (дата обращения: 2015).
16. По ленинскому пути. Газета Коми-Пермяцкого автономного округа. 1950, 1953, 1955.
17. Профсоюзный курьер. Газета Пермского крайсовпрофа. 1997.
18. РБК [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/politics/03/06/2014/928224.shtml> (дата обращения: 2013).
19. Сталинский путь (с 1957 г. Новый день). Газета Нытвенского района. 1946–1948, 2014.

20. Стенограмма встречи с участниками праймериз «Единой России» [Электронный ресурс] 13 сентября 2011 г. URL: <http://www.putin-itogi.ru/2011/page/68/> (дата обращения: 2011).
21. Трапезников Валерий Владимирович [Электронный ресурс] URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 2023).
22. Ура Ру Пермь [Электронный ресурс]. URL: <http://ura.ru/content/svrd/01-09-2014/articles/1036262834.html> (дата обращения: 2014).
23. Эхо Москвы – советская и российская круглосуточная информационно-разговорная радиостанция, вещавшая с 1990 по 2022 год. [Электронный ресурс]. URL: <http://echo.msk.ru/programs/korzun/884174-echo/#element-text> (дата обращения: 2014).

References

1. Kadochnikov K. Rabochee vremya vyshlo [Working hours are up]. *Kommersant* [Kommersant]. (In Russ.). Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4732251?ysclid=llevnveg81897424262//> (accessed: 2023). (In Russ.).
2. Kak porabotali deputaty Gosdumy ot Prikam'ya? Analiz [How did the State Duma deputies from the Kama region work? Analysis]. (In Russ.). Available at: <http://www.nesekretno.ru/politika-i-vlast/2107488064/kak-porabotali-deputaty-gosdumy-ot-prikamya-analiz> (accessed: 2023). (In Russ.).
3. Kerzhentseva E. V politiku iz profsoyuza [Into politics from the trade union] // *Profsoyuznyi kur'er* [Trade union courier]. (In Russ.). Available at: <https://permkrai.er.ru/activity/comments/v-politiku-iz-profsoyuza-profsoyuznyj-kurer?ysclid=llew4tqu85180511470> (accessed: 2023). (In Russ.).
4. Kir'yanov I. K. Permskie deputaty Gosudarstvennoi Dumy [Perm State Duma deputies]. Perm, ООО «Графика» Publ., 2006, 80 p. (In Russ.).
5. Filatov N. M. Politicheskaya palitra Permskogo Prikam'ya (po itogam izbiratel'nykh kampanii 1993-1994 gg.) [Filatov N. M. Political palette of the Perm Kama region (based on the results of the election campaigns of 1993-1994)]. *Stranitsy istorii Urala* [Pages of the history of the Urals]. Iss. 2, Perm, 1995, pp. 145-155. (In Russ.).
6. Filatov N. M. Istoriya permskoi organizatsii KPRF cherez prizmu ee kadrovyykh plenumov (1993-2003 gg.) [History of the Perm organization of the Communist Party of the Russian Federation through the prism of its personnel plenums (1993-2003)]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, Seriya «Istoriya»* [Bulletin of the Perm State Pedagogical University, History Series]. Iss. 2. Perm, Permskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2004, pp. 106-113. (In Russ.).

List of sources

1. Vechernyaya Perm [1. Evening Perm]. 1993. (In Russ.).
2. Edinaya Rossiya [United Russia] (In Russ.). Available at: <http://www.edinros.ru/> (accessed: 2012).
3. Zakonodatel'noe sobraniya Permskogo kraja [Legislative Assembly of the Perm Territory]. (In Russ.). Available at: http://zspk.ru/s1/composition_and_structure/members/3-sozyv_zspk/TrapeznikovVV.php (accessed: 2016).
4. Zvezda. Gazeta Permskogo kraja [Star. Newspaper of the Perm region]. 2012, 2018. (In Russ.).
5. Itogi vyborov v Zakonodatel'noe sobranie Permskoi oblasti [Results of elections to the Legislative Assembly of the Perm region]. Perm, 1997. (In Russ.).
6. Kommersant"-Prikam'e [Kommersant-Prikamye]. 2014. (In Russ.).
7. Komsomol'skaya pravda-Perm' [Komsomolskaya Pravda-Perm]. 2019. (In Russ.).
8. Lichnyi arkhiv avtora [Personal archive of the author]. 2013, 2014. (In Russ.).
9. Mashinostroitel'. Mnogotirazhka Permskogo karbyuratornogo zavoda imeni M. I. Kalinina (s sentyabrya 1997 g. - OAO «Permskoe agregatnoe ob"edinenie «Inkar», s aprelya 2011 g. - OAO «Star») [Mechanical engineer. Large circulation of the Perm Carburetor Plant named after M.I. Kalinin (since September 1997 - OJSC Perm Aggregate Association Inkar, since April 2011 - OJSC Star)]. 1983, 1986-1991, 1994, 1999, 2002, 2003, 2011-2014. (In Russ.).

10. Moskovskii komsomolets [Moskovsky Komsomolets]. 2012. (In Russ.).
11. Narodnyi front - za Rossiyu [Popular Front - for Russia]. (In Russ.). Available at: <http://onf.ru/structure/rukovodstvo/hq/> (accessed: 2013).
12. Novoe vremya. Gazeta Kizelovskogo raiona Permskogo kraja [New time. Newspaper of the Kizelovsky district of the Perm region]. 2014. (In Russ.).
13. Novyi kompan'on. Gazeta Permskogo kraja [New companion. Newspaper of the Perm region]. 2012, 2019. (In Russ.).
14. Parma-novosti. Gazeta Komi-Permyatskogo avtonomnogo okruga [Parma news. Newspaper of the Komi-Permyak Autonomous Okrug]. 2015. (In Russ.).
15. Permskoe regional'noe otделение «Edinoi Rossii» [Perm regional branch of United Russia]. 2015. (In Russ.). Available at: <http://permkrai.er.ru/news/2015/2/14/valerij-trapeznikov-posetil-motovilihu/> (accessed: 2015).
16. Po leninskomu puti. Gazeta Komi-Permyatskogo avtonomnogo okruga. 1950, 1953, 1955. (In Russ.).
17. Profsoyuznyi kur'er. Gazeta Permskogo kraisovprofa [Trade union courier. Newspaper of the Perm Regional Trade Union]. 1997. (In Russ.).
18. RBK [RBC]. (In Russ.). Available at: <http://top.rbc.ru/politics/03/06/2014/928224.shtml> (accessed: 2013).
19. Stalinskii put' (s 1957 g. Novyi den'). Gazeta Nytvenskogo raiona [Stalin's path (since 1957 New Day). Newspaper of Nytvensky district]. 1946-1948, 2014. (In Russ.).
20. Stenogramma vstrechi s uchastnikami praimeriz «Edinoi Rossii» [Transcript of the meeting with participants in the United Russia primaries]. September 13, 2011. (In Russ.). Available at: <http://www.putin-itogi.ru/2011/page/68/> (accessed: 2011).
21. Trapeznikov Valerii Vladimirovich [Trapeznikov Valery Vladimirovich] (In Russ.). Available at: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (accessed: 2023).
22. Ura Ru Perm' [Ura Ru Perm]. (In Russ.). Available at: <http://ura.ru/content/svrd/01-09-2014/articles/1036262834.html> (accessed: 2014).
23. Ekho Moskvyy - sovetskaya i rossiiskaya kruglosutochnaya informatsionno-razgovornaya radiostantsiya, veshchavshaya s 1990 po 2022 god. [Echo of Moscow is a Soviet and Russian 24-hour information and talk radio station that broadcast from 1990 to 2022]. (In Russ.). Available at: <http://echo.msk.ru/programs/korzun/884174-echo/#element-text> (accessed: 2014).

Информация об авторе

Н. М. Филатов – кандидат исторических наук,
доцент, кафедра отечественной и всеобщей истории, археологии,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the author

N. M. Filatov – Ph. D. (History),
Associate Professor, Department of Russian and World History, Archeology,
Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 29.06.2023; одобрена после рецензирования 16.07.2023; принята к публикации 20.08.2023.

The article was submitted 29.06.2023; approved after reviewing 16.07.2023; accepted for publication 20.08.2023.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 29–38.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2023. No. 11. P. 29-38.

Научная статья

УДК 81'27

doi: 10.24412/2713-0231-2023-11-29-38

ЭКСПРЕССИВНОСТЬ КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Надежда Павловна Сюткина¹, Елена Михайловна Химинец²

^{1,2}Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹nad975@yandex.ru

²ellen.lm@mail.ru

Аннотация. В фокусе внимания авторов находятся экспрессивные языковые средства и их функциональный потенциал в политическом дискурсе. Определяющей характеристикой указанного типа дискурса является его цель, заключающаяся в достижении политической власти и ее удержании. Поэтому политический дискурс имеет выраженный прагматический характер. В статье рассматривается вопрос манипулятивности политического дискурса. В качестве манипулятивных речевых средств рассматриваются экспрессивные языковые единицы, которые создают эффект усиленного воздействия на реципиента. Экспрессивность рассматривается лингвистами как прагматическая категория, функцией которой является привлечение внимания адресата, которое достигается, прежде всего, за счет воздействия на эмоциональную сферу. Экспрессия может существовать на любом уровне языковой системы. В данной статье рассматриваются лексические и синтаксические экспрессивные средства. В качестве источника материала была проанализирована речь Эммануэля Макрона, произнесенная им 26 сентября 2017 г. в университете Сорбонна. Речь должна была убедить слушателей в необходимости реформирования Европейского Союза и призвать слушателей принять те изменения, которые предлагал оратор. Чтобы решить поставленные задачи, Э. Макрон прибегает в своей речи к экспрессивным лингвистическим средствам, которые и были нами проанализированы. Они действительно обладают большим потенциалом с точки зрения речевого манипулирования, позволяя привлечь внимание к нужным моментам, создать необходимый эмоциональный настрой, убедить в своей точке зрения.

Ключевые слова: манипулятивность, политический дискурс, экспрессивность, экспрессивные средства, лексические и синтаксические экспрессивные средства, эмоциональное воздействие.

Для цитирования: Сюткина Н. П., Химинец Е. М. Экспрессивность как средство манипулятивного воздействия в политическом дискурсе // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 29–38. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-11-29-38>

Original article

EXPRESSION AS A MEANS OF MANIPULATIVE INFLUENCE IN POLITICAL DISCOURSE

Nadezhda P. Siutkina¹, Elena M. Khiminets²^{1,2} Perm State National Research University, Perm, Russia¹ nad975@yandex.ru² ellen.lm@mail.ru

Abstract. The authors focus on expressive language means and their functional potential in political discourse. The defining characteristic of this type of discourse is its goal, which is to achieve political power and retain it. Therefore, political discourse has a pronounced pragmatic character. The article includes the issue of manipulateness of the meeting of discourse. As manipulative speech means, expressive language manifestations are considered, which are manifested by the effect of increased impact on the recipient. Expressiveness connects with linguistics as a pragmatic category that increases attention to the address that covers, primarily by considering the impact on the emotional sphere. Expression can exist at the old level of the language system. This article deals with lexical and syntactic expressive means. Emmanuel Macron's speech delivered on September 26, 2017 at the Sorbonne University was analyzed as a source of material. The speech was supposed to convince listeners of the need to reform the European Union and encourage listeners to accept the changes that the speaker proposed. To solve the tasks, E. Macron resorts in his speech to expressive linguistic means, which were analyzed by us. They really have great potential in terms of speech manipulation, allowing you to draw attention to the right moments, create the necessary emotional mood, and convince of your point of view.

Keywords: manipulateness, political discourse, expressiveness, expressive means, lexical and syntactic expressive means, emotional impact.

For citation: Siutkina N. P., Khiminets E. M. Expression as a means of manipulative influence in political discourse. *Humanitarian Studies. History and Philology.* 2023;11:29-38. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-11-29-38>

Введение

В фокусе нашего внимания находятся экспрессивные языковые средства и их функциональный потенциал в политическом дискурсе. Определяющей характеристикой указанного типа дискурса является его цель, заключающаяся в достижении политической власти и ее удержании. Поэтому политический дискурс имеет выраженный прагматический характер (см. например [Олешковская, Шустова 2022; Путина 2023; Путина, Балакин 2022]). Для реализации прагматических задач задействуются механизмы создания экспрессивного текста, под которым, вслед за В. А. Масловой мы понимаем «такую систему (набор) использованных в нем языковых средств, которая позволяет наиболее выразительно представить содержание текста и отношение автора к нему, вследствие чего усилить воздействие на эмоциональную, интеллектуальную и волевую сферы реципиента» [Маслова 1991: 183]. Е. И. Шейгал определяет основную функцию политического дискурса как «инструмента политической власти (борьба за власть, ее сохранение, осуществление, стабилизация и перераспределение)». Эта функция «по отношению к языку политики настолько же глобальна, насколько коммуникативная функция всеохватывающа по отношению к языку в целом» [Шейгал 2000: 50].

Для решения задач, определяемых указанной функцией, используются такие языковые средства, которые затрагивают личную сферу реципиента. Политическая речь должна затронуть нужные струны в массовом сознании «потребителей» этих речей, и чаще всего цель достигается благодаря лексическому манипулированию [Маслова 2008: 45]. Под

речевым манипулированием понимается «форма языкового воздействия, используемая для внедрения в сознание адресата желаний, отношений, целей, намерений или установок, отличных от тех, которыми располагает в данный момент адресат [Чернявская 2006: 3]. Оно достигается с помощью выбора таких средств, которые отличаются повышенной эмоциональностью, образностью, выразительностью, оценочностью, то есть тех, которые относятся к категории экспрессивности. Они помогают воздействовать на массы, формируя необходимые представления и взгляды. «Экспрессивные знаки выступают в роли «дорожных знаков» на пути к обнаружению и пониманию подтекста»; экспрессивный план текста реализуется в изменениях в сознании поведении реципиента, то есть формирует мотивы, интересы, взгляды, убеждения и идеалы личности, систему представлений и понятий, что, в свою очередь, отражается в выборе действий и поступков [Маслова 1991: 190–191].

Экспрессивная функция языка понимается как «способность выражать всевозможные отношения, связывающие обозначение действительности с эмоциональным в своей основе восприятием действительности и стремлением передать это восприятие реципиенту, воздействуя на его деятельность с той или иной целью». Прагматический и функциональный потенциал рассматриваемой категории тесно связан с эмоциями и эмоциональной оценкой: «экспрессивность – это совокупный продукт, выражение некоторого итога, создаваемого целым рядом субъективно ориентированных и эмоционально окрашенных отношений субъекта речи к обозначаемому [Телия 1991: 6]. Экспрессивность может быть создана на любом уровне языковой системы (см. например [Графова, Рогов 2021; Хорошева, Бабич 2021]). Экспрессивные средства в сравнении с нейтральными обладают большим потенциалом воздействия, затрагивая эмоции реципиента. А эмоциональное воздействие, как правило, более эффективно, чем рациональное, когда речь идет о воздействии на массы.

Основная часть

С целью анализа экспрессивных средств манипулятивного воздействия был проанализирован текст выступления президента Французской Республики Э. Макрона. Выступление посвящено вызовам и приоритетам европейской интеграции. Данное выступление состоялось в Париже 26 сентября 2017 г. в большом амфитеатре университета Сорбонны. Основная цель – побудить европейцев к обсуждению путей дальнейшего развития Европы. Оратор предлагает в своей речи такую дорожную карту, которая предполагает последовательные реформы, призванные предупредить и предотвратить кризисные ситуации, как, например, такие, которые возникли в связи с выходом Великобритании из Евросоюза (Brexit). На фоне этих событий, а также кризиса с мигрантами из стран Северной Африки 2015–2016 гг., многие граждане не испытывали больше уверенности в будущем единой Европы. Поэтому идея Э. Макрона, представить такой план реформ, который должен был сделать ее более устойчивой к подобным кризисам, понятна и являлась важным политическим шагом. В речи Макрон говорил о необходимости гармонизации налогообложения в рамках ЕС, учреждения общеевропейского налога на финансовые сделки, а также новых проектов в области обороны и безопасности на наднациональном уровне. Его целью было убедить сомневающихся граждан в необходимости предлагаемых им шагов для лучшего общего будущего. Наряду с другими прагматическими и стилистическими средствами, оратор в своей речи прибегает к

разнообразным экспрессивным средствам. Безусловно, арсенал средств, которые могут носить экспрессивный характер, огромен. В данной статье мы рассмотрим лишь некоторые лексические и грамматические языковые средства, используемые оратором в указанной речи.

К лексическим экспрессивным средствам можно отнести метафоры: «*Et comme construire, ainsi, les six clés de la souveraineté indispensables pour y réussir*» («*И как создать шесть ключей к суверенитету, которые необходимы для нашего успеха*») (здесь и далее перевод наш). Автор использовал метафору «ключ», то есть «приспособление для приведения в движение различных механизмов» (ТСД). Так суверенитет, о котором он говорит, представляется механизмом, который должен успешно работать.

«*Face à l'internationale du terrorisme, l'Europe de la sécurité doit être notre bouclier*» («*Перед лицом международного терроризма безопасная Европа должна быть нашим щитом*»). Противопоставление «угроза – защита», где терроризм – угроза, а Европа – защита от этой угрозы, актуализируется с помощью метафоры «щит». Согласно дефинициям – это «защитное вооружение», «предмет защитной экипировки», «защитный слой» (ТСД). Созданная оратором картина создает образ сильной Европы благодаря предлагаемым реформам, способной стать защитным барьером от опасности.

«*Une Europe qui s'unit pour protéger, intervenir, sauver des vies, c'est une Europe qui retrouve le sens de cette fraternité que nous avons placée en son centre, qui sort de l'incantation pour agir concrètement et démontrer la force de l'action collective*» («*Европа, которая объединяется для защиты, вмешательства и спасения жизней, – это Европа, которая заново открывает для себя чувство братства, которое мы вложили в ее сердце, которая переходит от риторики к конкретным действиям и демонстрирует силу коллективных действий*»). С одной стороны, «сердцем называют внутренний мир человека, сферу эмоций, интуиции в противопоставлении рассудку, разуму» (ТСД), то есть, с помощью этой метафоры Европа предстает в образе человека. С другой стороны, «сердцем называют душевные качества, характер человека» (ТСД), при этом человека, как правило, гуманного и справедливого, с лучшими душевными качествами, к развитию которых европейцы должны стремиться, согласно нарисованному образу.

Так же «сердцем какой-либо местности называют её центральную часть» (ТСД): «... la Méditerranée d'abord, le cœur de notre civilisation» («... Средиземное море, сердце нашей цивилизации»). В этом случае метафора носит поэтический характер, что повышает степень экспрессивности.

В целом метафоры позволяют сделать речь более образной, и, следовательно, экспрессивной, а создаваемые Э. Макроном образы эмоциональны, что позволяет ему воздействовать на эмоциональную сферу реципиентов, направляя их мысли и чувства в нужное русло.

Эпитеты и экспрессивные прилагательные: Каково же должно быть будущее, представляемое оратором? Чтобы показать его, он использовал слово с положительной коннотацией «solidarité», сопроводив его эпитетами, которые подчеркивают исключительность этого качества (*véritable, choisie, organisée, concertée*).

«*En construisant les termes d'une véritable solidarité, choisie, organisée et concertée*» («*Построив условия подлинной солидарности, избранной, организованной и согласованной*»).

«Il faut aussi voir plus loin et je vous le dis clairement, les plus robustes des frontières, les politiques de sécurité les plus ambitieuses ne pourront pas endiguer les migrations qui durent» («*Мы также должны смотреть дальше, и я могу отчетливо сказать вам, что даже самые крепкие границы и самая амбициозная политика безопасности не смогут остановить поток постоянной миграции*»).

«Pour nombre de pays qui avaient connu les pires oppressions, rejoindre l'Union européenne apparaissait comme une promesse inédite d'émancipation» («*Для многих стран, переживших жесточайшее угнетение, вступление в Европейский Союз казалось беспрецедентным обещанием освобождения*»).

В приведенных выше примерах мы можем наблюдать как оратор с помощью эпитетов «*ambitieux*», «*incommensurable*», «*n'est pas soutenable*», «*les pires*», «*inédit*» обрисовывает высокий уровень угрозы и, следовательно, ведет к мысли, что и ответные шаги по предотвращению их, должны быть такими же выдающимися, выбивающимися из разряда привычного.

«Si nous n'avons pas, dans les années qui viennent, un prix du carbone à la tonne significatif pour permettre des réorientations profondes de nos économies, alors ce sera inutile» («*Если в ближайшие годы у нас не будет значительной цены за тонну углерода, которая позволит нам произвести далеко идущие изменения в экономике, то это будет бессмысленно*»).

«C'est pour cela qu'il nous faut une taxe aux frontières de l'Europe sur le carbone, c'est indispensable» («*Вот почему нам необходим углеродный налог на границах Европы – это необходимо*»).

Энергетический кризис с одной стороны, но вопросы изменения климата с другой стороны, определяют политическую и экономическую повестку Европы в XXI в. Эти вопросы касаются каждого, степень глубины проблемы и значимости поиска путей ее решения отражают эпитеты «*inutile*», «*c'est indispensable*».

«Un prix plancher significatif, un vrai prix unique, une vraie transition pour engager cette transformation de nos économies, accompagner les secteurs qui en auront besoin ...» («*Значительная минимальная цена, реальная единая цена, реальное преобразование, чтобы начать трансформацию наших экономик, чтобы поддержать секторы, которые будут в этом нуждаться ...*»).

В этой фразе мы видим, как с помощью эпитетов и повторов Э. Макрон создает нагнетающий эффект.

«En d'autres termes, je souhaite que nous puissions ouvrir de manière décomplexée et inédite une Politique agricole commune qui se pense d'abord avec deux objectifs: nous protéger face à ces grands aléas, à la volatilité des marchés mondiaux qui pourrait mettre en péril la souveraineté alimentaire de l'Europe; favoriser la grande transition agricole européenne et laisser plus de flexibilité au niveau des pays pour organiser la vie des territoires et des filières, mettre moins de bureaucratie, laisser au niveau régional, accompagner de manière plus souple les filières partout où des choix qui restent des choix collectifs de terrains sont nécessaires» («*Другими словами, я желаю, чтобы мы смогли начать Единую сельскохозяйственную политику, беспрпятственную и беспрецедентную, с двумя основными целями: защитить нас перед лицом этих серьезных опасностей и волатильности мировых рынков, которые могут поставить под угрозу продовольственный суверенитет Европы; способствовать великому*

европейскому сельскохозяйственному переходу и оставить на национальном уровне больше гибкости для организации жизни территорий и секторов, уменьшить бюрократию, оставить на региональном уровне возможность более гибкой поддержки секторов там, где необходим выбор, который остается коллективным выбором земельных участков»).

Представляя свою концепцию сельскохозяйственной политики будущего, с помощью эпитетов «*bureaucratique*», «*injuste*», «*grands aléas*», с одной стороны, и «*grand*», «*décomplexé*» и «*inédite*» с другой стороны, Э. Макрон делает абсолютно очевидным выбор для слушателей. Как мы видим из примеров, эпитеты помогают создать образную картину, тем самым оратор может легче достичь своих целей – убедить слушателей в своей правоте.

Фразеологические единицы также относятся к лексическим экспрессивным средствам:

«*Elles savent faire oublier la cohorte de malheurs qui, dans l'Histoire, les a toujours suivies*» («*Они умеют заставить нас забыть о той когорте несчастий, которая всегда следовала за ними исторически*»). История представлена как некая череда несчастий, которая преследует народ. Такая трактовка предполагает пассивную роль преследуемого несчастьями, ему приходится только действовать исходя из сложившихся обстоятельств.

«*L'Europe a cet attachement unique à l'équilibre permanent entre la liberté, la solidarité et la sécurité et c'est bien cela qui est en jeu dans la révolution numérique*» («*Европа способна уникально сохранять постоянный баланс между свободой, солидарностью и безопасностью, и именно это поставлено на карту цифровой революцией*»). Поставить на карту, то есть рискнуть. Здесь речь идет о риске, который создают для Европы современные технологии. Это неизбежно, но об этом риске нужно помнить, поэтому нужны решения для преодоления опасной ситуации.

«... *Cette Amérique ouverte à tous les vents ...*» («... *Эта Америка, открытая всем ветрам...*»). Э. Макрон представляет нам образ несколько нестабильной Америки – она подвержена разным веяниям. Европу же он представляет в своей речи стабильной и безопасной.

Фразеологизмы экспрессивны по своей природе – они более образно описывают то или иное явление, что демонстрируют приведенные примеры, в которых оратор создал яркие образы. Кроме того, они имеют национальную специфику – в них отражается устоявшийся опыт народа, следовательно, с их помощью можно апеллировать к национальным чувствам, создать ощущение единства. А именно такую цель ставил перед собой Э. Макрон. Поэтому использование фразеологизмов оправдано с прагматической точки зрения.

К синтаксическим средствам манипулятивного воздействия относятся, например, восклицательные предложения и предложения с восклицательной интонацией, риторические вопросы. Ниже приведены контексты с восклицательными предложениями:

«*Elles rassurent, et j'ose le dire, ils peuvent demain l'emporter, non parce que les peuples sont crédules! Non parce que l'idée européenne est morte! Mais parce que nous avons, par inconscience, faiblesse ou aveuglement, créé les conditions de leur victoire. Parce que nous avons oublié de vouloir le fil de cette ambition! Parce que nous avons oublié de défendre l'Europe! Parce que nous avons oublié de proposer pour l'Europe!*» («*Они ободряют, и я осмелюсь сказать, что они могут победить завтра, но не потому, что люди легковерны! Не потому, что европейская идея мертва! А потому, что мы, по бессознательности, слабости или слепоте, создали условия для их победы. Потому что мы забыли об этом стремлении! Потому что мы забыли защищать Европу! Потому что мы забыли предложить это для Европы!*»).

«Et au lieu de déplorer le foisonnement de nos langues, nous devons en faire un atout!» («И вместо того, чтобы сокрушаться из-за обилия наших языков, мы должны превратить это в преимущество!»).

«Au lieu de regretter le morcellement de nos contrées, renforçons les échanges!» («Вместо того, чтобы сетовать на раздробленность наших стран, давайте укреплять обмены!»).

Восклицательные предложения выражают сильные эмоции, которые испытывает говорящий. Кроме того, это средство для привлечения внимания. Повышенный эмоциональный фон таких высказываний заставляет слушателя понять, что описываемые явления обладают особой важностью, на них нужно заострить особое внимание. Эмоциональное описание способно породить схожие эмоции у реципиента, что и входит в задачи политика. Слушатель проникается мыслями и идеями, которые представляет Э. Макрон в своей речи.

С этими же целями используются высказывания с восклицательной интонацией. Например:

«Prenons cette ambition, finançons les recherches dans les domaines nouveaux comme l'intelligence artificielle, acceptons la prise de risque» («Будем честолобивы, начнем финансировать исследования в новых областях, таких как искусственный интеллект, рискнем»).

«Des universités européennes qui seront aussi des lieux d'innovation pédagogique, de recherche d'excellence» («Европейские университеты также станут местами инноваций в образовании и передовых исследований»).

«C'est en articulant constamment l'ambition motrice de quelques-uns et le respect du rythme de chacun que nous créerons le désir d'avancer et que l'Europe progressera au bénéfice de tous» («Постоянное сочетание целеустремленности одних с уважением к темпам других, позволит создать желание двигаться вперед и обеспечить прогресс Европы на благо всех»).

В предложениях с восклицательной интонацией тон повышается ближе к концу высказывания. Ярко выраженный эмоциональный окрас легко привлекает внимание публики. Э. Макрон призывает к действию, к общему процветанию и свободе, обещает им лучшее будущее. Поэтому восклицательной интонацией оформлен призыв к совместным действиям: «*allons*», ощущение единых усилий должны создать конструкции: «*nous créerons le désir*», «*nous avons fait*», «*nous avons voulu*». А местоимение «*je*» подчеркивает лидерскую позицию самого Макрона в этом движении. Таким образом, восклицательная интонация обладает выраженным прагматическим эффектом, она помогает усилить перлокутивный эффект.

Примеры реализации манипулятивного воздействия с помощью риторических вопросов:

«Que disent-ils à nos peuples? Que, eux, ont la solution. Que, eux, protégeront. Mais face à quels défis?» («Что они говорят нашим людям? Что у них есть решение. Что они защитят их. Но перед какими вызовами?»).

«Nous connaissons par cœur le débat. Pourquoi à chaque fois ces initiatives se traduisent-elles par un échec?» («Мы знаем эти дебаты наизусть. Почему эти инициативы всегда терпят неудачу?»).

«Je ne veux pas que nous opposions ces ambitions, pourquoi?» («Я не хочу, чтобы мы выступали против этих амбиций, почему?»).

«Et il en est de même pour la taxation, nous devons avoir ce débat, pourquoi?» («То же самое касается и налогообложения. Нам необходимо провести эти дебаты, почему?»).

Риторический вопрос нацелен на то, чтобы привлечь внимание, усилить впечатление, повысить эмоциональный тон, создать приподнятое настроение. Ответ в нем уже заложен, и риторический вопрос только вовлекает слушателя в рассуждение или переживание, делая его более активным, якобы заставляя самого сделать вывод. С помощью этого приема Макрону удается создать иллюзию активного обсуждения, вовлечь слушателей в свои размышления, принять его аргументы и выводы. Рассмотренные экспрессивные средства использованы для достижения вышеуказанных целей. Речь Э. Макрона экспрессивна и поэтому способна убедить слушателя принять точку зрения оратора.

Заключение

В данной работе мы рассмотрели категорию экспрессивности и то, каким образом она может актуализироваться в качестве средства манипулятивного воздействия в политическом дискурсе. Это становится возможным, так как сама категория располагает широким спектром разноуровневых средств, функционально объединенных задачами выделения и привлечения внимания. Политический дискурс имеет ярко выраженный манипулятивный характер, он направлен на то, чтобы убедить реципиентов в той точке зрения, которую представляет политик, увеличить ряды своих сторонников, привлечь на свою сторону молодежь, продвинуть то или иное решение, убедить избирателей отдать свои голоса за нужных депутатов и т. п. Отсюда вытекает и основная характеристика, которая определяет данный тип дискурса – направленность на убеждение, а не на описание чего-либо. Так, скорее всего, выбор будет сделан в пользу экспрессивных средств, поскольку они непосредственно влияют на эмоциональную сферу и, следовательно, обладают большим потенциалом воздействия. Ведь эмоциональное воздействие, как правило, более эффективно, чем рациональное. Использование экспрессивных языковых средств усиливает перлокутивный эффект. Таким образом, экспрессивные языковые средства действительно обладают большим потенциалом с точки зрения речевого манипулирования. Они позволяют привлечь внимание к нужным моментам, создать необходимый эмоциональный настрой, убедить в своей точке зрения.

Список литературы

1. Графова О. И., Рогов М. И. Трансляция экспрессивности политической речи в переводе на русский язык (на материале Фултонской речи У. Черчилля) // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 3. С. 18–23.
2. Маслова В. А. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М. : Наука, 1991. С. 179–205.
3. Маслова В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 43–48.
4. Олешковская У. А., Шустова С. В. Функции инаугурационного обращения // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 3. С. 10–15.

5. Путина О. Н. Дискурсивные маркеры so, actually, whatever как интенсификаторы конфликтности // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 1. С. 43–49.
6. Путина О. Н., Балакин С. В. Речевая коммуникация: прагматический аспект // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 1. С. 4–9.
7. Телия В. Н. Экспрессивность как проявление экспрессивного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М. : Наука, 1991. С. 5–36.
8. ТСД – Толковый словарь Дмитриева [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/1822/> (дата обращения май 2023).
9. Хорошева Н. В., Бабич Е. Н. Ритм как экспрессивный текстообразующий элемент телеобращения политического лидера // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 2. С. 58–65.
10. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дисс. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 440 с.
11. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учебное пособие. М. : Флинта: Наука, 2006. 184 с.
12. Déclaration de M. Emmanuel Macron, Président de la République, sur les défis et priorités de la construction européenne, à Paris le 26 septembre 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/203688-declaration-de-m-emmanuel-macron-president-de-la-republique-sur-les-d> (дата обращения: май 2023).

References

1. Grafova O. I., Rogov M. I. Translyatsiya ekspressivnosti politicheskoi rechi v perevode na russkii yazyk (na materiale Fultonskoi rechi U. Cherrchillya) [Translation of the expressiveness of political speech translated into Russian (based on the material of W. Churchill's Fulton speech)]. *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2021, no. 3, pp. 18-23. (In Russ.).
2. Maslova V. A. Parametry ekspressivnosti teksta [Text expressiveness parameters]. *Chelovecheskii faktor v yazyke. Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti* [Human factor in language. Linguistic mechanisms of expressiveness]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 179-205. (In Russ.).
3. Maslova V. A. Politicheskii diskurs: yazykovye igry ili igry v slova? [Political discourse: language games or word games?]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2008, no. 1 (24), pp. 43-48. (In Russ.).
4. Oleshkovskaya U. A., Shustova S. V. Funktsii inauguratsionnogo obrashcheniya [Functions of the inaugural address]. *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2022, no. 3, pp. 10-15. (In Russ.).
5. Putina O. N. Diskursivnye markery so, actually, whatever kak intensifikatory konfliktogenosti [Discourse markers so, actually, whatever as conflict intensifiers]. *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2023, no. 1, pp. 43-49. (In Russ.).
6. Putina O. N., Balakin S. V. Rechevaya kommunikatsiya: pragmaticheskii aspekt [Speech communication: pragmatic aspect]. *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2022, no. 1, pp. 4-9. (In Russ.).
7. Teliya V. N. Ekspressivnost' kak proyavlenie ekspressivnogo faktora v yazyke i ee pragmaticheskaya orientatsiya [Expressiveness as a manifestation of the expressive factor in language and its pragmatic orientation]. *Chelovecheskii faktor v yazyke. Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti* [Human factor in language. Language mechanisms of expressiveness]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 5-36. (In Russ.).
8. TSD - Tolkovyi slovar' Dmitrieva [TSD - Dmitriev's Explanatory Dictionary]. (In Russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/1822/> (accessed: May 2023).

9. Khorosheva N. V., Babich E. N. Ritm kak ekspressivnyi tekstoobrazuyushchii element teleobrashcheniya politicheskogo lidera [Rhythm as an expressive text-forming element of a political leader's television address]. *Evrasiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2021, no. 2, pp. 58-65. (In Russ.).

10. Sheigal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]. Doctoral dissertation. Volgograd, 2000, 440 p. (In Russ.).

11. Chernyavskaya V. E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeistviya [Discourse of power and power of discourse: problems of speech influence]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2006, 184 p. (In Russ.).

12. Déclaration de M. Emmanuel Macron, Président de la République, sur les défis et priorités de la construction européenne, à Paris le 26 septembre 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/203688-declaration-de-m-emmanuel-macron-president-de-la-republique-sur-les-d> (дата обращения: май 2023).

Информация об авторах

Н. П. Сюткина – кандидат филологических наук, доцент,
кафедра лингвистики и перевода,

Пермский государственный национальный исследовательский университет;

Е. М. Химинец – старший преподаватель,
кафедра лингвистики и перевода,

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

N. P. Syutkina – Ph. D. (Philology),

*Associate Professor, Department of Linguistics and Translation,
Perm State University;*

E. M. Khiminets – Senior Lecturer, Department of Linguistics and Translation,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 20.06.2023; одобрена после рецензирования 16.07.2023; принята к публикации 10.08.2023.

The article was submitted 20.06.2023; approved after reviewing 16.07.2023; accepted for publication 10.08.2023.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 39–48.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2023. No. 11. P. 39-48.

Научная статья

УДК 811.581

doi: 10.24412/2713-0231-2023-11-39-48

КОГНИТИВНЫЙ ПРИЗНАК «ЛЮБОВЬ» В КИТАЙСКИХ ЧЭНЬЮЙ О СЧАСТЬЕ

Бай Линсяо

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
Чэнду, Китай, blingkong2008@yandex.ru

Аннотация. Сегодня наблюдается активный рост числа политических, научных, экономических контактов между Россией и Китаем. Взаимный интерес России и Китая к языку и культуре двух стран стимулирует разного рода исследования. Всё это обуславливает огромный интерес к изучению китайского языка и китайской лингвокультуры. Понятие «любовь» раскрывается в статье с точки зрения психологии, культурологии и философии. В предлагаемой статье анализируется когнитивный признак ЛЮБОВЬ, зафиксированный в оппозиции «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ». Материалом для нашего исследования послужили китайские чэньюй. В данной статье определяется граница между понятиями «СЧАСТЬЕ» и «НЕСЧАСТЬЕ» во фразеологических единицах китайского языка. Целью исследования является разработка когнитивного признака ЛЮБОВЬ, актуализирующего оппозицию «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ» в китайских чэньюй. Материалом для исследования послужили чэньюй в китайском языке, которые символизируют любовь как счастливую и как несчастливую. С помощью фразеологических словарей, корпуса китайского языка Пекинского университета и корпуса современного китайского языка автором статьи выявлены типичные примеры, в которых функционируют изучаемые чэньюй. Единицы и контексты для исследовательского корпуса были отобраны методом сплошной и направленной выборки. Кроме того, были использованы методы семантического и контекстного анализа, а также описательный метод. Автором статьи произведён анализ как положительных, так и отрицательных оценочных характеристик, обнаруженных в отобранных чэньюй. В ходе исследования установлено, что оппозиция «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ» представляет собой базовую когнитивную категорию сознания, широко репрезентированную в китайских чэньюй и формирующую ментальное пространство человека – носителя китайского языка.

Ключевые слова: оппозиция, любовь, чэньюй, когнитивный признак, китайский язык.

Для цитирования: Бай Линсяо. Когнитивный признак «ЛЮБОВЬ» в китайских чэньюй о счастье // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 39–48. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-11-39-48>

Original article

THE COGNITIVE SIGN OF "LOVE" IN CHINESE CHENGYU ABOUT HAPPINESS

Bai Lingxiao

Perm State University, Perm, Russia; Cheng du, China, blingkong2008@yandex.ru

Abstract. Today there is an active growth in the number of political, scientific, and economic contacts between Russia and China. The mutual interest of Russia and China in the language and culture of the two countries stimulates various kinds of research. All this causes a huge interest in the study of the Chinese language and Chinese linguoculture. The concept of "love" is disclosed in the article from the point of view of psychology, culturology and philosophy. The proposed article analyzes the cognitive attribute of LOVE recorded in the opposition "LOVE - Unhappiness". The material for our study is Chinese Chengyu. This article determines the boundary between the concepts (words) "HAPPY" and "HAPPINESS" in phraseological units of the Chinese language. The aim of the study is to develop the cognitive feature LOVE, actualizing the opposition "HAPPY - UNHAPPY" in Chinese Chengyu. The material for the study was Chengyu in Chinese, which symbolize love as happy and as unhappy. With the help of phraseological dictionaries, the corpus of Chinese language of Peking University and the corpus of modern Chinese, the author of the article identified typical examples in which the studied chengyu function. The units and contexts for the research corpus were selected by solid and directional sampling. In addition, the methods of semantic and contextual analysis as well as descriptive method were used. The author of the article analyzes both positive and negative evaluative characteristics found in the selected Chengyu. In the course of the study, it was found that the opposition "Happiness - Unhappiness" is a basic cognitive category of consciousness, which is widely represented in Chinese Chengyu and forms the mental space of a native Chinese speaker.

Key words: opposition, love, Chengyu, cognitive feature, Chinese.

For citation: Bai Lingxiao. The cognitive sign of "love" in chinese chengyu about happiness. Humanitarian Studies. History and Philology. 2023;11:39-48. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-11-39-48>

Введение

Язык является главным инструментом познания и освоения внешнего мира. Это уникальный и комплексный феномен культуры, отражающий мир, менталитет народа, национальные стереотипы и традиции. Реализации взаимопонимания способствует развитие лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и других направлений лингвистики. В центре внимания наук когнитивного цикла находятся разнообразные проблемы, связанные с 1) репрезентацией знаний, 2) моделированием как познавательным механизмом, 3) исследованием информационных процессов, 4) изучением метафоры и др. Особая роль в изучении этих процессов отводится когнитивной лингвистике (составляющей, по оценке специалистов, вместе с когнитивной психологией и когнитивной социологией ядро когнитивной науки), которая участвует в познании человеческого разума и интеллекта, немислимых без языка и языковой способности как способности к порождению и восприятию речи [Ивашкевич 2021: 34]. Во второй половине XX в. на место господствующей системно-структурной парадигмы в языкознании приходит антропоцентрический подход, рассматривающий взаимосвязь языка и культуры, взаимодействие человека и внешнего мира [Арутюнова 1999; Вежбицкая 1996; Кубрякова 1995; Попова 2002], в том числе в аспекте анализа фразеологизмов и паремий и актуализации эмотивности и экспрессивности в языке [Фразеологизмы и паремии ... 2020; Шустова, Сюткина 2020; Шустова, Яхьяпур 2020]. Наше исследование выполнено в рамках антропоцентрического подхода на материале китайских чэньюй.

Под чэньюй мы, вслед за З. И. Барановой, понимаем устойчивое фразеологическое словосочетание (чаще четырехсловное), построенное по нормам древнекитайского языка, семантически монолитное, с обобщённым переносным значением, носящее экспрессивный характер, функционально являющееся членом предложения [Баранова 1969: 98]. Главным источником собранной нами картотеки послужили 汉语大辞典 Hànyǔ dàcídiǎn «Большой словарь китайского языка» [БСКЯ], 大 БКРС [БКРС] и 成语宝典 Chéngyǔ bǎodiǎn «Собрание чэньюй» [СЧ]. В качестве методов использовались метод направленной выборки, описательный метод, корпусный анализ и контекстуальный анализ.

В словаре С. И. Ожегова: «любовь – глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство; чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности» [Словарь Ожегова]. «Любовь – высшее чувство, проявляющееся в глубокой эмоциональной привязанности личности к другому лицу или персонализированному объекту. Любовь как интимное глубокое чувство может быть устремлена на другую личность, человеческую общность или идею (*Любовь к детям, родителям, Родине, жизни* и т. п.). Самая яркая форма любви – индивидуальная половая любовь [Педагогический терминологический словарь].

Основная часть

В нашей классификации когнитивный признак ЛЮБОВЬ конкретизируется оппозитивными парами, как *верность – измена, забота – безразличие, сопровождение – в одиночку, уважение – пренебрежение, смелость – робость, терпение – нетерпение, близость – дальность, гармония – дисгармония*.

Актуализация оппозиции «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ» в когнитивном признаке ЛЮБОВЬ происходит за счёт детализации признаков *верность – измена*.

Положительные характеристики: 一心一意 yī xīnyī yì – внимательно относиться к одному человеку или делу; 情有独钟 qíngyǒudú zhōng – единственная любовь; 从一而终 cóngyī érzhōng – любить одного с самого начала; 忠贞不渝 zhōngzhēnbù yú – неизменный и преданный; 海枯石烂 hǎikū shí làn – любить друг друга навсегда; 一生一世 yī shēngyī shì – отношения за всю жизнь; 百年好合 bǎiniánhǎohé – любить друг друга до 100 лет.

Отрицательные характеристики: 三心二意 sānxīn èryì – (букв. «Три сердца две мысли») описывает «нерешительный», «семь пятниц на неделе»; 朝三暮四 zhāosānmù sì – (букв. «Утром – три, а вечером – четыре») семь пятниц на неделе, всегда изменяющийся; 始乱终弃 shǐ luànzhōngqì – бросить любимого; 众叛亲离 zhòngpànqīnlí – окружающие и родные отходят от него; 喜新厌旧 xǐ xīnyuànjiù – любить нового и ненавидеть старого; 忘恩负义 wàng ēnfù yì – забыть любовь другого; 见异思迁 jiànyì sī qiān – видеть нового и забыть старого; 恩将仇报 ēnjiāngchóubào – изменять благодетеля; 背信弃义 bèixìnqì yì – вероломство; 吃里爬外 chī lǐ pá wài – букв. «есть своё и видеть другое»; жить за счёт одних, а служить другим.

Чэньюй 一心一意 yī xīnyī yì (букв. «Одно сердце одна мысль») означает «внимательно относиться к одному человеку или делу», «всем сердцем», «целеустремленный» [汉语成语词典]. В современное время данный чэньюй актуализирует *любовь к кому-то*, так же часто используется в сфере профессии и политики: 如果你真的找到了一个自己无比喜欢的人，你就会和他一心一意地经营生活。(bbs.voc.com.cn 07.12.2020) Если вы действительно найдёте кого-то, кто вам очень понравится, вы будете *всем сердцем* управлять своей жизнью вместе с ним; 一心一意为群众办好事、办实事，是中青年干部义不容辞的责任。(bbs.voc.com.cn. 23.06.2020). Долг молодых и средних кадров – делать хорошие и практичные вещи для масс *единым сердцем и разумом*.

Противоположный по смыслу чэньюй 三心二意 sānxīn èryì (букв. «Три сердца две мысли») описывает «нерешительный человек», «семь пятниц на неделе» [БСКЯ].

荷花女看他这样，猛地把头一抬说道：“只要你没有三心二意，我就和你一块逃到天边海岛去。”(bbs.voc.com.cn. 22.12.2020). Увидев его в таком состоянии, девушка-лотос внезапно подняла голову и сказала: «Когда ты перестанешь быть *нерешительным*, я сбегу с тобой на остров».

三心二意不是真正的忠诚。(bbs.voc.com.cn. 23.06.2020). *Половинчатая преданность* – это не настоящая преданность.

Актуализация оппозиции «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ» в когнитивном признаке ЛЮБОВЬ происходит за счёт детализации признаков *забота – безразличие*.

Положительные характеристики: 无微不至 wú wēi bù zhì – заботиться друг о друге; 关怀备至 guānhuáibèizhì – оказать большую заботу; 比翼双飞 bǐ yì shuāngfēi – полететь бок о бок; лететь парами; 相濡以沫 xiāngrú yǐ mò – любить друг друга между супругами.

Отрицательные характеристики: 心灰意冷 xīnhuī yì lěng – разочароваться в ком-либо; 漠不关心 mò bù guānxīn – равнодушный к кому-то; 不闻不问 bù wénbù wèn – не заботиться и не обращать внимание; 无动于衷 wú dòngyú zhōng – оставаться безразличным и равнодушным.

Оппозиция *забота – безразличие* играет важную роль в категории ЛЮБОВЬ и символизирует СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ. Когда человек искренне любит кого-то, необходимо выразить заботу и внимание.

В-после-того-как-два-месяца-встретившись, Ли-и-Чу-Нань, в-течение-более-чем-двух-месяцев-после-общения-Ли-ухаживает-за-Чу-Нань, заботится о девушке, и чувства двух быстро нагревались. (go.rss.sina.com.cn). В течение более чем двух месяцев после общения Ли ухаживает за Чу Нань, заботится о девушке, и чувства двух быстро нагревались.

Чэньюй 漠不关心 mò bù guānxīn – равнодушный к кому-то, реализует несчастливую любовь: 男人越来越明显的漠不关心，让女人彻底失去了依赖。(bbs.voc.com.cn). Всё более очевидное безразличие мужчин полностью лишает женщин зависимости от него.

Актуализация оппозиции «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ» в когнитивном признаке ЛЮБОВЬ происходит за счёт детализации признаков *в сопровождении – в одиночку*.

Положительные характеристики: 形影不离 xíngyǐngbù lí – находиться в неразрывной связи; как нитка за иголкой; как тело и его тень; 不离不弃 bù lí bù qì – не бросить друг друга в любой трудной ситуации; 天长地久 tiānchángdì jiǔ – близкие отношения продолжаются; 风雨同舟 fēngyǔ tóngzhōu – (букв. «плыть в бурю в одной лодке») помогать друг другу в несчастье, сообща преодолевать трудности.

Отрицательные характеристики: 孤独终老 gū dú zhōnglǎo – одиноко до конца жизни; 独守空房 dú shǒukōngfáng – остаться одиноким дома; 孤苦伶仃 gū kǔ língdīng – одиноко; 无依无靠 wú yī wú kào – не на кого опереться; быть беззащитным; 形单影只 xíngdānyǐngzhī – одиноко.

В любви каждый человек хочет остаться вместе и в китайском языке об этом говорит чэньюй 形影不离 xíngyǐngbù lí – находиться в неразрывной связи; как нитка за иголкой; как тело и его тень – показывает отношения двух близких людей, их стремление всегда сопровождать друг друга. Оппозиция чэньюй 独守空房 dú shǒukōngfáng – остаться одиноким, дома – часто используется в ситуации, когда человек остается один после свадьбы.

婚后的吕茂和胡黎形影不离，亲密无间，幸福的样子让胡黎以前的那些追求者嫉妒，让左邻右舍和亲朋好友无不羡慕。(go.rss.sina.com.cn). После свадьбы Лу Мао и Ху Ли неотделимы друг от друга, близки, счастливый взгляд заставил предыдущих преследователей Ху Ли ревновать, так что соседи, родственники и друзья завидуют.

不过，如果男人一心都扑在了工作和事业上，迟早会冷落到女人，那么，独守空房，对于女人来说，无疑就会是家常便饭了。(health.sohu.com). Но если мужчина целиком «бросился в работу и карьеру», рано или поздно он начинает пренебрегать женщиной, для женщины, несомненно, будет обычным делом держать пустую комнату в одиночестве.

Актуализация оппозиции «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ» в когнитивном признаке ЛЮБОВЬ происходит за счёт детализации признаков *уважение – пренебрежение*.

Положительные характеристики: 相敬如宾 xiāngjìngrú bīn – уважать друг друга между супругами; 举案齐眉 jǔ ànqí méi – супруги живут, уважая друг друга; 毕恭毕敬 bì gōngbì jìng – быть весьма почтительным; 夫唱妇随 fū chàngfù suí – жена должна сопровождать мужа; 同心同德 tóngxīntóngdé – держаться одних помыслов, единомышленный.

Отрицательные характеристики: 白眼相看 báiyǎnxiāngkàn – оставаться безучастным зрителем; 出言不逊 chū yánbù xùn – говорить непочтительно; 高傲自大 gāo àozi dà – надменность и амбициозность; 冷言冷语 lěngyánlěngyǔ – холодные слова; 心不在焉 xīnbù zàiyān – относиться без души, рассеянный.

Признаки *уважение – пренебрежение* показывают счастливую и несчастливую любовь. В жизни человек должен уважать другого. Уважение помогает в любовных отношениях,

делает их прочными и крепкими, а пренебрежение приносит только разочарование, и такие отношения рано или поздно закончатся.

夫妻之间相敬如宾，彼此对生活心存感恩，情感交流顺畅，家庭内部阻力减到最低，自然富贵长命，子孙繁茂。(baobao.sohu.com). Супруги уважают друг друга, благодарны друг другу за жизнь, эмоциональный обмен, внутреннее сопротивление семьи сводится к минимуму, естественно, семья богата и долговечна, дети процветают.

如今已经不在乎你的冷言冷语,因为你我已不是一路人了。(syfabiao.com). Теперь мне плевать на твои холодные слова, потому что мы с тобой уже не одни.

Актуализация оппозиции «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ» в когнитивном признаке ЛЮБОВЬ происходит за счёт детализации признаков *смелость – робость*.

Положительные характеристики: 百折不挠 bǎizhé bù náo – непреклонный (не сворачивать с пути); 奋不顾身 fù tāngdǎohuǒ – самоотверженный; 赴汤蹈火 fù dǎotānghuǒ – букв. «шагать по кипятку, ступать по огню», не останавливаться перед трудностями; 无所畏惧 wú suǒ wèijù – ничего не бояться.

Отрицательные характеристики: 不敢高攀 bù gǎngāopān – не сметь выходить даже на шаг за пределы; 低声下气 dī shēngxià qì – говорить с кем приниженным тоном; 畏首畏尾 wèishǒuwèiwěi – бояться всего, трусливый; 伏低做小 fú dī zuò xiǎo – оставить себя в мелкое положение; 奋不顾身 fù tāngdǎohuǒ – самоотверженный.

Чэньюй 奋不顾身 fù tāngdǎohuǒ – самоотверженный и 无所畏惧 wú suǒ wèijù – ничего не бояться – демонстрирует смысл, что для любящего человека его избранник – самый лучший, за него можно отдать всё, даже жизнь. Любовь также предстаёт как сила, для которой не писаны законы и уставы. Она не подчиняется никому и не знает никаких ограничений.

嫣红经常在好友镜心危难时刻奋不顾身的去帮忙救助，二人历经波折，最后都找到了真爱。(yule.sohu.com). Янь Хун часто в бедственное время помогал другу ..., они прошли через преграды и, наконец, нашли настоящую любовь.

对于一个女人，面对丈夫的如此请求，是愤怒、是纠结、是无奈，看到他低声下气，我居然犯贱的答应了。(go.rss.sina.com.cn). Для женщины, сталкивающейся с такой просьбой мужа, это гнев, запутанность, беспомощность, видя, что он шепчет, «на самом деле я смиренно согласился».

Актуализация оппозиции «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ» в когнитивном признаке ЛЮБОВЬ происходит за счёт детализации признаков *терпение – нетерпение*.

Положительные характеристики: 坚持不懈 jiānchí bù xiè – настойчиво; 契而不舍 qiè ér bù shě – неуклонно; 矢志不移 shǐ zhì bù yí – неустанный; 百依百顺 bǎiyī bǎishùn – слушаться кого во всём.

Отрицательные характеристики: 有始无终 yǒushǐ wú zhōng – незаконченный; 漫不经心 mànbù jīngxīn – оставить без всякого внимания; 心急如焚 xīnjí rú fén – сердце будто огнём объято; 前功尽弃 qiángōngjìnqì – все усилия пошли прахом.

Терпимость к недостаткам и их принятие также является одной из составляющих признаков концепта «любовь» в китайской языковой картине мира.

或许是意识到了危机，所以伊莉娜才会百依百顺，想借此留住男友的心。(sports.sohu.com). Возможно, это было осознание кризиса, и поэтому Елена пошла на всё, чтобы сохранить сердце своего парня.

那是一个黄昏，我依旧漫不经心的向前跑着，为了适应她的速度。(gameonline.yesky.com). Это был вечер, и я всё ещё небрежно бежал вперед, чтобы приспособиться к её скорости.

Актуализация оппозиции «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ» в когнитивном признаке ЛЮБОВЬ происходит за счет детализации признаков *близость – дальность*.

Положительные характеристики: 亲密无间 qīnmì wú jiàn – самые тесные отношения; 卿卿我我 qīngqīngwǒ wǒ – любить друг друга; 伉俪情深 kānglì qíngshēn – глубочайшая любовь; 心心相印 xīnxīnxiāngyìn – сердце к сердцу; 如胶似漆 rú jiāosì qī – водой не разлить кого; 生死相依 shēngsǐ xiāngyī – сопровождать друг друга до смерти.

Отрицательные характеристики: 分道扬镳 fēndào yángbiāo – идти по разным дорогам; 冷若冰霜 lěngruò bīngshuāng – букв. «холодный, как лёд и иней», быть равнодушным; 形同陌路 xíngtóngmò lù – относиться как к чужим; 劳燕分飞 láoyàn fēnfēi – букв. «сорокопуть и ласточки разлетелись в разные стороны», расстаться.

Несомненно, любовь сближает людей и способствует тому, что расстояние между людьми всё ближе, но когда любовь исчезает, они становятся равнодушными и далёкими.

情人节，不仅仅向外人展示你们心有所属，更是情侣之间亲密无间的象征之一。(go.rss.sina.com.cn). День Святого Валентина – это не только демонстрация того, что у вас есть любимый, но и символ близости между влюбленными.

这些情侣有的已经步入婚姻殿堂，有的正在热恋，有的则已劳燕分飞。(sports.sohu.com). Некоторые из этих пар вошли в брачный зал, некоторые влюбляются, а другие уже расстались.

Актуализация оппозиции «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ» в когнитивном признаке ЛЮБОВЬ происходит за счёт детализации признаков *гармония – дисгармония*.

Положительные характеристики: 琴瑟和鸣 qínsè hé míng – гармонично; 天作之合 tiānzuo zhī hé – прекрасная пара; 水乳交融 shuǐ rǔ jiāoróng – букв. «вода, соединённая с молоком»; прочная, крепкая связь; 鸾凤和鸣 luánfèng hé míng – гармонично; 情投意合 qíngtóuyì hé – быть в добром согласии.

Отрицательные характеристики: 吵吵闹闹 chǎochǎonào— ссориться и драться; 貌合神离 màohe shénlí – букв. «внешне – сходиться вместе, сердцем – расходиться, быть врозь», быть неискренним; 同床异梦 tóngchuángyì mèng – букв. «постель у них одна, да сны разные», ... каждый делает своё личное дело.

В китайских чэньюй также выделяется смысл *гармония – дисгармония* между любящими людьми. Каждый стремится к гармоничным и долгосрочным отношениям, но в понимании некоторых любящих людей мелкие споры и неурядицы способствуют лишь укреплению любви.

我爱他，我们就是天生一对，天作之合。(bbs.voc.com.cn). Я люблю его. Мы созданы друг для друга.

典型的情况是最初对外时非常恩爱而私底下形同分手，迟些，貌合神离，最后分手告终。(astro.women.sohu.com). Типичным случаем является то, что вначале внешне очень любезно и в частном порядке, как будто расстались, позже, внешне разошлись и, наконец, расстались.

Заключение

Подводя итоги рассмотрению актуализации оппозиции «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ» с помощью анализа когнитивного признака ЛЮБОВЬ на основе функционирования чэньюй в китайском языке, мы приходим к выводу, что, во-первых, ЛЮБОВЬ является базовой когнитивной категорией сознания в понимании «СЧАСТЬЯ – НЕСЧАСТЬЯ», широко представленной в форме китайских чэньюй. Когнитивные признаки, участвующие в категоризации оппозиции, являются основополагающими не только для конкретного дискурса разных культур и языков, но и формирующими понимание других языков и стран мира.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, изд. 2-е, испр. 1999. 896 с.
2. Баранова З. И. Чэньюй как разряд фразеологизмов китайского языка : дисс. ... канд. филол. наук. М., 1969. 154 с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Издательство: Русские словари, 1996. 416 с.
4. Демографический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://demography.academic.ru/> (дата обращения: май–июнь 2023).
5. Ивашкевич И. Н. К вопросу о взаимосвязи между психологическими и языковыми структурами (междисциплинарный подход к проблеме) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 1. С. 33–40.
6. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века : сборник статей. М. : Изд-во «Российский государственный гуманитарный университет», 1995. С. 144–238.
7. Попова Е. А. Человек как основополагающая величина современного языкознания // Филологические науки. 2002. № 3. С. 69–77.
8. Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: май–июнь 2023).
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ozhegov.info/slovar/> (дата обращения: май–июнь 2023).
10. Фразеологизмы и поговорки: лингвистические и прагматические аспекты функционирования. Коллективная монография / Мидер В., Шустова С. В., Меньшакова Н. Н., Цзоу С., Завгороднева М. П. Пермь : АНО ДПО «Пермский институт экономики и финансов», 2020. 188 с.

11. Шустова С. В., Сюткина Н. П. Рацио и эмоцио в грамматике: эмотивно-каузативный категориальный семантический комплекс // Ratio at Emotio: Рациональное и эмоциональное в языке и речи. Коллективная монография / Манукян Я. А., Мегрелишвили Т. Г., Рязановский Л. М., Сюткина Н. П., Шустова С. В., Трофимова Н. А. СПб. : Русская христианская гуманитарная академия, 2020. С. 73–168.

12. Шустова С. В., Яхьяпур М. Ценностные представления о небе и земле: лингвокультурологический анализ фразеологизмов и паремий русского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Т. 6. № 3. С. 197–204.

13. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/es/> (дата обращения: май–июнь 2023).

14. 大 БКРС Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: июнь 2023).

15. 汉语大辞典 Большой словарь китайского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hydc.com/> (дата обращения: май–июнь 2023).

16. 成语宝典 Собрание чэньюй [Электронный ресурс] URL: <https://chengyu.duwenz.com/> (дата обращения: май–июнь 2023).

17. 北京大学汉语语料库 Корпус китайского языка Пекинского университета [Электронный ресурс]. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (дата обращения: май–июнь 2023).

18. 汉语语料库 Корпус современного китайского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/> (дата обращения: май–июнь 2023).

19. [COR] Корпус китайского языка Лейпцигского университета [Электронный ресурс]. URL: https://corpora.uni-leipzig.de/de?corpusId=zho-simp_news_2010 (дата обращения: май–июнь 2023).

References

1. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka [Language and the human world]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., ed. 2nd, 1999, 896 p. (In Russ.).

2. Baranova Z. I. Chen'yui kak razryad frazeologizmov kitaiskogo yazyka [Chengyu as a category of phraseological units of the Chinese language]. PhD thesis. Moscow, 1969, 154 p. (In Russ.).

3. Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996, 416 p. (In Russ.).

4. Demograficheskii entsiklopedicheskii slovar'. [Demographic encyclopedic dictionary]. (In Russ.). Available at: <https://demography.academic.ru/> (accessed: May-June 2023).

5. Ivashkevich I. N. K voprosu o vzaimosvyazi mezhdu psikhologicheskimi i yazykovymi strukturami (mezhdistsiplinarnyi podkhod k probleme) [On the issue of the relationship between psychological and linguistic structures (an interdisciplinary approach to the problem)]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanities studies. History and philology]. 2021, no. 1, pp. 33-40. (In Russ.).

6. Kubryakova E. S. Evolyutsiya lingvisticheskikh idei vo vtoroi polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza) [Evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (experience of paradigmatic analysis)]. *Yazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and science of the late 20th century]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ., 1995, pp. 144-238. (In Russ.).

7. Popova E. A. Chelovek kak osnovopolagayushchaya velichina sovremennogo yazykozvaniya [Man as a fundamental value of modern linguistics]. *Filologicheskie nauki* [Philological sciences]. 2002, no. 3, pp. 69-77. (In Russ.).

8. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka pod redaktsiei D. N. Ushakova [Explanatory dictionary of the Russian language, edited by D. N. Ushakov]. (In Russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (accessed: May-June 2023).

9. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. (In Russ.). Available at: <http://ozhegov.info/slovar/> (accessed: May-June 2023).

10. Mider V., Shustova S. V., Mentshakova N. N., Tszou S., Zavgorodneva M. P. *Frazeologizmy i paremii: lingvisticheskie i pragmaticheskie aspekty funktsionirovaniya* [Phraseologisms and proverbs: linguistic and pragmatic aspects of functioning]. Perm, ANO DPO «Permskii institut ekonomiki i finansov» Publ., 2020, 188 p. (In Russ.).

11. Shustova S. V., Syutkina N. P. Ratsio i emotsio v grammatike: emotivno-kauzativni kategorial'nyi semanticheskii kompleks [Ration and emotion in grammar: emotive-causative categorical semantic complex]. *Ratio at Emotio: Ratsional'noe i emotsional'noe v yazyke i rechi* [Ratio at Emotio: Rational and emotional in language and speech]. Saint Petersburg, Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya Publ., 2020, pp. 73-168. (In Russ.).

12. Shustova S. V., Yakh'yapur M. Tsennostnye predstavleniya o nebe i zemle: lingvokul'turologicheskii analiz frazeologizmov i paremii russkogo yazyka [Value ideas about heaven and earth: linguocultural analysis of phraseological units and proverbs of the Russian language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics]. 2020, vol. 6, no. 3, pp. 197-204. (In Russ.).

13. Entsiklopedicheskii slovar' [Encyclopedic Dictionary]. (In Russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/es/> (accessed: May-June 2023).

14. 大 БКРС Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: июнь 2023).

15. 汉语大辞典 Большой словарь китайского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hydc.com/> (дата обращения: май–июнь 2023).

16. 成语宝典 Собрание чэньюй [Электронный ресурс] URL: <https://chengyu.duwenz.com/> (дата обращения: май–июнь 2023).

17. 北京大学汉语语料库 Корпус китайского языка Пекинского университета [Электронный ресурс]. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (дата обращения: май–июнь 2023).

18. 汉语语料库 Корпус современного китайского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/> (дата обращения: май–июнь 2023).

19. [COR] Корпус китайского языка Лейпцигского университета [Электронный ресурс]. URL: https://corpora.uni-leipzig.de/de?corpusId=zho-simp_news_2010 (дата обращения: май–июнь 2023).

Информация об авторе

Бай Линсяо – аспирант, кафедра теоретического и прикладного языкознания,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

Bai Lingxiao – Postgraduate Student, Department of Theoretical and Applied Linguistics,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 20.07.2023; одобрена после рецензирования 30.07.2023; принята к публикации 15.08.2023.

The article was submitted 20.07.2023; approved after reviewing 30.07.2023; accepted for publication 15.08.2023.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 49–61.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2023. No. 11. P. 49-61.

Научная статья

УДК 811.161.1'36

doi: 10.24412/2713-0231-2023-11-49-61

ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТЬ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ГЛАГОЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Светлана Викторовна Шустова

Пермский государственный национальный исследовательский университет,

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,

lanaschust@mail.ru

Аннотация. В предлагаемой статье анализируется функциональный потенциал глаголов русского языка с целью выявления и описания синкретичных значений. В фокусе внимания находятся вопросы, связанные с актуализацией категории инструментальности в языке. Инструментальность как семантическая категория функциональной грамматики может быть представлена равноуровневыми языковыми средствами, в том числе в рамках синкретичных или инкорпорантных комплексов. Инструментальность рассматривается как семантическая категория. Семантические категории выделяются на основе их регулярной представленности в структурах конкретных языков. Они рассматриваются как понятийные (мыслительные, когнитивные) сущности, так как фиксируют единство мира и единство его восприятия, актуализируя определенные функции. В процессе функционирования языковая единица может выполнять больше назначений, чем предполагается изначально. Существует и обратная связь: при увеличении количества реализаций языковой единицы увеличивается и количество ее потенций, то есть расширяется ее функциональный потенциал. В лингвистике выделяются опредмеченный и неопредмеченный способы осуществления действия. Предметная инструментальность предполагает наличие материального инструмента, а непредметная подразумевает действие-способ. В качестве инструмента в широком понимании могут выступать также речь, состояния, действия, информация. Особенности появления и развития в языке глаголов с инкорпорированными актантами мало изучены, это обуславливает актуальность исследования. В статье предлагается анализ семантики глагольных лексем, позволяющий фиксировать прототипические и непрототипические значения реализации инструментальности.

Ключевые слова: глагол, категория инструментальности, функциональный потенциал, отсубстантивные глаголы, семантическая категория.

Для цитирования: Шустова С. В. Инструментальность в семантическом потенциале глаголов русского языка // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 49–61. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-11-49-61>

Original article

INSTRUMENTALITY IN THE SEMANTIC POTENTIAL OF RUSSIAN VERBS

Svetlana V. Shustova

Perm State National Research University, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, lanaschust@mail.ru

Abstract. This article analyzes the functional potential of Russian verbs in order to identify and describe syncretic meanings. The authors focus on issues related to the actualization of the category of instrumentality in the language. Instrumentation as a semantic category of functional grammar can be represented by multi-level linguistic means, including within the framework of syncretic or incorporative complexes. Instrumentality is considered as a semantic category. Semantic categories are distinguished based on their regular representation in the structures of specific languages. They are considered as conceptual (thinking, cognitive) entities, since they fix the unity of the world and the unity of its perception, actualizing certain functions. In the process of functioning, a language unit can perform more assignments than originally intended. There is also a feedback: with an increase in the number of implementations of a language unit, the number of its potencies also increases, that is, its functional potential expands. In linguistics, objectified and non-objective ways of carrying out an action are distinguished. Objective instrumentality presupposes the presence of a material tool, and not objective implies an action-method. Speech, states, actions, and information can also act as a tool in a broad sense. The peculiarities of the appearance and development of verbs with incorporated actants in the language are poorly studied, this determines the relevance of the study. The article offers an analysis of the semantics of verbal lexemes, which makes it possible to fix prototypical and non-prototypical meanings of the implementation of instrumentality.

Keywords: verb, category of instrumentality, functional potential, substantive verbs, semantic category.

For citation: Shustova S. V. Instrumentality in the semantic potential of Russian verbs. Humanitarian Studies. History and Philology. 2023;11:49-61. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-11-49-61>

Введение

Данное исследование посвящено вопросам актуализации значения инструментальности глаголами русского языка. Понятие *инструментальность* неоднократно являлось объектом исследования на материале ряда языков [Шустова, Яхьяпур 2021; Ямшанова 1991]. Инструментальность рассматривается как семантическая категория. Семантические категории выделяются на основе их регулярной представленности в структурах конкретных языков. Они рассматриваются как понятийные (мыслительные, когнитивные) сущности, так как фиксируют единство мира и единство его восприятия, актуализируя определенные функции. Функция рассматривается как назначение, роль, выполняемая единицей (элементом) языка при воспроизведении в речи <...> каждая конкретная функция той или иной единицы включается в систему функций языка и речи и, следовательно, зависит от этой системы. Языковая единица обладает набором потенций, которые реализуются в процессе ее функционирования, поэтому, по мнению А. В. Бондарко, функция языковой единицы может рассматриваться в двух аспектах: потенциальном и результативном [Бондарко 2013: 17]. Функции языковых средств и их сочетания могут выступать, во-первых, как существующие в системе языка потенциальные назначения, цели; а во-вторых, как процессы и результаты реализации этих потенций в речи [Бондарко 2004]. Функция в потенциальном аспекте понимается как способность языковой единицы выполнять

определенное назначение и функционировать соответствующим образом. Результативный аспект предполагает взаимодействие данной единицы со средой в процессе ее функционирования, то есть назначение, которое достигло своей цели в речи [Бондарко 2013: 17].

Вслед за А. В. Бондарко, под функциональным потенциалом мы понимаем комплекс потенций, возможных для данной языковой единицы и программирующих ее поведение в речи [Бондарко 1971: 11; 2004]. В процессе функционирования языковая единица может выполнять больше назначений, чем предполагается изначально. Существует и обратная связь: при увеличении количества реализаций языковой единицы увеличивается и количество ее потенций, то есть расширяется ее функциональный потенциал. На реализацию потенций языковых единиц влияет среда, в которой они функционируют. Среда понимается как «множество языковых ... элементов, играющее по отношению к исходной системе роль окружения, во взаимодействии с которым эта система выполняет свою функцию» [Бондарко 2013: 9]. Таким образом, при определении функционального потенциала той или иной языковой единицы ее необходимо рассматривать не изолированно, а в среде функционирования.

Соотношение системы и среды с позиций функциональной грамматики трактуется как взаимодействие, в процессе которого проявляются и создаются свойства системы, то есть система функционирует в среде, взаимодействуя с ней. Система и среда подчинены функции, их взаимодействие направлено на реализацию функции как цели, назначения языковых средств. Реализация функций языковой системы невозможна вне среды. А. В. Бондарко выделяет два типа среды: парадигматический – окружение данной единицы в системе языка, и синтагматический – контекст и речевая ситуация [Бондарко 2004: 94].

По мнению В. М. Павлова, грамматическое есть в конечном счете находящее какое-либо формальное выражение семантическое общее [Павлов 1984: 46] и любое синтаксическое явление выступает как «эхо и следствие понятийного» [Вежбицка 1985: 323]. Данные положения вплотную подводят к необходимости проникновения в сферу понятийного, независимого от средств его выражения в конкретных языках. Поскольку категория инструментальности является семантической, она актуализирует семантические инварианты, выступающие в тех или иных вариантах в языковых значениях и функциях.

В настоящей работе выявлены и проанализированы средства актуализации инструментального значения, реализованного глаголами русского языка. Выделяются опредмеченный и неопредмеченный способы осуществления действия. Предметная инструментальность предполагает наличие материального инструмента (средства), а непредметная (способ) подразумевает употребление действия-способа. Инструментом могут являться различные ресурсы – физические предметы, речь, состояния, действия, информация и другие.

Особенности появления и развития в языке глаголов с инкорпорированным актантом-инструментом мало изучены, что обуславливает актуальность исследования [Мещанинов 1982; Смирнова 2013, 2015; Шустова, Маслова 2023; Шустова, Третьякова 2023]. В лингвистической литературе можно встретить употребление терминов «орудие» и «инструмент», «орудийное значение» и «инструментальное значение», имеющих равную

значимость. Мы же понимаем под орудием конкретный компонент деятельности, который использует субъект в процессе этой деятельности. Все орудия по способу их использования подразделяются на два класса: способ и средство.

Затрагивая тему лингвистического статуса глаголов инструментальной семантики, следует сначала определить, что мы подразумеваем под данным понятием. Статус определяется как «положение, позиция, ранг в любой иерархии, структуре, системе» [БТСС], а в широком смысле – как принадлежность к той или иной категории. Установить статус кого-либо или чего-либо – значит определить его место в системе, его связи и отношения с другими компонентами системы, выявить его категориальные признаки и на этой основе – его качественную определенность, то есть идентифицировать его в рамках системы как именно этот, а не какой-либо другой объект / тип объектов. В словарях лингвистических терминов отсутствует понятие «инструментальность», но даются толкования понятиям «инструмент», «инструментальный падеж», «инструментатив». Инструмент – участник, как правило, неодушевленный, которого агент использует для осуществления своей деятельности: рукопись написана пером; образец книги изготовлен на компьютерном оборудовании [Жеребило 2010: 121]. Под инструментальным падежом в (он же творительный (в русском языке) или орудийный) понимается категориальная форма падежа с основным значением орудия или средства, при помощи которого производится действие... Инструментатив – падеж, которым в ряде языков обозначается орудие, инструмент, которым агент воздействует на другие объекты [Ахманова 2010: 173].

Основная часть

Представленный в данной работе анализ глаголов инструментальной семантики русского языка выполнялся при использовании различных источников и базируется на выявлении прототипической и непрототипической инструментальности. В начале работы был произведён отбор глаголов для анализа из русскоязычных словарей (БТС Кузнецова, ТС Ожегова, ТС Ушакова, ТС Бабенко). Контексты функционирования были выявлены по данным корпусов: Национального корпуса русского языка, данных лаборатории корпусной лингвистики Лейпцигского университета, а также поискового онлайн-сервиса компании Google Books Ngram Viewer. Были рассмотрены и проанализированы такие аспекты, как сочетаемость данных глаголов, синонимический ряд. Произведён анализ актуализации отсубстантивных глаголов в различных контекстах, который позволил на конкретных примерах увидеть ситуации употребления представленных глаголов.

Глагол СТУЧАТЬ

стучать 1 производить чем-л. или издавать стук, шум при ударах, толчках; ударять (ударить) по чему-либо с силой, производя звуки, шум, стук (обычно громкий) и т. п. *Отец во дворе стучал топором – надо было запастись на зиму дрова. Стучать щипцами. Дождь стучит по крышам.*

стучать 2 ударять (в дверь, окно и т. п.), стуком выражая просьбу впустить куда-л. или вызвать хозяев. *Стучать в дверь. Громко, настойчиво стучать.*

стучать 3 во что, на чём: играть со стуком. *Стучать в домино. Стучать на пианино.*

стучать 4 издавать короткие, отрывистые звуки (о работающем механизме, машине). *Стучат настенные часы. Стучит мотор, движок.*

стучать 5 доносить на кого-л., оговаривать кого-л. *Осторожнее с ним – он стучит. Кто в коллективе стучит?* [БТС. Кузнецова; ТС Ожегова; ТС Ушакова; ТС Бабенко].

стучать 1

Прототипическое значение инструментальности

ПРИМЕРЫ. *На дворе караульщик стучал в медную доску* [ТС Ушакова].

ЗНАЧЕНИЕ. Чем, по чему (по столу, по рельсу, по доске, по крыше), обо что (об стол, об пол, об асфальт, о стекло [СССЛРЯ], во что) (в стену, в ворота, в люк). Ударяя чем-л. по чему-л. несколько раз подряд, производить (произвести), издавать (издать) стук, шум.

КОММЕНТАРИЙ. *Стучать в медную доску* предполагает ситуацию использования опредмеченного инструмента (молотком, палкой). *Стучать по столу* предполагает употребление как неотчуждаемых орудий, например, рук, так и физических предметов (тарелками, кружками, ложками). *Что может быть увлекательнее, чем стучать по столу кулаком на встрече с поставщиком, требуя снизить цены и улучшить обслуживание и угрожая перейти к его конкуренту?* [Ngram].

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Двери, столу, клавиатуре* [по предмету]; *кулаком, зубами, ногами, пальцами, лбом, ботинком* [чем]; *громко, требовательно, в такт, громко, оглушительно, глухо, осторожно* [как].

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *На крыше мужской гимназии кровельщики перестали стучать по листовому железу; Я поставил пакеты с продуктами на пол и начал стучать в дверь; Наконец толкнули перекошенную калитку, шарахнулись от бросившейся на них свирепой дворняги и начали стучать в дверь низкого, нищего, со слепыми оконцами дома* [НКРЯ]; *Вокруг рвались глубинные бомбы, и после одного взрыва отключился аварийный свет, и в полной темноте показалось, что все, конец, что соседний отсек прорвало, потому что оттуда стали стучать в люк, хотя нужно было сидеть молча, что бы ни случилось* [Шишкин М. Венерин голос, 2004 // Знамя, 2005, НКРЯ]; *Но вот она выскальзывает, вбегает в калитку и исчезает в темноте, только слышен глухой стук каблуков по тропинке к дому, потом щелкающий на ступеньках крыльца, и вдруг она появляется на освещенном крыльце, стучит в дверь, чтоб открыли, и, быстро наклонившись, так что я вижу, как падает на глаза прядь волос, заглядывает в дырочку почтового ящика* [Фазиль И. Письмо, 1969, НКРЯ].

СИН. *Бить, стучаться, колотить, барабанить, тарабанить* [СлСин].

стучать 2

Прототипическое значение инструментальности

ПРИМЕРЫ. *Ещё не проснувшись, Марина уже поняла, что в дверь стучали* [ТС Бабенко].

ЗНАЧЕНИЕ. Ударять (во что) в дверь, окно коротким, отрывистым звуком, выражая этим просьбу впустить кого-л. куда-л.

КОММЕНТАРИЙ. Стучать в дверь / окно подразумевает действие с использованием как неотчуждаемых орудий – рук, ног, так и твёрдых физических предметов в качестве инструмента – ключами, палкой. *Генрих поднялся, подошел к двери и начал стучать в нее ногой* [Ngram].

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *В дверь, окно, калитку, забор* [во что].

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Солдаты стучали в стенку кулаками, залезали по лестнице на чердак, намереваясь высмотреть в чердачный люк, где у цензори чего находится* [Астафьев В. Обертон, 1995–1996. НКРЯ]; *У нее даже клиентура на Новопрудной улице появилась, в первую голову сама Виталия Гордеевна, затем подруга ее детства Хрунычева, и всякий люд, который припирало или он попадал в беду, ломился в дом, стучал среди ночи в окна* [Астафьев В. Пролетный гусь, 2000. НКРЯ]; *А потом стала стучать в дверь, напоминая, что ей тоже на работу* [Слаповский А. Любовь по-нашему // Знамя, 2003. НКРЯ]; *Понимая, что тот – единственное спасения в аховой ситуации, Галина стала стучать в дверь изнутри, чтобы сосед не ушел* [Криминал. Охота на жену и тещу, 2003 // Марийская правда, 2003. НКРЯ].

СИН. *Проситься, долбиться, стучаться, грохотать* [СлСин].

стучать 3

Прототипическое значение инструментальности

ПРИМЕРЫ. *Стучать в домино. Стучать на пианино* [БТС. Кузнецова]

ЗНАЧЕНИЕ. Играть со стуком, производить какой-либо шум во время игры.

КОММЕНТАРИЙ. *Стучать на пианино* предполагает при производимом действии использование в качестве инструмента неотчуждаемое орудие – руки, пальцы. *Это не мешало ей бойко стучать по клавишам пианино* [Ngram].

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Клавишам, пианино, барабанах; стучать* [по музыкальному инструменту]; *в домино, в шашках, мячом* [звук во время игры].

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *У него всегда брови на лбу, он умеет жонглировать, стучать на барабанах и очень смешной; Наша игра, – сказал я, – лишена самого главного своего очарования – игроки в домино должны стучать с размаху о стол, выставляя костяшки. Я отнюдь не шутил; Печигин ещё около часа бродил по переулкам Старого города, слишком узким в этой его части для транспорта, натываясь то на стайки детей, прекращавших при его приближении стучать мячом (видно, иностранцы заходили сюда нечасто), то на нищих на перекрестках, протягивавших к нему коричневые руки* [НКРЯ]; *Вокруг было совсем тихо, только где-то очень далеко барабанной дробью стучали колеса ночной электрички* [Пелевин В. Синий фонарь, 1991. НКРЯ].

СИН. *Долбить, барабанить, бить, бацать, брэнчать* [СлСин].

стучать 4

Прототипическое значение инструментальности

ПРИМЕРЫ. *Стучит пишущая машинка* [БТС. Кузнецова].

ЗНАЧЕНИЕ. О работающем механизме, машине.

КОММЕНТАРИЙ. *Стучат пулемёты* предполагает скрытую инструментальность, использование твёрдых физических предметов – пуль для издаваемого характерного звука – “стука” пулемёта. *Стучит пишущая машинка* подразумевает под собой скрытую инструментальность. Предполагается использование неотчуждаемого орудия – рук (и в целом действия человека с машинкой) для производства “стука”. *Е. И. работает целыми днями, и как раз надо мной на втором этаже ее машинка пишущая стучит, не переставая; Орудия гудят, спи, моя хорошая, пулеметы стучат, раненых ведут, а я все шагаю* [Ngram].

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Стучат часы, мотор, движок, машинка* [звук конкретного предмета].

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Лежу, слушаю: часы стучат, раз пробьют, еще...; Часы стучат мерно и однообразно: тик-так, тик-так; Кондратий Трифоныч вторит им: «тикё-такё, тикё-такё», притопывая в такт ногою; А я свой «уазик» за километр слышу, у него мотор стучит по-особенному [НКРЯ]; С утра до вечера в Одукросте кипела работа, стучали пишущие машинки, печатая сводки двух последних фронтов – польского и врангелевского, Крымского [Катаев В. П. Алмазный мой венец, 1975–1977. НКРЯ].*

СИН. *Брякать, отстукивать, тикать, тукать, печатать [СлСин].*

стучать 5

Непрототипическое значение инструментальности

ПРИМЕРЫ. *Он привык стучать начальству [БТС. Кузнецова].*

ЗНАЧЕНИЕ. То же, что доносить. Оговаривать кого-л.

КОММЕНТАРИЙ. *Стучать на начальство (клеветать) предполагает употребление в контексте нескольких инструментальных значений: речевые действия, продукт речевой деятельности, психологическое воздействие. Давно его «доставала» и бегала «стучать» начальству [Ngram].*

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *На друга, коллегу [на кого-то доносить].*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. – *Капитан, ты предлагаешь мне стучать? – искренне изумился гном. – Неправильная постановка вопроса. Не стучать, а доказывать [Шелонин О., Баженов В. Каботажный крейсер. Запретная любовь, 2014. Ngram]; Ничего он не болен. Опер его оставил. Опять будет стучать на кого-то. Днем его вызовут без помех, хоть три часа держи, никто не видел, не слышал [Солженицын А. Один день Ивана Денисовича, 1961. НКРЯ]; Жизнь фарцовщика была вечным балансированием: либо сядешь, либо будешь вынужден стучать на собственных дольщиков [Стогов И. Ю. Буги-вуги-book. Авторский путеводитель по Петербургу, которого больше нет, 2012. НКРЯ]; Этот, так сказать, ирландский забастовщик, этот старик пойдет и начнет стучать на такого же старика, как сам? [Шапко В. М. Время стариков // Волга, 2010. НКРЯ]; Прав я был или не прав, но мне казалось, что мои деревенские соседи не то, чтобы лицемерили, но немного лукавили – знали, что залезали, знали или догадывались, кто залезал, однако не хотели связываться или стучать на своих же [Варламов А. Палдчевары // Новый мир, 2002. НКРЯ].*

СИН. *Клеветать, доносить, тюкать, врать, ябедничать [СлСин]; жаловаться, нажаловаться, наущинчать, ябедничать, фискалить, капать, капнуть, кляузничать, доносить, стучать, стукнуть, заявлять, сигнализировать [НОССинРЯ].*

стучать 6

Непрототипическое значение инструментальности

ПРИМЕРЫ. *Раздражать, нервировать. – Задолбал дятел стучать по мозгам с утра пораньше! – резко откинув одеяло, Толик нащупал на полу литой резиновый сланец, запустил им в часы [Гузалия Артикулова. Контур, выжженный на асфальте // Бельские просторы, 2018. НКРЯ].*

ЗНАЧЕНИЕ. Раздражать, нервировать, действовать на нервы.

КОММЕНТАРИЙ. *Стучать по мозгам предполагает ситуацию использования инструмента (пальцами, палкой, ногами, словами), который относится к неотчуждаемым рудиям (ногами, пальцами, клювом), так и физическим предметам (палкой, кружками, ложками, карандашом) [Ngram].*

СОЧЕТАЕМОСТЬ. Он, они, родители, учителя (кто), боль (что), пальцами, ногами, клювом (чем); сильно, постоянно, изо дня в день, регулярно (как).

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Обессиленный, он сел на камень, обхватив голову руками – в ней сильно стучала кровь, боль стучала по мозгу* [Шляпентох Д. Конец истории: благословенный Иов // Сибирские огни, 2013. НКРЯ].

СИН. *Раздражать, нервировать, действовать на нервы, играть на нервах.*

стучать 7

Непрототипическое значение инструментальности

ПРИМЕРЫ. Сильно биться, пульсировать. Сердце стучит. Кровь стучит в висках [БТС. Кузнецова].

ЗНАЧЕНИЕ. Дрожание тела от холода.

КОММЕНТАРИЙ. *Стучать зубами* предполагает ситуацию болезни, причиной которой является высокая температура, простуда, переохлаждение.

СОЧЕТАЕМОСТЬ. Лихорадочно (как).

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Его застряло, тело его наполнилось огнем. Он стал стучать зубами и поминутно просил пить* [Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Часть 1, 1929–1940. НКРЯ]; *Перед дождем я побывал в воде и, таким образом, пришлось стучать зубами под кустами ольхи, потягивал с жадностью отсыревшую махорку* [Батюто А. И. Дневник, 1937. НКРЯ]; *Все вновь вошедшие тут же замерзли и принялись стучать зубами* [Хаецкая Елена. Синие стрекозы Вавилова. Человек по имени Беда, 2004. НКРЯ].

СИН. Трясти, лихорадить, знобить.

стучать 8

Непрототипическое значение инструментальности

ПРИМЕРЫ. Эмоциональное возбуждение, удивление, чувство страха. *Старик! – сказала она, стараясь не стучать зубами от страха перед тем, что должно было свершиться* [Галактионова В. Г. Это были туллусы, 1992. НКРЯ].

ЗНАЧЕНИЕ. Находится в возбужденном состоянии, испытывать эмоцию или чувства, возникающие из-за ощущения опасности; дрожание тела от страха, удивления, возбуждения, беспокойства и другого напряжения.

КОММЕНТАРИЙ. *Стучать зубами* предполагает ситуацию эмоционального возбуждения.

СОЧЕТАЕМОСТЬ. От страха, от ужаса, от волнения.

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *После того слишком уже два года прошло, но необычайное, ужасное зрелище, свидетелем которого пришлось быть Алешке, не выходило у него из памяти, и теперь, при взгляде на знакомую, мрачную равнину с бесконечными вдали болотами, воспоминание о картине, заставлявшей тогда Алешку дрожать и стучать зубами, опять живо восстало перед ним со всеми ужасающими подробностями* [Засодимский П. В. Темные силы, 1870. НКРЯ].

СИН. *Волновать, возбуждать, взбудораживать, будоражить, бояться, испытывать страх, чувствовать опасность, дрожать, трепетать.*

Глагол инструментальной семантики *стучать* также реализует непрототипическую инструментальность во фразеологизмах – *стучать во все двери* – искать помощи, участия; пытаться решить вопросы, проблемы различными способами; *стучаться в закрытую дверь* –

не находить поддержки, помощи, участия: *Оказывается, что не только если стучать во все двери, тебе хоть где-нибудь откроют, но еще и если перечитать 20 раз учебник по статистике и ничего не понять, надо не отбрасывать его в сторону с криком «Я ничего не понимаю, у меня нет божьей искры», надо перечитать его снова* [LiveJournal, 2004, НКРЯ]; *Я точно знаю, что если стучать во все возможные двери, тебе хоть где-то откроют и помогут, но видимо просто я слишком устала стучать* [LiveJournal, 2004, НКРЯ]; *Не стучало, не гремело. Пск. Внезапно, неожиданно, вдруг* [БСРП: 650]: *Не стучало, не гермело, не гудело, хотел купить новый Атлас ПРО, но оборзевшие дилеры подтолкнули меня на рассмотрение чери тигов 8 про макс* [geely-dubs.ru]; *Плотник, не плотник, абы стучать охотник: «Ты плотник?» Григорий отвечал, что нет. «А стучать горазд?» – «Стучать ничего можем!» – отвечал Григорий. «Ну плотник не плотник, абы стучать охотник», – порешил подрядчик и повел Григорья с артелью за тридцать серебра до Петрова дня* [Лесков Н. С. Леди Макбет Мценского уезда, 2013. Ngram].

Заключение

Инструментальные глаголы относятся к глаголам с инкорпорированными актантами, что приводит к упрощению синтаксической структуры предложения, и, как следствие, является проявлением действия закона экономии в языке. Экспликация или импликация инкорпорированного участника ситуации обусловлена условиями контекста, необходимостью уточнить ситуацию, которая описывается глаголом, а также изменением первоначального значения глагола в результате семантического переосмысления. Непрототипическая инструментальность фиксируется в контексте, как показывают примеры функционирования инструментального глагола *стучать*.

Таким образом расширяется семантический потенциал глаголов. Контекст, обусловленный функционированием дополнительных языковых средств, так или иначе закреплен в речевом узусе и в принципе может быть фиксирован в лексическом и грамматическом тезаурусе. Одним из способов фиксации дополнительных значений, например, является раскрытие и описание многозначности слова через словосочетание в словаре, корпусе, стилистические пометы, указания на ситуацию общения (см., например, [Колшанский 2007: 36]).

Однако не следует забывать, что языковое общение осуществляется в аспекте актуализации фоновых знаний, которые не укладываются в жесткие рамки правил коммуникации. К таким факторам относятся импликации, связанные с лингвокультурными кодами, культурно-социальными нормами.

Анализ функционирования инструментальных глаголов и полученные выводы позволяют ответить на вопрос об особенностях их употребления в речи; выявить лингвистический статус данных глаголов, рассмотреть глаголы инструментальной семантики как средство языковой экономии. Говоря об инструментальных глаголах, обращаем внимание на их семантические особенности и отличительные черты: их можно интерпретировать с позиции типа актанта, инкорпорированного в семантику глагола; наличие разных способов перехода от одной части речи к другой (наиболее популярными считаются суффиксальный способ и метафоризация); наличие различных значений, имеющих особое влияние на понимание глаголов говорящим; валентность.

В русском языке мы можем наблюдать важную роль субстантивации глаголов как части инкорпорации и элемента языковой экономии, например, *пилить, удить, шприцевать*. Субстантивация предполагает создание новых значений в языке, что является одним из источников его обогащения. Носители русского языка в норме владеют информацией относительно выбора семантически мотивированного глагола. Лингвистическое описание русского языка должно содержать необходимые сведения для того, чтобы строить правильные синтаксические конструкции.

Список литературы

1. Анохина М. А. Семантическая инкорпорация как один из способов реализации когнитивной модели глагола (на материале английского языка) // Ползуновский вестник. 2006. № 3. С. 73–82.
2. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М. : Просвещение, 1971. 239 с.
3. Бондарко А. В. Теоретические проблемы русской грамматики. СПб. : Изд-во «Санкт-Петербургский государственный университет», 2004. 208 с.
4. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. М. : Книжный дом «Либроком», 2013. 352 с.
5. Вежбицка А. Дело о поверхностном падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. Современная зарубежная русистика. М. : Наука, 1985. С. 303–341.
6. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. Изд-е 3. М. : Издательство ЛКИ, 2007. 152 с.
7. Мещанинов И. И. Глагол. Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1982. 272 с.
8. Павлов В. М. Темпоральные и аспектуальные признаки в семантике «временных форм» немецкого глагола и некоторые вопросы теории грамматического значения // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л. : Ленинградское отделение «Наука», 1984. С. 42–70.
9. Смирнова Е. А. Особенности семантического потенциала и функционирования отсубстантивных глаголов (на материале русского языка) // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2015. Т. 3. № 1(5). С. 95–107.
10. Смирнова Е. А. Функционирование глаголов с инкорпорированными актантами (на материале английского языка) : дисс... канд. филол. наук. Пермь, 2013. 215 с.
11. Шустова С. В., Маслова Д. Л. Инструментальные глаголы: лексикографический и переводческий аспекты : монография. Пермь : АНО ДПО «Пермский институт экономики и финансов», 2023. 193 с.
12. Шустова С. В., Третьякова Д. Д. Функциональный потенциал и лексикографирование отсубстантивных глаголов : монография. Пермь : АНО ДПО «Пермский институт экономики и финансов», 2023. 176 с.
13. Шустова С. В., Яхьяпур М. Актуализация категории инструментальности // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т. 7. № 2. С. 95–103.
14. Ямшанова В. А. Категория инструментальности в немецком языке. Л. : Ленинградский финансово-экономический институт, 1991. 159 с.

Список источников

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : УРСС: Едиториал. Изд. 5-е, 2010. 576 с.
2. Бабенко Л. Г. Толковый словарь русских глаголов. М. : «АСТ-ПРЕСС», 1998. 704 с. – ТСРГ

3. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб. : ФолиоПресс, 1999. 700 с.
4. Васильев А. И. Фразеологический словарь языка М. А. Шолохова. Т. 1. Стерлитамак, 2015. 420 с.
5. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов и понятий. Изд. 6-е, испр. и доп. Назрань : Пилигрим, 2016. 610 с.
6. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. СПб. : Норинт, 1998. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: ноябрь 2022).
7. Мокиенко В. М. Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. 784 с. – БСРП.
8. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе изд., испр. Под редакцией Ю. Д. Апресяна. М. : Школа «Языки славянской культуры», 2003. 1036 с. – НОССинРЯ
9. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Под редакцией Скворцова Л. И. Изд. 27. М. : Мир и Образование. 2017. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: ноябрь 2022).
10. Словарь синонимов [Электронный ресурс]. URL: <https://synonymonline.ru/> (дата обращения: ноябрь 2022). – СлСин
11. Словарь синонимов [Электронный ресурс]. URL: [7. http://gramota.ru/slovari/dic/?sin=x](http://gramota.ru/slovari/dic/?sin=x) (Дата обращения: ноябрь 2022).
12. Словарь сочетаемости слов русского языка. Ок. 2500 словар. ст. / Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. Денисов П. Н., Зеленова Н. К., Кочнева Е. М., Кузнецова З. С., Морковкин В. В., Морозкина Т. Н., Ольшанский И. Г., Скопина М. А., Успенская И. Д., Фокина Г. В., Шиманская И. Н. М. : ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 816 с. – СССлРЯ
13. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935–1940. (4 т.). URL: <https://biblioclub.ru/?page=dict> (дата обращения: ноябрь 2022).

Корпуса

1. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: ноябрь 2022).
2. ЛК – Leipzig Corpora Collection / Deutscher Wortschatz. URL: <https://wortschatz.uni-leipzig.de/de> (дата обращения: ноябрь 2022).
3. Google Books Ngram Viewer – <https://books.google.com/ngrams/> (дата обращения: ноябрь 2022).

References

1. Anokhina M. A. Semanticheskaya inkorporatsiya kak odin iz sposobov realizatsii kognitivnoi modeli glagola (na materiale angliiskogo yazyka) [Semantic incorporation as one of the ways to implement the cognitive model of the verb (based on the material of the English language)]. *Polzunovskii vestnik* [Polzunovsky Bulletin]. 2006, no. 3, pp. 73-82. (In Russ.).
2. Bondarko A. V. Vid i vremya russkogo glagola (znachenie i upotreblenie) [Type and tense of the Russian verb (meaning and use)]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971, 239 p. (In Russ.).
3. Bondarko A. V. Teoreticheskie problemy russkoi grammatiki. Saint Petersburg, SPbGU Publ., 2004. 208 p. (In Russ.).

4. Bondarko A. V. *Teoriya funktsional'noi grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis* [Functional grammar theory: Introduction, aspectuality, temporal localization, taxis]. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom» Publ., 2013, 352 p. (In Russ.).

5. Vezhbitska A. *Delo o poverkhnostnom padezhe* [The case of the superficial case]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. Iss. XV. *Sovremennaya zarubezhnaya rusistika*, Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 303-341. (In Russ.).

6. Kolshanskii G. V. *Kontekstnaya semantika* [Contextual semantics]. 2 nd ed., Moscow, LKI Publ., 2007, 152 p. (In Russ.).

7. Meshchaninov I. I. *Glagol* [Verb]. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ., 1982, 272 p. (In Russ.).

8. Pavlov V. M. *Temporal'nye i aspektual'nye priznaki v semantike «vremennykh form» nemetskogo glagola i nekotorye voprosy teorii grammaticheskogo znacheniya* [Temporal and aspectual features in the semantics of “temporal forms” of the German verb and some questions of the theory of grammatical meaning]. *Teoriya grammaticheskogo znacheniya i aspektologicheskie issledovaniya* [Theory of grammatical meaning and aspectological studies]. Leningrad, Leningradskoe otdelenie «Nauka» Publ., 1984, pp. 42-70. (In Russ.).

9. Smirnova E. A. *Osobennosti semanticheskogo potentsiala i funktsionirovaniya otsubstantivnykh glagolov (na materiale russkogo yazyka)* [Features of the semantic potential and functioning of substantive verbs (based on the material of the Russian language)]. *Issledovatel'skii zhurnal russkogo yazyka i literatury* [Research Journal of Russian Language and Literature]. 2015, vol. 3, no. 1(5), pp. 95-107. (In Russ.).

10. Smirnova E. A. *Funktsionirovanie glagolov s inkorporirovannymi aktantami (na materiale angliiskogo yazyka)*. PhD thesis. Perm, 2013, 215 p. (In Russ.).

11. Shustova S. V., Maslova D. L. *Instrumental'nye glagoly: leksikograficheskii i perevodcheskii aspekty* [Instrumental verbs: lexicographical and translation aspects]. Perm, Permskii institut ekonomiki i finansov Publ., 2023, 193 p. (In Russ.).

12. Shustova S. V., Tret'yakova D. D. *Funktsional'nyi potentsial i leksikografirovanie otsubstantivnykh glagolov* [Functional potential and lexicography of substantive verbs]. Perm, Permskii institut ekonomiki i finansov Publ., 2023, 176 p. (In Russ.).

13. Shustova S. V., Yakh'yapur M. *Aktualizatsiya kategorii instrumental'nosti* [Actualization of the category of instrumentality]. *Nauchnyi rezul'tat. Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki* [Scientific result. Questions of theoretical and applied linguistics]. 2021, vol. 7, no. 2, pp. 95-103. (In Russ.).

14. Yamshanova V. A. *Kategoriya instrumental'nosti v nemetskom yazyke* [The category of instrumentality in the German language]. Leningrad, Leningradskii finansovo-ekonomicheskii insitut Publ., 1991, 159 p. (In Russ.).

List of sources

1. Ahmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, URSS, Editorial Publ. 5nd ed., 2010, 576 p. (In Russ.).

2. Babenko L. G. *Tolkovyj slovar' russkikh glagolov* [Explanatory dictionary of Russian verbs]. Moscow, “AST-PRESS” Publ., 1998, 704 p. (In Russ.). – TSRG

3. Biri A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. *Slovar' russkoj frazeologii. Istoriko-jetimologicheskij spravochnik* [Dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological reference book]. Saint Petersburg, FolioPress Publ., 1999, 700 p. (In Russ.).

4. Vasil'ev A. I. *Frazeologicheskij slovar' jazyka M. A. Sholohova* [Phraseological dictionary of the language of M. A. Sholokhov]. Vol. 1. Sterlitamak, 2015, 420 p. (In Russ.).

5. Zhrebilo T. V. Slovar' lingvisticheskikh terminov i ponjatij [Dictionary of linguistic terms and concepts]. 6nd ed., Nazran, Piligrim Publ., 2016, 610 p. (In Russ.).
6. Kuznecov S. A. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. [Great Dictionary of Russian language]. Saint Petersburg, Norint, 1998. (In Russ.). Available at: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (accessed: November 2022). (In Russ.).
7. Mokienko V. M. Nikitina T. G. Bol'shoj slovar' russkih pogovorok [Large dictionary of Russian sayings]. Moscow, ZAO «OLMA Media Grupp» Publ., 2007, 784 p. (In Russ.). – BSRP
8. Novyj ob#jasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo jazyka [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. 2nd ed., Moscow, Shkola «Jazyki clavjanskoj kul'tury» Publ., 2003, 1036 p. (In Russ.). – NOSSinRJa
9. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. 27nd ed., Moscow, Mir i Obrazovanie Publ.. 2017. (In Russ.). Available at: <https://slovarozhegova.ru/> (accessed: November 2022).
10. Slovar' sinonimov [Synonym dictionary]. (In Russ.). Available at: <https://synonymonline.ru/> (accessed: November 2022). – SISin
11. Slovar' sinonimov [Dictionary of synonyms]. (In Russ.). Available at: <http://gramota.ru/slovari/dic/?sin=x> (accessed: November 2022).
12. Slovar' sochetaemosti slov russkogo jazyka [Dictionary of combinability of words of the Russian language]. Gosudarstvennyj institut russkogo jazyka im. A. S. Pushkina, Moscow, OOO «Izdatel'stvo Astrel'» Publ.б OOO «Izdatel'stvo AST» Publ., 2002, 816 p. (In Russ.). – SSSIRJa
13. Ushakov D. N. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 4 vol. (In Russ.). Available at: <https://biblioclub.ru/?page=dict> (accessed: November 2022).

Информация об авторе

С. В. Шустова – доктор филологических наук, профессор, кафедра лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет;
профессор, кафедра методики преподавания иностранных языков,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет;

Information about the author

S. V. Shustova – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State University; Professor, Department of Methods of Teaching Foreign Languages, Perm State Humanitarian Pedagogical University

Статья поступила в редакцию 10.05.2023; одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 20.06.2023.

The article was submitted 10.05.2023; approved after reviewing 30.05.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 62–71.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2023. No. 11. P. 62-71.

Научная статья

УДК 81'373

doi: 10.24412/2713-0231-2023-11-62-71

НУМЕРАТИВНЫЙ КОД КУЛЬТУР: ЛЕКСИКА СО ЗНАЧЕНИЕМ ЧИСЛА В РУССКИХ И АРАБСКИХ ПАРЕМИЯХ

Татьяна Борисовна Карпова¹, Елена Петровна Карзенкова², Манхал Салех³

^{1,2,3} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ tatyana_2000@mail.ru

² karzenkova_e@mail.ru

³ tatyana_2000@mail.ru

Аннотация. Для понимания различных культур, а также различий культурных кодов необходимо изучать особенности преподаваемого языка (русского) и языка, носителем которого является обучающийся. Лингвокультурологическое исследование является одним из способов обнаружить возможности воплощения тех или иных смыслов в единицах конкретного языка. Данная статья связана с необходимостью сопоставительного лингвокультурологического изучения вторичных, переносных, символических значений лексики, универсальной для большинства языков, если не сказать – для всех. К такого рода лексике относятся обозначения числа, количества, порядка следования. В предлагаемой статье анализируются нумеративные коды разных культур: русской и арабской. Материалом для исследования в данной статье послужили 90 русских и 117 арабских пословиц и поговорок, включающих в себя лексику со значением числа. Как показано в статье, когда лексемы, обозначающие число, становятся компонентом пословиц и поговорок, они нередко претерпевают семантические изменения и приобретают дополнительные лексические значения. Это такие значения, как: обобщенно-количественное или символическое. Авторам статьи удалось классифицировать паремии с числовым компонентом, распределив их по семантическим группам. Русские паремии распределены авторами статьи на следующие 5 тематических групп: *один не сила; внутренние свойства человека; семья; противоречивость жизни; нравоучения*. В результате анализа арабских пословиц и поговорок авторами статьи были выделены 6 тематических групп: *один не сила; значимость малого; внутренние свойства человека; жёны; гость; нравоучения*. Выводы авторов носят несколько ограниченный характер, в связи с тем, что материал отбирался по формальным, а не по смысловым признакам пословиц и поговорок.

Ключевые слова: нумеративный код культуры, русский язык, арабский язык, паремия, пословица, поговорка.

Для цитирования: Карпова Т. Б., Карзенкова Е. П., Салех М. Нумеративный код культур: лексика со значением числа в русских и арабских паремиях // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 62–71. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-11-62-71>

Original article

NUMERATIVE CODE OF CULTURES: VOCABULARY WITH THE MEANING OF NUMBERS IN RUSSIAN AND ARAB PAREMIAS

Tatiana B. Karpova¹, Elena P. Karzenkova², M. Salekh³

^{1,2,3} Perm State University, Perm, Russia

¹ tatyana_2000@mail.ru

² karzenkova_e@mail.ru

³ tatyana_2000@mail.ru

Abstract. To understand different cultures, as well as differences in cultural codes, it is necessary to study the peculiarities of the language being taught (Russian) and the language of which the student is a native speaker. Linguoculturological research is one of the ways to discover the possibilities of embodying certain meanings in units of a particular language. This article is connected with the need for comparative linguoculturological study of secondary, figurative, symbolic meanings of vocabulary universal for most languages, if not for all. This kind of vocabulary includes the designations of number, quantity, order of succession. The article analyzes the numbering codes of different cultures: Russian and Arabic. The material for the study in this article was 90 Russian and 117 Arabic proverbs and sayings, including vocabulary with the meaning of a number. As shown in the article, when lexemes denoting a number become a component of proverbs and sayings, they often undergo semantic changes and acquire additional lexical meanings. These are values such as: generalized-quantitative or symbolic. The authors of the article managed to classify paroemias with a numerical component, distributing them into semantic groups. Russian paroemias are distributed by the authors of the article into the following 5 thematic groups: one is not a force; internal properties of a person; family; inconsistency of life; moralizing. As a result of the analysis of Arabic proverbs and sayings, the authors of the article identified 6 thematic groups: one is not strength; the importance of small things; the inner properties of a person; wives; guest; moralizing. The authors' conclusions are somewhat limited in nature, due to the fact that the material was selected according to formal, and not according to semantic features of proverbs and sayings.

Keyword: the numbering code of culture, Russian language, Arabic language, paremia, proverb, saying.

For citation: Karpova T. B., Karzenkova E. P., Salekh M. Numerative code of cultures: vocabulary with the meaning of numbers in russian and arab promes. Humanitarian Studies. History and Philology. 2023;11:62-71. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-11-62-71>

Введение

Пословицы «представляют собой высказывания», которые репрезентируют тот пласт культуры и «языка, который формировался на протяжении многих веков»; «они отображают» «традиции, определённые культурные клише» конкретного народа [Меньшакова, Шустова 2020: 86].

Одной из компетенций говорящего на том или ином языке является «знание, понимание, правильное и своевременное употребление» пословиц, поговорок, фразеологизмов [там же]. Для понимания и уместного использования пословиц и поговорок важно знать, к каким явлениям жизни человека относится конкретная паремия, какие мысли

и/или чувства передаёт. При интерпретации паремий особую значимость приобретает не только и не столько прямое значение единиц языка, входящих в устойчивые выражения, сколько их обобщённое, символическое значение.

Для адекватного использования в речи пословиц и поговорок, для понимания менталитета изучаемого языка необходимо адекватно интерпретировать их содержание. «Основная задача интерпретации» «как исследовательской деятельности и как учебной практики заключается в том, чтобы извлечь из текста максимум информации <...> как можно полнее постичь <...> то», что «потенциально содержится в нём»; причём «не только постичь для себя, но и разъяснить другим» [Долинин 2010: 4].

К. А. Долинин говорит о том, что «речь – любая речь! – всегда значит больше, чем в ней непосредственно сказано; суммарная информация, которую сообщение несёт адресату <...>, не исчерпывается упорядоченной совокупностью значений тех языковых единиц, из которых это сообщение составлено» [Долинин 2010: 5]. Это особенно актуально для анализа, для понимания устойчивых выражений: пословиц, поговорок, фразеологизмов.

Нумеративный код культур в последние годы изучается лингвистами довольно активно; некоторые из них изучают символику чисел на материале пословиц, поговорок, фразеологизмов. А. А. Осипова и В. В. Шевченко, в частности, посвятили свои работы символике чисел в русской, английской и французской картинах мира [Осипова 2008; Шевченко 2001]. Н. П. Чернева изучает подобную лексику в болгарских и русских идиомах [Чернева 2003]. Е. В. Шабалина описывает механизмы порождения оценочных коннотаций русских и польских числительных [Шабалина 2010]; Шондуг Баясгалан изучает семантику числительных на материале русских, монгольских и английских фразеологизмов [Баясгалан 2006].

Актуальность и новизна темы нашей темы определяется подходом к лексеме со значением числа как к единице, имеющей сложную семантическую структуру, включающую количественные и неколичественные (символические) значения в русских и арабских паремиях (насколько известно, сопоставительных исследований подобного рода не проводилось).

Объектом исследования явились паремиологические единицы с числовыми (нумеративными) компонентами русского и арабского языков, предметом – сопоставительное изучение семантической структуры лексем, передающих значение всех чисел первого десятка и не только, в составе паремий. Такие лексемы в самостоятельном употреблении обычно реализуют первичные, числовые значения. Но являясь компонентами устойчивых выражений, эти лексемы претерпевают изменения семантики и приобретают обобщённо-количественные и/или символические значения.

Материалом исследования послужили данные словарей пословиц и поговорок, русских и арабских (см.: [Арабские пословицы электр. ресурс; Жуков 1993; Кухарева 2008]). Паремиологические единицы (90 русских и 117 арабских) были отобраны методом сплошной направленной выборки.

Основная часть

Пословицы и поговорки с числовым компонентом, как мы убедились в ходе исследования, отражают национальные картины мира: русскую и арабскую. Для этого отобранный материал мы представили в виде семантических групп, которые и продемонстрировали нам особенности двух разных лингвокультур.

В результате семантического анализа русского материала мы обнаружили пять тематических групп: **Один не сила, Внутренние свойства человека, Семья, О противоречивости жизни, Нравоучения**. Далее опишем каждую из этих групп и укажем на их связи с русским менталитетом.

Первая семантическая группа **Один не сила** напрямую связана с коллективистским, общинным сознанием русских в отличие индивидуалистского типа сознания, например, западного человека. В подтверждение этого приведём паремии с числительным «один»: *Один в поле не воин (не ратник); Одному и у каши неспоро; Один и у каши загинет; Один и дома горюет, а двое и в поле воюют; Одна голова не бедна, а и бедна, так одна; Одна ласточка не делает весны; Одна речь не пословица; Одна муха не проест и брюха; Одной рукой и узла не завяжешь*.

Эти единицы говорят о том, что человеку одному трудно, особенно когда на нём большая ответственность за дом, семью, когда *один с сошкой, а семеро с ложкой*. А когда человек не один, у него всё получается: *Ум хорошо, а два лучше того*. Недаром у русских возникло понятие *соборности*, предполагающее успешность решения конкретных задач *всем миром, сообща, не в одиночку*.

Вторая семантическая группа **Внутренние свойства человека** не так однозначно, как первая, выражает доминантные характеристики русской картины мира; единицы этой группы тоже говорят о ценностях: о том, что хорошо и что плохо.

Например, **плохо, когда человек глуп** (*На одном конце червяк, на другом – дурак*), **нерешителен** (*Кто думает три дни, тот выберет злыдни; На одном месте и камень мохом обрастает*), **болтлив** (*Заладила (затвердила) (как) сорока Якова (одно про всякого)*), **не может ограничить себя при употреблении алкоголя** (*Первая (рюмка (чарка)) колом, вторая соколом, третья (а потом) мелкими птишечками*), **способен на предательство** (*Доказчику (доносчику, доводчику) первый кнут*).

Зато **хорошо, когда человек умён** (*За (одного) битого (учёного) двух небитых (неучёных) дают (да и то не берут)*); *Кто пьян да умён, два угодыя в нём*), **смел** (*Кто смел, тот два съел*), **трудолюбив** (*Рыболова одна тоня кормит*), **добр** (*Ласковое теля двух маток сосёт*), **религиозен** (*Без Троицы дом не строится*), **ценит дружбу** (*Старый друг лучше новых двух; Для милого дружка и семь верст не околица*).

Третья семантическая группа **Семья** отражает представления русского человека об устройстве семьи. Семья должна быть **крепкая** (*Муж и (да) жена – одна сатана; Муж с женою бранится, да под одну шубу ложится*), **многодетная** (*Один сын не сын, два сына полсына, а три сына сын*). Вместе с тем выявленные нами единицы свидетельствуют и о возможных **семейных трудностях и неурядицах**: *Без детей горе, а с детьми двое; Свату первая чарка и первая палка; Семь топоров вместе лежат, две прялки врозь*.

Четвертая семантическая группа **О противоречивости жизни** связана с одним из существенных свойств русского менталитета: противоречивостью русского характера. Это обычно объясняют разными факторами: с географическим положением (Россия находится между Европой и Азией); с религией (языческие корни и христианство) и другими. В русских совмещаются: трудолюбие и лень, склонность к пассивности и фатализму (обломовщине); стремление к свободе и покорность; патриотизм и предельная самокритичность; концентрация сил и желанием посозерцать, перекурить.

Например: *Два лета по зиме, одно само по себе; Летом два дня льёт – час сохнет, осенью – час льёт, две недели сохнет; Мужик год не пьёт и два не пьёт, а как чёрт провернёт, так и всё пропьёт; В одном кармане смеркается, а в другом заря занимается; Сладок мёд, да не по две ложки в рот.*

Пятая семантическая группа пословиц и поговорок с числовым компонентом – **Нравоучения** – во-первых, связана с самим жанром пословиц и поговорок, целью которых и является, выразив в лаконичной форме народную мудрость, передать её последующим поколениям, предостеречь от возможных ошибок. Во-вторых, эти единицы имеют явную «внутринациональную» направленность.

Они учат, каким следует быть:

предусмотрительным (*Семь раз отмерь, один раз отрежь; За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь; Пока баба с печи летит, семьдесят семь дум передумает*);

терпеливым (*Один карась сорвётся, другой сорвется, третий, бог даст, и попадётся; Первый блин всегда комом; Обещанного три года ждут; Беда никогда не приходит одна*);

решительным (*Двум смертям не бывать, а одной не миновать; Семь бед – один ответ*);

незлопамятным (*Про одни дрожжи не говорят дважды (трижды)*);

нежадным (*С одного вола две шкуры (двух шкур) не дерут*);

верить своему опыту (*Лучше один раз увидеть, чем сто (десять) услышать*);

мудрым (*Одна паршивая овца всё стадо портит; Горбатого одна могила исправит; Глухому поп две обедни не служит*).

При этом следует **ценить начинания** (*Первую песенку зардевшись поют*); **уметь делать выбор** (*Вон порог на семь дорог; В чистом поле четыре воли: хоть туда, хоть сюда – одинаково*); **поддерживать человека** в трудную минуту (*Конь о четырех ногах, да и тот спотыкается; Всё минётся, одна правда останется; Горе одного только рака красит; Первый снег не зима, первая зазноба не невеста; Который палец ни укуси, всё одно больно*).

Среди арабских паремий обнаружены следующие шесть семантических групп: **Один не сила, Значимость малого, Внутренние свойства человека, Жёны, Гость, Нравоучения**. Представим каждую из этих групп с нашими предположениями о том, как они связаны с арабским менталитетом.

Первая семантическая группа **Один не сила** во многом совпадает с аналогичной группой в русском материале. По-видимому, это связано также с коллективистским сознанием арабов, которые так же, как и русские, далеки от индивидуалистического сознания западных европейцев.

Примечательно, что об интернациональном характере единиц данной группы говорит то, что есть прямые совпадения единиц в русском и арабском языках, например: *Одной рукой и узла не завяжешь*.

Много единиц, в которых употребляются лексемы «один» и «рука/палец»: *Одним пальцем лица не закроешь; Одной рукой не хлопают в ладоши; Одной рукой много не ухватишь; Одним пальцем не умоешься*. Однако при сохранении общего смысла в арабских пословицах используются свои – специфические – реалии (*Один волос не борода*), когда человек не один, он может много достичь: *Двое одолеют одного сильного; Два мнения лучше одного*.

Вторая семантическая группа – **Значимость малого** – во многом противоположна первой. Подобная группа не обнаружена в русском материале.

Сравните: **всё начинается с малого** (*Война может вспыхнуть от одной искры; Appetit приходит с первым кусочком, а ссора с первым словом*); **часто количество не определяет качество** (*Если на корабле два капитана, он утонет; У двух рулевых лодка разобьётся; Знал семь ремёсел, а удача ускользнула; Сбил двух птиц одним камнем; Одно зло легче, чем два; Одно решительное слово лучше пустой болтовни; Один добрый опыт важнее семи правил мудрости*). В нашем материале встретились единицы, выражающие жизненную позицию, характерную для арабского мира – «пусть мало, но лучше», созвучную изречению Омара Хайяма: «Уж лучше голодать, чем что попало есть, быть лучше одному, чем вместе с кем попало».

Например: *Лучше прожить один день соколом, чем год курицей; Лучше один кыри (мелкая монета), который можно потратить, чем тысяча кыршей, спрятанная в сундуке; Одна птичка в руке лучше, чем десять на дереве; Ударить один раз кувалдой лучше, чем десять раз молоточком; Иногда одна удача лучше, чем «Тысяча и одна ночь»; Дом тесен, да вместит тысячу друзей.*

Третья семантическая группа: **Внутренние свойства человека**. Это очевидно, поскольку в каждой лингвокультуре через паремиологические единицы обычно передаётся опыт предшествующих поколений в оценке человека.

С точки зрения арабского мира, человек должен быть **скромным** (*Мы не последние из людей, но и не первые из них; О, прибывший в Египет, здесь есть тысячи, кроме тебя*), **щедрым, но при этом бережливым** (*Для щедрости – один день, для бережливости – всё остальное время*), **мудрым** (*Глупому прощают семьдесят ошибок, а ученому – ни одной; Кто ищет друга без недостатков, остается один; Бойся врага один раз, а друга тысячу*). При этом человеку следует **ладить с окружающими** (*Письмо – один из видов языка; Сосед – первый покупатель*). Общечеловеческие ценности прямо провозглашаются: это – Родина, честь, вера, скромность, щедрость.

Сравните: *За две вещи можно умереть: за свою землю и честь; Три вещи вызывают любовь: вера, скромность и щедрость; Есть три непереносимых вещи: клопы, нитьё (или пустая болтовня) и крики, шум*.

Как показал анализ материала, среди арабских паремий с числовым компонентом не встречается таких, где бы говорилось о семье, о взаимоотношениях мужа и жены, иными словами нет оснований для выделения семантической группы **Семья**. Но правомерно выделение четвёртой группы **Жёны**, что закономерно, поскольку отражает тип семейных отношений в арабском мире, где неоспоримым главой семьи является мужчина, который не может быть подвержен обсуждению и который сам определяет, сколько женщин и каких ему необходимо.

Паремиологические единицы – как опыт предков! – подсказывают мужчине, что *Дом, где одна хозяйка – хоромы (процветает), а где две – в разоре (в беспорядке), а где три – лежит в руинах; Дом, где четыре хозяйки, – серпентарий, а где одна хозяйка, – там кипит жизнь; Первая жена словно сахар (или горький опыт); вторая – ради щегольства (или сахар); третья – жизнь испортит (или доказательство мужественности), а четвёртая – до могилы доведёт; Прядут четверо, а вся слава достаётся одной хозяйке дома.*

Пятая семантическая группа – *Гость*, ей нет аналога в русских поговорках с нумеративным компонентом. Это тоже может быть связано с особенностями устройства жизни в арабском мире, когда хозяин обязан проявлять гостеприимство, однако гости этим часто злоупотребляют, пренебрегая правилами приличия.

Следует сказать, что среди русских поговорок без нумеративного компонента также есть пословицы данной семантической направленности.

Например: *Хоть не богат, но гостям рад; Не красна изба углами, а красна пирогами; Люби дома, что захочешь, а в гостях – что дадут* и другие. Сравните арабские: *Гость в первую ночь – сияющий факел, на вторую – повод для рыданий, а на третью – просто негодяй; Первая чашка кофе для гостя (для удовольствия), вторая может быть для удовольствия (уже лишней), а третья для меча (говорит о бесцеремонности гостя); Первый день – свет в окошке, второй день – аллергия, на третий – свинья свиньей; Гостю почёт – три дня.*

Шестая семантическая группа арабских пословиц и поговорок с числовым компонентом аналогична группе *Нравоучения* в русском материале. Однако это касается только самого наименования группы: содержание нравоучений другое, соответствующее именно арабской лингвокультуре.

Так, важным постулатом провозглашается жёсткий, иногда даже жестокий тезис о том, что каждому подобает занимать своё место в жизни, каждый имеет свою судьбу (пословицы построены на противопоставлении *первого/одного* и *второго/другого*): *Один – эмир, а другой ведёт ослов; Один семена даёт, а второй берёт на себя заботу о них; Один носит бороду, а второй устал спрашивать: «Зачем?»; Одному отрубили руку, а второй просит её, чтобы обтянуть барабан.*

Только среди арабских пословиц встретились такие, что говорят о человеке в разном периоде жизни, предостерегая от возможных ошибок, рекомендуя спокойно относиться к особенностям возраста.

Например: *Укус змеи, полученный тобой в шесть лет, в шестьдесят тебя с ног валит; Двадцатилетний – друг безумцев; Двадцатилетний как цветок в саду; Тридцатилетний – уравновешенный. Он хозяин своему разуму; Сорокалетний – зрелый человек (в расцвете физических и умственных сил); Сорок лет, а ещё может нарожать сыновей и дочерей; Шестидесятилетних под нож; На поле, возделанном тобой в двадцать лет, отдохнёшь в шестьдесят.*

Они выражают суждения о мужчине, поскольку женщина в традиционном мусульманском обществе бесправна. Мудрость арабского мира нашла отражение в ряде пословиц и поговорок с числовым компонентом, которые отличаются повышенной нравоучительной направленностью.

Например: *Две вещи обнаруживают свою ценность после потери их: молодость и здоровье; Любовь (страсть) – один из двух видов рабства; Язык – один из двух видов оружия; Мужчин погубят два красных – вино и мясо, а женщин два жёлтых – золото и шафран; Три вещи нельзя скрыть: любовь, женское сумасбродство и езд; Три вещи не даются взаймы: оружие (ружьё, порох), жена и лошадь; Три вещи ненадёжны: море, правитель и время; Трёх вещам нельзя доверять: коню, мечу и женщине; Три вещи продлевают жизнь: просторный дом, послушная жена и быстрый конь.*

Есть незначительная (гораздо меньше, чем в русском языке) группа арабских паремий, которые можно считать своеобразной поддержкой человеку в трудные моменты жизни, например: *Между одной бедой и другой – много хорошего*; *Третья попытка – верная*; *Судьба (рок) – один из двух воспитателей*; *Первые плоды (результаты) продлевают жизнь*; *Первый танец, что лошадиная скачка*; *У кого нет первого, у того нет и второго*.

Заключение

Анализ материала показал, что универсальной – интернациональной – семантической зоной для пословиц и поговорок обеих культур являются тематические группы: *Один не сила*, *Внутренние свойства человека*, *Нравоучения*. Национально специфические – группы: *Семья*, *О противоречивости жизни* (для русской лингвокультуры) и *Значимость малого*, *Жёны*, *Гость* (для арабского мира).

Мы пришли к выводу, что даже общие для двух языков семантические группы рассмотренных нами единиц чаще всего имеют разные символические значения, определяемые, как представляется, национальной спецификой.

Так, «нравоучительные» русские паремии рекомендуют быть предусмотрительным, решительным, незлопамятным, мудрым, дружелюбным, щедрым, но бережливым. Тогда как арабские говорят о том, что каждому следует ещё и занимать своё конкретное место в жизни, учитывать особенности разных возрастов, а также понимать, что является истинными ценностями, а что опасно. Заметим, что в силу ограничения нашего материала только паремиями с лексикой, обозначающей число, наши выводы не могут считаться окончательными.

Список литературы

1. Арабские пословицы [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.m.wikiquote.org/wiki/> (дата обращения: 23.05.2023).
2. Баясгалан Шондуг. Семантика числительных во фразеологии монгольского, русского и английского языков : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 22 с.
3. Вербицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М. : Языки славянской культуры. 2001. 288 с.
4. Вербицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики. М. : Языки славянской культуры. 2001. 272 с.
5. Долинин К. А. Интерпретация текста: Французский язык. М. : КомКнига, 2010. 304 с.
6. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М. : Русский язык. 1993. 537 с.
7. Карзенкова Е. П., Ши Ш. Китайские и русские пословицы о домашних животных как отражение менталитета // Диалог культур: Россия и Китай на новой Шёлковом пути : материалы научной конференции / Отв. ред. И. И. Русинова. Пермь : Изд-во «Пермский государственный университет», 2017. С. 66–73.
8. Кухарева А. В. Словарь арабских пословиц и поговорок (с лексико-фразеологическими комментариями). М. : АСТ; Восток-Запад. 2008. 303 с.
9. Меньшакова Н. Н., Шустова С. В. Развитие лингвокультурной компетенции при изучении паремий на занятиях по иностранному языку // Гуманитарные исследования: Педагогика и психология. 2020. № 1. С. 76–87.
10. Осипова А. А. Семантика и символика лексем со значением числа в русской, английской и французской языковых картинах мира : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008. 22 с.

11. Чернева Н. П. Семантика и символика числа в национальной картине мира: на материале русской и болгарской идиоматики : автореф. ... канд. филол. наук. М., 2003. 23 с.
12. Шабалина Е. В. Числительное: механизмы порождения оценочных коннотаций (на материале русского и польского языков) // Славяноведение. 2010. № 1. С. 74–82.
13. Шао Наньси. Нумеративные устойчивые выражения в русском языке : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 24 с.
14. Шевченко В. В. Символика и значения числовых компонентов в английских фразеологических единицах : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001. 16 с.

References

1. Arabskie poslovitsy [Arabic proverbs]. (In Russ.). Available at: <https://ru.m.wikiquote.org/wiki/> (accessed: 23.05.2023).
2. Bayasgalan Shondug. Semantika chislitel'nykh vo frazeologii mongol'skogo, russkogo i angliiskogo yazykov [Semantics of numerals in the phraseology of Mongolian, Russian and English languages]. PhD dissertation abstract. Saint Petersburg, 2006, 22 p. (In Russ.).
3. Verbitskaya A. Ponimanie kul'tur cherez posledstvo klyuchevykh slov [Understanding cultures through keywords]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001, 288 p. (In Russ.).
4. Verbitskaya A. Sopotavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiki i grammatiki [Comparing cultures through vocabulary and grammar]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001, 272 p. (In Russ.).
5. Dolinin K. A. Interpretatsiya teksta: Frantsuzskii yazyk [Interpretation of the text: French language]. Moscow, KomKniga Publ., 2010, 304 p. (In Russ.).
6. Zhukov V. P. Slovar' russkikh poslovits i pogovorok [Dictionary of Russian proverbs and sayings]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1993, 537 p. (In Russ.).
7. Karzenkova E. P., Shi Sh. Kitaiskie i russkie poslovitsy o domashnikh zhivotnykh kak otrazhenie mentaliteta [Chinese and Russian proverbs about pets as a reflection of mentality]. *Dialog kul'tur: Rossiya i Kitai na novoi Shelkovom puti* [Dialogue of cultures: Russia and China on the new Silk Road]. Perm, PGNIU Publ., 2017, pp. 66-73. (In Russ.).
8. Kukhareva A. V. Slovar' arabskikh poslovits i pogovorok (s leksiko-frazeologicheskimi kommentariyami) [Dictionary of Arabic proverbs and sayings (with lexical and phraseological comments)]. Moscow, AST Publ., Vostok-Zapad Publ., 2008, 303 p. (In Russ.).
9. Men'shakova N. N., Shustova S. V. Razvitie lingvokul'turnoi kompetentsii pri izuchenii paremii na zanyatiyakh po inostrannomu yazyku [Development of linguistic and cultural competence in the study of proverbs in foreign language classes]. *Gumanitarnye issledovaniya: Pedagogika i psikhologiya* [Humanities Studies: Pedagogy and Psychology]. 2020, no. 1, pp. 76-87. (In Russ.).
10. Osipova A. A. Semantika i simbolika leksem so znacheniem chisla v russkoi, angliiskoi i frantsuzskoi yazykovykh kartinakh mira [Semantics and symbolism of lexemes with the meaning of number in the Russian, English and French language pictures of the world]. PhD dissertation abstract. Moscow, 2008, 22 p. (In Russ.).
11. Cherneva N. P. Semantika i simbolika chisla v natsional'noi kartine mira: na materiale russkoi i bolgarskoi idiomatiki [Semantics and symbolism of numbers in the national picture of the world: based on Russian and Bulgarian idioms]. PhD dissertation abstract. Moscow, 2003, 23 p. (In Russ.).
12. Shabalina E. V. Chislitel'noe: mekhanizmy porozhdeniya otsenochnykh konnotatsii (na materiale russkogo i pol'skogo yazykov) [Numeral: mechanisms for generating evaluative connotations (based on the material of the Russian and Polish languages)]. *Slavyanovedenie* [Slavic studies]. 2010, no. 1, pp. 74-82. (In Russ.).

13. Shao Nan'si. Numerativnye ustoichivye vyrazheniya v russkom yazyke [Numeral: mechanisms for generating evaluative connotations (based on the material of the Russian and Polish languages)]. PhD dissertation abstract. Voronezh, 2009, 24 p. (In Russ.).

14. Shevchenko V. V. Simvolika i znacheniya chislovykh komponentov v angliiskikh frazeologicheskikh edinitsakh [Symbolism and meanings of numerical components in English phraseological units]. PhD dissertation abstract. Moscow, 2001, 16 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Т. Б. Карпова – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и стилистики, Пермский государственный национальный исследовательский университет;

Е. П. Карзенкова – старший преподаватель, кафедра русского языка и стилистики, Пермский государственный национальный исследовательский университет;

М. Салех – бакалавр, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

T. B. Karpova – Ph. D. (Philology),

*Associate Professor, Russian Language and Stylistics Department,
Perm State University;*

E. P. Karzenkova – Senior Lecturer, Russian Language and Stylistics Department,
Perm State University;

M. Salekh – Bachelor,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 10.06.2023; одобрена после рецензирования 20.06.2023; принята к публикации 25.07.2023.

The article was submitted 10.06.2023; approved after reviewing 20.06.2023; accepted for publication 25.07.2023.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 72–81.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2023. No. 11. P. 72-81.

Научная статья

УДК 821.161.1

doi: 10.24412/2713-0231-2023-11-72-81

**ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ А. П. ЧЕХОВА
КАК ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА ПЬЕСЫ
Л. А. МАЛЮГИНА «НАСМЕШЛИВОЕ МОЕ СЧАСТЬЕ»
(К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ ФОРМИРОВАНИЯ
«СОВЕТСКОГО ЧЕХОВСКОГО МИФА»)**

Марина Владимировна Воловинская

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,
volovinskaya@yandex.ru

Аннотация. В статье на примере пьесы Л. А. Малюгина «Насмешливое мое счастье», жанр которой автор определил как «сценический роман в письмах», анализируется механизм формирования «советского чеховского мифа». Пьеса, целиком построенная на документальных источниках, прежде всего, эпистолярном наследии Чехова, рассматривается как вариант мифологизированной биографии классика. Сопоставление воссозданного в пьесе эпистолярного диалога А. П. Чехова с братом Александром, Л. С. Мизиновой, О. Л. Книппер, А. М. Горьким с оригинальным вариантом писем к этим адресатам демонстрирует, что даже небольшая трансформация исходного текста, проявляющаяся в сделанных драматургом купюрах, контаминации отрывков из писем к разным корреспондентам в единый текст, смене адресата послания, корректировке некоторых синтаксических конструкций, приводит к изменению звучания чеховских слов и достижению нужного автору пьесы эффекта. Итогом работы Л. А. Малюгина с документальными источниками стало создание образа Чехова, воплотившего черты истинного интеллигента, писателя-гражданина, не принятого современной ему критикой и не обретшего личного счастья в условиях несправедливой действительности, но по достоинству оцененного лучшими людьми России. Представленная в пьесе версия романа А. П. Чехова с Л. С. Мизиновой оценивается в статье как личный вклад Л. А. Малюгина в разработку чеховского мифа. Предпринятый анализ приводит к выводу о том, что пьеса Л. А. Малюгина интересна не только как один из вариантов воссоздания советского чеховского мифа, который подвергается деконструкции в современной литературе, но и как пример работы с документальными источниками.

Ключевые слова: Чехов, эпистолярный, Малюгин, документальные источники, биография, миф.

Для цитирования: Воловинская М. В. Эпистолярное наследие А. П. Чехова как документальная основа пьесы Л. А. Малюгина «Насмешливое мое счастье» (к вопросу о механизме формирования «советского чеховского мифа») // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 72–81. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-11-72-81>

Original article

**ANTON CHEKHOV'S EPISTOLAR HERITAGE
AS A DOCUMENTARY BASIS FOR THE PLAY
"MY IRONICAL HAPPINESS" BY LEONID MALYUGIN
(ON THE QUESTION OF THE "SOVIET CHEKHOV MYTH"
FORMATION MECHANISM)**

Marina V. Volovinskaya

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, volovinskaya@yandex.ru

Abstract. The article deals with the play by L. A. Malyugin "My Ironic Happiness" as the example of the "Soviet Chekhov myth". The play, entirely built on documentary sources, primarily Chekhov's epistolary heritage, is considered as a variant of the mythologized biography of the classic. Comparison of the epistolary dialogue of A. P. Chekhov with his brother Alexander, L. S. Mizinova, O. L. Knipper, A. M. Gorky with the original version of letters to these addressees demonstrates that even a slight transformation of the original text, manifested in cuts made by the playwright, contamination of excerpts from letters to different correspondents into a single text, change of the addressee of the message, correction of some syntactic constructions, leads to a change in the sound of Chekhov's words and achieve the effect desired by the author of the play. The result of Malyugin's work with documentary sources was the creation of Chekhov's image, who embodied the features of a true intellectual, a writer-citizen who was not accepted by contemporary criticism and did not find personal happiness in the conditions of unfair reality, but was duly appreciated by the best people of Russia. The version of Anton Chekhov's relationship with Lika Mizinova is evaluated in the article as a personal contribution by L. A. Malyugin in the development of Chekhov's myth. The undertaken analysis leads to the conclusion that L. A. Malyugin's play is interesting not only as one of the options for recreating the Soviet Chekhov myth, which is being deconstructed in modern literature, but also as an example of working with documentary sources.

Key words: Chekhov, epistolary, Malyugin, documentary sources, biography, myth.

For citation: Volovinskaya M. V. Anton Chekhov's epistolar heritage as a documentary basis for the play "My ironical happiness" by Leonid Malyugin (on the question of the "Soviet Chekhov myth" formation mechanism). Humanitarian Studies. History and Philology. 2023;11:72-81. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-11-72-81>

Введение

Личность и судьба А. П. Чехова давно стали предметом внимания не только литературоведов, но и представителей различных видов искусства. В современной гуманитаристике сформировалось понятие *чеховского мифа* (наряду с пушкинским, толстовским и другими), одна из форм бытования которого – беллетризованные биографии писателя. Интерес к литературным биографиям известных личностей, по справедливому замечанию Ю. М. Лотмана, объясняется тем, что в произведениях этого жанра «герой – как в романе, а сознание подлинности – как в жизни. Перед читателем не актер, который, упав со смертельной раной, поднимается и раскланивается под аплодисменты публики, – речь идет о "полной гибели всерьез" (Пастернак)» [Лотман 1985: 228]. Соотношение документа и

вымысла в подобного рода текстах может быть различным, однако о полной объективности создателя художественной биографии говорить не приходится, независимо от того, какие творческие задачи он перед собой ставит.

Исследователи последних десятилетий немало пишут о «демифологизации» образа Чехова, «деструкции мхатовского чеховского мифа», «реинтерпретации фактов жизни классика» в современной литературе. Одна из глав диссертации А. А. Щербаковой «Чеховский текст в современной драматургии» (Тверь, 2006), например, называется «Деконструкция и деструкция: Чехов в кривом зеркале». Но для того чтобы понять, какой именно миф разрушается, есть смысл обратиться к произведениям, в которых этот миф воссоздается. К их числу относится пьеса советского драматурга Л. А. Малюгина «Насмешливое мое счастье» (1965), имеющая жанровый подзаголовок «сценический роман в письмах в двух частях». Пьеса получила широкую известность благодаря спектаклю в театре им. Е. Вахтангова (по свидетельству В. Вульфа, на Юрия Яковлева в роли Чехова и Юлию Борисову в роли Лики Мизиновой ходила смотреть вся Москва), но почти не привлекла внимания литературоведов.

Основная часть

Обращение Л. А. Малюгина к фигуре А. П. Чехова не было случайным, автор пьесы много лет занимался изучением биографии и творчества писателя, посвятил ему несколько научных статей, до конца жизни работал над документально-художественным произведением «Чехов: повесть-хроника». Пьеса «Насмешливое мое счастье» целиком основана на переписке Чехова с разными адресатами и его записных книжках. Неслучайно в «Литературном энциклопедическом словаре» в статье «Документальная литература», написанной В. С. Муравьевым, «Насмешливое мое счастье» приводится в качестве примера драматургического произведения, представляющего собой «сценическую аранжировку документов» [Муравьев 1987: 99]. Автор не приписал персонажам ни одного слова, не зафиксированного в документальных источниках, лишь слегка скорректировал некоторые синтаксические конструкции. В этом плане его подход к созданию образа Чехова кардинально отличается от художественной стратегии драматургов конца XX – начала XXI вв., которые, по словам О. Ю. Багдасарьян, «основываются на фикции, "чистом вымысле" и на пересоздании и реинтерпретации фактов жизни реального человека, документов, декораций времени, исторического фона, художественных текстов» [Багдасарьян 2015: 81].

Тем не менее в «сценическом романе в письмах» Л. А. Малюгина, без сомнения, воплотились черты «чеховского мифа», который начал складываться сразу после смерти писателя и обрел устойчивые очертания в советское время. Можно согласиться с А. Д. Степановым, который отмечал, что «массовый» образ Чехова «включал в себя в качестве обязательных элементов портрет кисти Осипа Бразза, цитаты о "выдавливании раба" и о том, что "в человеке все должно быть прекрасно", рассказ о поездке врача-общественника на Сахалин, краткое изложение врачебной, земской и благотворительной деятельности писателя в Мелихово и Ялте, перечисление личных качеств, среди которых первое место занимала "милая скромность, чуткая деликатность" (Горький) и указание на веру Чехова в прогресс вплоть до "приветствия" революции на краю гроба» [Степанов 2021: 685].

Одним из создателей канонического образа «советского» Чехова был В. В. Ермилов, удостоенный за книги «Чехов» (1946) и «Драматургия Чехова» (1948) Сталинской премии, что само по себе показательно. Интересно мнение об одной из этих книг И. А. Бунина, высказанное в письме к М. А. Алданову: «Я только что прочел книгу В. Ермилова... Очень способный и ловкий <...> – так обработал Ч., столько сделал выписок из его произведений и писем, что Ч. оказался совершеннейший большевик и даже "буревестник", не хуже Горького, только другого склада...» [Бунин 2001:63]. Таким образом, мы видим, что документальная основа не препятствует мифологизации, автор биографии выбирает, компоует и «подсвечивает» факты в соответствии со своими интенциями и существующим в ту или иную эпоху канон. Как отмечает Е. И. Высочина, «образ писателя <...> живет в соответствии с механизмом культурно-исторической памяти о гении, детерминируется культурными, эстетическими, социальными представлениями эпохи» [Высочина 1989: 239]. Анализ пьесы Л. А. Малюгина дает возможность увидеть механизм создания «мифологизированной» биографии классика автором, который не вступает в постмодернистскую игру с классическим наследием, а, напротив, стремится к максимальной точности и корректности.

В пьесе «Насмешливое мое счастье» Л. А. Малюгин освещает большой отрезок времени, начиная с вступления писателя на творческое поприще и заканчивая его смертью. Такое решение направлено на создание у читателя (зрителя) ощущения, как будто он слышит рассказ о жизни А. П. Чехова и видит ее течение.

Документальной основой первого действия пьесы Л. А. Малюгина стала переписка писателя с братом Александром и Л. С. Мизиновой. Эпистолярный диалог молодого А. П. Чехова с Александром отличался раскованностью, непринужденностью тона, шутливыми интонациями, что не мешало им обсуждать серьезные вопросы; в посланиях, которыми обменивались братья, они, по изящному выражению В.Б. Катаева, пользовались «неограниченными возможностями родного языка» [Катаев 2017: 23]. Л. А. Малюгин не только выбрал из обширного эпистолярного наследия писателя то, что не противоречит сложившимся в общественном сознании представлениям о нем как эталоне интеллигентности, но и скорректировал некоторые высказывания, приведя их в соответствие с литературной нормой. Например, первые слова, которые произносит Чехов в пьесе, звучат так: «Таможенный брат мой! Хоть ты и пьяница, а без тебя скучно! Я собираюсь к тебе, в Таганрог» [Малюгин эл. ресурс]. В оригинале письма брату от 8 ноября 1882 года двадцатидвухлетний Чехов (может быть, в шутку, хотя с уверенностью это утверждать нельзя) использует просторечную форму «за тобой все-таки скучно» [Чехов 1974: 43], которую Малюгин счел в устах Чехова недопустимой.

Сообщения о намерении приехать в Таганрог в этом письме нет, оно нужно драматургу для того, чтобы перейти к разговору о реакции читателей (в том числе таганрожцев) и критиков на дебютный сборник чеховских рассказов. Л. Е. Бушканец отмечает, что «концепция о "травле" Чехова сложилась в условиях посмертной идеализации писателя (когда нужно было найти в его жизни "страдания" – их нашли в "страданиях из-за критиков")» [Бушканец 2013: 23–24]. Утверждение о непонимании творчества Чехова современной ему критикой не лишено оснований, однако драматизм ситуации многими интерпретаторами, в том числе Л. А. Малюгиным, сильно преувеличен. Пьеса «Насмешливое

мое счастье» содержит несколько выдержек из писем А. П. Чехова разных лет, свидетельствующих о том, сколь недоброжелательна и несправедлива по отношению к нему была критика, что в совокупности действительно создает ощущение «травли».

Одним из главных тезисов ортодоксального советского литературоведения было утверждение о неприятии Чеховым окружающего мира, погрязшего в пошлости и несправедливости, что закономерно приводило к выводу о необходимости изменения общественного строя. Так, В. В. Ермилов заключал: «И чем яснее возникал в его мыслях и чувствах образ величия родной страны, тем больше было думать о том, что она отдана во власть палачей, тупиц, Пришибеевых, тем сильнее хотелось сказать, что больше так жить нельзя!» [Ермилов 1946: 228]. Л. А. Малюгин не столь категоричен и прямолинеен, но, создавая образ Чехова, он тоже целенаправленно подбирает высказывания, демонстрирующие, что современная писателю действительность наводила его на невеселые мысли. Например, герой пьесы произносит такой монолог, составленный из писем разных лет: «Живется скучно, а писать начинаю скверно. Хорошо нашему другу Левитану. Он перевертывает свои картины вверх ногами, чтобы отучить от них свое критическое око. Я не могу работать не от усталости и даже не от бедности. Правда, у меня позеленела шляпа и отвалились подметки. А оттого, что слышишь и читаешь непрерывно ложь, и ложь мелкую. Ложь оскорбляет и доводит до нравственной рвоты от пресыщения пошлостью. В Москве нет ни одного человека, который говорил бы правду» [Малюгин: эл. ресурс].

В диалог с Александром включены также горькие слова о трагическом уходе Гаршина (взяты из писем А. Н. Плещееву и А. С. Суворину): «Два раза я был у Гаршина и оба раза не застал. Говорят, за неделю до смерти он знал, что бросится в пролет лестницы. А лестница ужасная. Я ее видел: темная, грязная. Невыносимая жизнь!» [Малюгин: эл. ресурс]. Сразу после слов «Невыносимая жизнь!» следует сообщение о поездке Чехова на Сахалин, которая на самом деле была предпринята через два года после самоубийства Гаршина, однако эти события воспринимаются в пьесе как логически взаимосвязанные. Мотив «невыносимой жизни» звучит и в рассуждениях Чехова о том, почему поездка на Сахалин, с его точки зрения, необходима: «Мы сгноили в тюрьмах миллионы людей... Мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, размножали преступников, а нам до этого дела нет, это неинтересно» [Малюгин: эл. ресурс]. Эти слова позаимствованы Л. А. Малюгиным из письма Чехова А. С. Суворину, однако в пьесе они обращены к брату. В советское время А. С. Суворин воспринимался как «отрицательный герой», недостойный чеховских откровений, поэтому Л. А. Малюгин делает такую «переадресацию».

Все литературоведы, писавшие о чеховском мифе, признавали, что поездка писателя на Сахалин – одна из важных его составляющих. Так, А. Г. Бондарев, выделяя «биографическую сюжетную линию» чеховского мифа, включает в нее следующие моменты: «интеллигент, доктор – лекарь человеческих душ, гуманистический поступок (поездка на Сахалин) и плата (болезнь и смерть)» [Бондарев 2008: 6]. Л. Г. Бушканец напоминает о трехчастной структуре мифа о культурном герое: «мрак и смерть – обретение – выход к свету, возрождение» [Бушканец 2013: 19]. Исследователь отмечает, что «Чехов дал надежду, указал на то, что есть выход из ада, указал на существование Рая» [Бушканец 2013: 19].

Слова про ад и рай Чехов произносит и в пьесе (здесь Л. А. Малюгин контаминирует отрывки из писем Чехова И. Л. Леонтьеву от 10 декабря 1890 года и матери от 6 октября 1890 года): «Теперь же Сахалин представляется мне целым адом. Могу сказать – пожил! Будет с меня! Я был и в аду, и в раю – то есть на острове Цейлон» [Малюгин: эл. ресурс]. Но главный источник оптимизма Чехов как герой пьесы находит, естественно, в самой России. Драматург цитирует известные слова писателя, сказанные в письме к родным от 16 мая 1890 года: «Боже мой! Как богата Россия хорошими людьми! Если бы не чиновники, развращающие крестьян и ссыльных, то Сибирь была бы богатейшей и счастливой (в оригинале письма – «счастливейшей». – М. В.) землей» [Малюгин: эл. ресурс]. Отметим, что Малюгин несколько сокращает фразу Чехова из письма, где в качестве препятствия превращения Сибири в «богатейшую и счастливейшую» землю называются не только чиновники, но и «холод, отнимающий у Сибири лето» [Чехов 1976: 82]. Таким образом усиливается социальный акцент, заостряется внимание на переживаниях Чехова по поводу общественного неблагополучия. Сахалинскую тему в пьесе завершает фраза писателя, взятая уже не из письма, а из записной книжки 1891 года: «Желание служить общему благу непременно должно быть потребностью души, условием личного счастья» [Малюгин: эл. ресурс], что становится еще одним штрихом к созданию образа писателя-гражданина.

Слова об общественном благе и личном счастье важны и в композиционном плане – сразу после них в пьесу вводится тема любви (личного счастья). В биографиях Чехова, написанных в XXI в., личная жизнь писателя освещена очень по-разному. Как отмечает В. В. Химич, «диапазон версий здесь широк: писатель предстает то неспособным к сильному чувству, апатичным, с холодным сердцем, то одержимым неумеренной страстью. Обнаружение искомого осуществляется то в русле традиционного, перечислительного описания отношений увлекающегося человека с знакомыми женщинами, более всего с Шавровой, Авилловой, Ликой Мизиновой, то предстает в виде шокирующе резкой концепции, как, например, в книге М. Золотоносова "Другой Чехов. По ту сторону женофобии" (2007), где автор обосновывает гипотезу о специфическом комплексе осознанно подавляемой гиперсексуальности» [Химич 2010: 18].

Однако в «советском чеховском мифе» нашлось место только двум героиням – Лике Мизиновой и О. Л. Книппер, причем первой отдается явное предпочтение. Такое представление о личной жизни писателя, закрепившееся в среднестатистическом читательском сознании, во многом сформировалось именно благодаря Л. А. Малюгину, который, по свидетельству А. В. Ханило, объяснял название «Насмешливое мое счастье» следующим образом: «<...> насмешливое счастье заключается в том, что Чехов любил Лиду Мизинову, а женился на Ольге Леонардовне Книппер» [Ханило, 2016: 53]. Известно, что сам Чехов использовал это выражение совсем в другом контексте, да и в пьесе оно имеет более широкий смысл, тем не менее комментарий драматурга многое объясняет в его понимании представленной в сценическом романе в письмах ситуации. Отношение автора к выведенным в пьесе героиням выразилось, в частности, в том, что роль Лики он попросил доверить Юлии Борисовой, ведущей актрисе театра, ставшей особо популярной после выхода фильма И. Пырьева «Идиот», а в роли Ольги Леонардовны увидел Елену Добронравову, не обладавшую столь яркой харизмой.

Переписка А. П. Чехова с Л. С. Мизиновой, полная обаятельного юмора и затаенного драматизма, легла в основу наиболее запоминающейся части пьесы Л. А. Малюгина. Автор не упускает случая привлечь слова Чехова и его корреспондентки, которые свидетельствовали бы об их взаимной любви, даже если они сказаны в шутку, и обосновать гипотезу, что Чехов и Мизинова были созданы друг для друга, но волею судьбы вынуждены были расстаться, упустив свое счастье. Существует немало документальных источников, корректирующих изложенную в пьесе Л. А. Малюгина версию взаимоотношений Чехова с «золотой, перламутровой и фильдекосовой» Ликой, однако в «советский чеховский миф» эта история вошла именно в представленном драматургом виде.

Диалоги с Л. Мизиновой в первой части пьесы противопоставлены эпистолярной беседе с О. Л. Книппер во второй. Несмотря на несколько предвзятое отношение к жене Чехова, Малюгин, создавая ее образ, стремится к объективности, однако эпистолярные источники выбирает в соответствии со своей концепцией. Из 443 писем Чехова к Ольге Леонардовне в текст сценического романа вошли в основном те, где писатель дает советы, как нужно играть ту или иную роль, или интересуется, как воспринимает публика спектакли МХТ по его пьесам. Книппер нередко отвечает мужу словами из его произведений, наиболее частые ремарки к репликам героини – «с ролью в руках», «в роли такой-то». Особенно часто упоминается роль Аркадиной, таким образом жена Чехова и ставшая прототипом Нины Заречной Лика Мизинова вписываются в некую общую конфигурацию, актуализируются параллели между театром и жизнью.

В пьесе Малюгина ограниченное количество действующих лиц, у каждого из которых своя функция. На роль друга Чехова драматург выбирает А. М. Горького, что опять же вполне вписывается в контуры чеховского мифа в том виде, в котором он существовал в середине XX века. Горький стоял у истоков формирования чеховского мифа, его воспоминания были широко растиражированы, а созданный в них образ Чехова повлиял на восприятие личности писателя последующими поколениями. В школьной практике часто цитировались слова, сказанные основателем социалистического реализма о Чехове: «Его врагом была пошлость; он всю жизнь боролся с ней, ее он осмеивал и ее изображал бесстрастным, острым пером, умея найти плесень пошлости даже там, где с первого взгляда, казалось, все устроено очень хорошо, удобно, даже – с блеском» [Горький 1986: 448]. Горький в пьесе вполне соответствует определению «буревестник революции»: упоминается, что он находится под надзором полиции, лишается из-за политической неблагонадежности звания академика, что вызывает резкую реакцию Чехова (цитируется его письмо А. Н. Веселовскому, где он отказывается от почетного звания в знак солидарности с Горьким).

Однако Малюгин избегает избыточного пафоса и не стремится представить политические взгляды Чехова более радикальными, чем они были на самом деле. Самая «революционная» фраза, которую произносит Чехов в пьесе, звучит так: «Полагаю, что в России ежегодно, потом ежемесячно, потом еженедельно будут драться на улицах, пока не додерутся». Утверждение это достаточно нейтрально: Чехов ни к чему не призывает, а лишь высказывает предположение; что вкладывается в слово «додерутся», из контекста не совсем ясно. В данном случае Малюгин опять же сокращает высказывание, что несколько меняет его суть – в оригинале (письме М. Горького, адресованного В. А. Поссе, где воспроизводятся слова Чехова) сказано: «А. П. Чехов <...> полагает, что в России ежегодно, потом ежемесячно, потом еженедельно будут драться на улицах и лет через десять-пятнадцать додерутся до конституции» [Горький 1954: 199].

Естественно, Малюгин не забывает, что в первую очередь Чехов – большой писатель, творческие вопросы занимают немалое место как в переписке Чехова с различными адресатами, так и в пьесе. А. Г. Бондарев отмечает, что в чеховском мифе «творчество представлено набором потенциально мифологических знаков: Каштанка, крыжовник, человек в футляре, дом с мезонином, вишневый сад, чайка, три сестры, "В Москву...", "небо в алмазах", звук лопнувшей струны, "выдавливает раба", <...> ружье на стене, стук топора и др.» [Бондарев 2013: 6]. Большая часть этих знаков взята из пьес, потому что в массовом сознании Чехов в первую очередь воспринимается как драматург. В сценическом романе Малюгина пьесам Чехова тоже уделяется больше внимания, чем рассказам: в тех или иных контекстах идет речь о всех многоактных произведениях для театра, включая «Иванова». Однако Малюгин старается избегать банальностей, из перечисленных А. Г. Бондаревым мифологем в тексте пьесы несколько раз упомянут лишь крыжовник, причем это не только образ-символ, вынесенный в заглавие знаменитого рассказа, но и знаковая юмористическая деталь в переписке писателя с Ликой Мизиновой. В пьесе не звучат ставшие хрестоматийными слова о человеке, в котором «все должно быть прекрасно», или ружье на стене, однако в целом создается мифологизированный образ Чехова, писателя, врача и гражданина, соответствующий массовым представлениям о личности классика.

Заключение

Пьеса Л. А. Малюгина принадлежит своему времени, середине 1960-х гг., которое неизбежно накладывает на нее ощутимый отпечаток, однако в ней «волнуются живые голоса» (О. Мандельштам), ощущается бережное отношение автора к чеховскому творческому наследию. Автор проделал кропотливую работу с документальными источниками, выбирая из чеховского эпистолярия то, что в максимальной степени работает на создание идеального образа истинного интеллигента, писателя-гражданина, не принятого современной ему критикой и не обретшего личного счастья в условиях несовершенной действительности, но по достоинству оцененного лучшими людьми России. Субъективность автора пьесы проявилась не только в выборе цитируемых источников, но и в купюрах, которые в отдельных случаях значительно корректируют смысл чеховских высказываний. Иногда Л. А. Малюгин меняет адресата послания или соединяет в одно целое то, что изначально было адресовано разным корреспондентам. Изредка драматург слегка «подправляет» классика, приводя его слова в соответствие с нормами современного литературного языка. Все это приводит к некоторому изменению звучания чеховских слов и расстановке нужных автору пьесы акцентов.

Таким образом, пьеса интересна не только как один из вариантов воссоздания советского чеховского мифа, но и как пример работы с документальными источниками. По стопам Л. А. Малюгина (может быть, не отдавая в этом отчета) пошли драматурги рубежа XX–XXI вв. (например, Е. Гремина, М. Бычков), тоже создавшие художественные биографии писателя на основе документов, но в соответствии с уже иными эстетическими принципами.

Список литературы

1. Багдасарьян О. Ю. Чехов XXI века: пересоздание биографии классика в современной драматургии России и Словакии // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2015. № 2. С. 71–83.

2. Бондарев А. Г. Чеховский миф в современной поэзии : автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Красноярск, 2008. 19 с.
3. Бунин И. А. Письмо М. А. Алданову от 31 июля, 1 августа 1947 года // И. А. Бунин: PRO ET CONTRA. Личность и творчество Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб. : Издательство РХГИ, 2001. 1014 с.
4. Бушканец Л. Е. А. П. Чехов и русское общество 1880–1917 гг. : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. Москва, 2013. 39 с.
5. Высочина Е. И. Образ, бережно хранимый: жизнь Пушкина в памяти поколений. М. : Просвещение. 1989. 239 с.
6. Горький А. М. Письмо В. А. Поссе (ноябрь, после 14 [27], 1901) // Горький А. М. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 28. М., 1954. 600 с.
7. Горький А. М. А. П. Чехов // Чехов в воспоминаниях современников. М. : Художественная литература, 1986. С. 539–456.
8. Ермилов В. В. Чехов. Сер. Жизнь замечательных людей. М. : Молодая гвардия, 1946. 448 с.
9. Катаев В. Б. Некоторые любят погорячее, или Еще раз о купюрах // Чеховский вестник. М. : Издательство «Литературный музей», 2017. Вып. 34. 168 с.
10. Лотман Ю. М. Биография – живое лицо // Новый мир. 1985. № 2. С. 228–236.
11. Малюгин Л. А. Насмешливое мое счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/books/starye-druzya-pesy-read-601509-26.html> (дата обращения: 31.06.2023).
12. Муравьев В. С. Документальная литература // Литературный энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1987. 752 с.
13. Степанов А. Д. От поэта безвременья к буреизвестнику революции: метаморфозы рецепции Чехова // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2021. Т. 18. Вып. 4. С. 680–693.
14. Ханило А. В. Чехов в Ялте. Симферополь: Нижняя Орианда, 2016. 192 с.
15. Химич В. В. Чехов в роли Чехова // Филологический класс. 2010. № 24. С. 16–21.
16. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма. Т.1. 1875–1886. М. : Наука, 1974.
17. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма. Т. 4. М. : Наука, 1976.

References

1. Bagdasar'yan O. Yu. Chekhov XXI veka: peresozdanie biografii klassika v sovremennoi dramaturgii Rossii i Slovakii [Chekhov of the 21st century: re-creating the biography of the classic in modern dramaturgy of Russia and Slovakia]. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Russkaya literatura XX - XXI vekov: napravleniya i techeniya* [Ural Philological Bulletin. Series: Russian literature of the XX-XXI centuries: directions and trends]. 2015, no. 2, pp. 71-83. (In Russ.).
2. Bondarev A. G. Chekhovskii mif v sovremennoi poezii [Chekhov's myth in modern poetry]. PhD dissertation abstract. Krasnoyarsk, 2008, 19 p. (In Russ.).
3. Bunin I. A. Pis'mo M. A. Aldanovu ot 31 iyulya, 1 avgusta 1947 goda [Letter to M. A. Aldanov dated July 31, August 1, 1947]. *I. A. Bunin: PRO ET CONTRA. Lichnost' i tvorchestvo Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei. Antologiya* [I. A. Bunin: PRO ET CONTRA. The personality and creativity of Bunin in the assessment of Russian and foreign thinkers and researchers. Anthology]. Saint Petersburg, RKhGI Publ., 2001, 1014 p. (In Russ.).
4. Bushkanets L. E. A. P. Chekhov i russkoe obshchestvo 1880-1917 gg. [Chekhov and Russian society 1880–1917.]. Doctoral dissertation abstract. Moscow, 2013, 39 p. (In Russ.).
5. Vysochina E. I. Obraz, berezhno khranimyi: zhizn' Pushkina v pamyati pokolenii [An image carefully preserved: Pushkin's life in the memory of generations]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1989, 239 p. (In Russ.).

6. Gor'kii A. M. Pis'mo V. A. Posse (noyabr', posle 14 [27], 1901) [Letter to V.A. Posse (November, after 14 [27], 1901)]. *Gor'kii A. M. Sobranie sochinenii v 30 tomakh* [Gorky A. M. Collected works in 30 volumes]. Vol. 28, Moscow, 1954, 600 p. (In Russ.).
7. Gor'kii A. M. A. P. Chekhov [A. P. Chekhov]. *Chekhov v vospominaniyakh sovremennikov* [Chekhov in the memoirs of his contemporaries]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986, pp. 539-456. (In Russ.).
8. Ermilov V. V. Chekhov. Ser. Zhizn' zamechatel'nykh lyudei [Chekhov. Series. Life of wonderful people]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1946, 448 p. (In Russ.).
9. Kataev V. B. Nekotorye lyubyat pogoryachee, ili Eshche raz o kupyurakh [Some people like it hot, or once again about banknotes]. *Chekhovskii vestnik* [Chekhov's Bulletin]. Moscow, Literaturnyi muzei Publ., 2017, iss. 34, 168 p. (In Russ.).
10. Lotman Yu. M. Biografiya - zhivoe litso [Biography - a living person]. *Novyi mir* [New world]. 1985, no. 2, pp. 228-236. (In Russ.).
11. Malyugin L. A. Nasmeshlivoe moe schast'e [My mocking happiness]. (In Russ.). Available at: <https://www.rulit.me/books/starye-druzya-pesy-read-601509-26.html> (accessed: 31.06.2023).
12. Murav'ev V. S. Dokumental'naya literature [Documental literature]. *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'* [Literary encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1987, 752 p. (In Russ.).
13. Stepanov A. D. Ot poeta bezvremen'ya k burevestniku revolyutsii: metamorfozy retseptsii Chekhova [From the poet of timelessness to the petrel of revolution: metamorphoses of Chekhov's reception]. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literature* [Bulletin of St. Petersburg State University. Language and literature]. 2021, vol. 18, iss. 4, pp. 680-693. (In Russ.).
14. Khanilo. A. V. Chekhov v Yalte. Simferopol' : Nizhnyaya Orianda [Chekhov in Yalta. Simferopol: Lower Orianda]. 2016, 192 p. (In Russ.).
15. Khimich V. V. Chekhov v roli Chekhova [Chekhov as Chekhov]. *Filologicheskii klass* [Philological class]. 2010, no. 24, pp. 16-21. (In Russ.).
16. Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Pis'ma [Complete works and letters: in 30 volumes. Letters]. Vol. 1, 1875-1886, Moscow, Nauka Publ., 1974. (In Russ.).
17. Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Pis'ma [Complete works and letters: in 30 volumes. Letters]. Vol. 4, Moscow, Nauka Publ., 1976. (In Russ.).

Информация об авторе

М. В. Воловинская – кандидат филологических наук, доцент,
кафедра теории, истории литературы и методики преподавания литературы,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the author

M. V. Volovinskaya – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of Theory, History of Literature and Methods of Teaching Literature,
Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 20.07.2023; одобрена после рецензирования 05.08.2023; принята к публикации 25.08.2022.

The article was submitted 20.07.2023; approved after reviewing 05.08.2023; accepted for publication 25.08.2023.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 82–95.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2023. No. 11. P. 82-95.

Научная статья

УДК 811.133.1'27

doi: 10.24412/2713-0231-2023-11-82-95

ЮРИДИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Людмила Анатольевна Красноборова¹, Мария Александровна Ерыпалова²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ lokr@yandex.ru

² marcial24316@gmail.com

Аннотация. Изучение древнего юридического документа осуществляется с точки зрения лингвокультурологического подхода, который подразумевает исследование языка, культуры и человека в их взаимодействии. Тексты письменных памятников языка представляют собой богатейший источник знаний, представлений о жизни общества в период его развития, значительно отстоящий от современного. Время заставляет человека изменять коллективные ценности, уклад жизни, законы, общественные устои, культуру. Текст становится транслятором основ общества, передатчиком культурных традиций и практик в различных сферах жизни. Источниками таких знаний служат тексты разных функциональных стилей, в том числе официальные документы. Материалом исследования является источник права средневековой Франции «Кутюмы Бовези» (фр. Coustumes de Beauvaisis). Документ представляет историческую ценность и служит для понимания особенностей правовых институтов средневековой Франции, ее идейных установок конца XII–XIII вв. Знакомство с такими памятниками, определение их лингвокультурологической информативности объясняют актуальность исследования. Объектом исследования является лингвокультурологический анализ документа. Целью исследования является выявление культурных доминант средневекового французского общества, ценностей, на основании которых выстраивалась и регулировалась общественная жизнь. В качестве методов исследования использовались лингвокультурологический анализ, переводоведческий анализ, описательный метод, включающий наблюдение над языковым материалом, его обобщение и интерпретацию. Исследование позволило сделать определенные выводы относительно культурных устоев, определявших устройство средневекового французского общества. Так, индивидуальное начало было подчинено общему, коллективному. Сравнение общественного миропорядка средневекового и современного обществ позволяет сделать вывод о значительных изменениях, которые проделал человеческий разум в отношении ряда ситуаций.

Ключевые слова: лингвокультурология, древний текст, памятник средневекового права, старофранцузский язык, Кутюмы Бовези.

Для цитирования: Красноборова Л. А., Ерыпалова М. А. Юридический документ средневековой Франции: лингвокультурологический аспект // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 82–95. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-11-82-95>

Original article

A LEGAL DOCUMENT OF MEDIEVAL FRANCE: LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECT

Ludmila A. Krasnoborova¹, Mariia A. Erypalova²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ lokr@yandex.ru

² marcial24316@gmail.com

Abstract. The study of an ancient legal document is carried out from the point of view of a linguoculturological approach, which implies the study of language, culture and man in their interaction. The texts of the written monuments of the language represent the richest source of knowledge, ideas about the life of society during its development, which is significantly different from the modern one. Time forces a person to change collective values, way of life, laws, social foundations, culture. The text becomes a translator of the foundations of society, a transmitter of cultural traditions and practices in various spheres of life. The sources of such knowledge are texts of various functional styles, including official documents. The research material is the source of the law of medieval France "Coutumes Beauvaisis" (French Coutumes de Beauvaisis). The document is of historical value and serves to understand the peculiarities of the legal institutions of medieval France, its ideological attitudes of the late XII-XIII centuries. Familiarity with such monuments, the determination of their linguistic and cultural informativeness explain the relevance of the study. The object of the study is the linguistic and cultural analysis of the document. The aim of the study is to identify the cultural dominants of medieval French society, the values on the basis of which social life was built and regulated. The research methods used were linguistic and cultural analysis, translation analysis, descriptive method, including observation of linguistic material, its generalization and interpretation. The study allowed us to draw certain conclusions about the cultural foundations that determined the structure of medieval French society. Thus, the individual principle was subordinated to the general, collective, generic. A comparison of the social world order of medieval and modern societies allows us to conclude about the significant changes that the human mind has made in relation to a number of situations.

Keywords: linguoculturology, ancient text, monument of Medieval law, Old French language, Kutiums Bovesi.

For citation: Krasnoborova L. A., Erypalova M. A. A Legal document of Medieval France: linguistic and cultural aspect. Humanitarian Studies. History and Philology. 2023;11:82-95. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-11-82-95>

Введение

Исследование текстов представляет собой богатейший источник знаний, представлений о жизни общества в определенный период его развития. Со временем изменяются коллективные ценности, уклад жизни, законы, общественные устои, культура. Текст является ярким фиксатором этих основ общества, передатчиком культурных традиций и практик в различных сферах жизни. Источниками таких знаний служат тексты разных функциональных стилей, в их числе – официально-деловые документы. Исследователи указывают на непреходящую ценность законодательных текстов, которые содержат богатую информацию о национальном сознании народа, его культуре, системе ценностей [Багана, Кривчикова 2013: 49]. В числе таких текстов – источник права средневековой Франции

Кутюмы Бовези (фр. Coustumes de Beauvaisis). Документ представляет историческую ценность и служит для понимания особенностей правовых институтов средневековой Франции, важных преобразований в общественных сферах и идейных установок конца XII–XIII вв.

Исследовательские результаты и их интерпретация

Отправным положением исследования является мысль о взаимосвязи характера языка и ментальности народа, которую развивал В. фон Гумбольдт. Мыслитель отождествлял язык с народным духом и утверждал возможность познания культуры человеком именно через язык: «своеобразие языка влияет на сущность нации, поэтому тщательное изучение языка должно включать все, что история и философия связывают с внутренним миром человека» [Гумбольдт 1985: 377].

Ученые оперируют понятием «языковая картина мира», которая понимается как «взятое во всей совокупности, все концептуальное содержание данного языка» [Караулов 1976: 246]. При этом «особенности того или иного национального языка не образуют отдельную и самостоятельную картину мира, а всего лишь придают восприятию явлений окружающего мира специфическую окраску, которая обусловлена значимостью тех или иных предметов для образа жизни, мышления и национальной культуры данного народа» [Шурыгина 2014: 187].

Лингвисты приходят к выводу о том, что язык «через культуру выводит лингвокультурологов на сознание ее носителей» [Бутенко 2008: 322]. Разделяем точку зрения, согласно которой лингвокультуру можно рассматривать как «совокупность текстовых произведений, созданных на национальном языке и моделирующих этнокультуру и самосознание» [там же: 322].

Изучая письменные памятники языка, можно попытаться проникнуть в образ мышления народа, проделав путь от языковых форм к культурным смыслам, к тому, что было значимым в обществе, жизнь которого отстоит от нашего времени на несколько столетий, и сделать вывод об эволюции основополагающих понятий, ценностей, на которых выстраивалась жизнь, культура народа былой эпохи.

Таким памятником французского языка является юридический документ «Кутюмы Бовези», задача которого заключалась в регулировании социальной жизни: в кутюмах были «собраны нормы ленного, манориального, городского, торгового и канонического права, действовавшие на территории Франции»; они обладали большим авторитетом среди французских юристов и судей [Лысенко 2013: 71]. «В Кутюмах Бовези отражены важнейшие идейные установки Франции XIII в., выражающиеся в целом ряде политико-правовых доктрин...» [там же: 72].

Исторический контекст создания этого документа вызывает интерес. В XII–XIII вв. Франция представляет собой своего рода «лоскутное одеяло» в силу феодальной раздробленности; страной правит король, однако власть его не настолько сильна. Феодальная раздробленность в средневековой Франции усугублялась тем, что ее южная и северная части имели существенные различия в аспекте социально-экономического и политического развития. Наличие двух народностей, проживавших на территории Франции, разнообразие местных диалектов также сыграли свою роль.

О. Л. Лысенко указывает: «Главными причинами усиления королевской власти во Франции и преодоления феодальной раздробленности стали резкое увеличение территории непосредственных владений короля (домена), а также целый ряд реформ» [там же: 63]. Король Филипп II, постепенно захватывая земли своих вассалов, сумел закрепить за собой право владения французскими землями, а также несоизмеримо увеличить королевское влияние во Франции. «Теперь король обладал доменом, многократно превосходящим владения любого из самых крупных своих вассалов» [там же]. С расширением домена влияние короля росло, и тогда серьезно встал вопрос организации управления крупной территорией.

Впоследствии система управления королевским доменом была усовершенствована посредством реформы, проводимой королем Филиппом II Августом. «Вся территория домена была разделена на равные административные округа <...>. Эти округа в свою очередь объединялись в более крупные единицы – бальяжи (на севере) и сенешальства (на юге), во главе которых стояли королевские чиновники – бальи и сенешали с военными, судебными и административными полномочиями» [там же: 64].

Следствием этих и многих других изменений в различных сферах общества стало приведение правовой системы Франции к единообразной системе, унификации. Процесс проходил сложно, так как «в каждом французском государстве существовала своя сеньориальная юстиция и действовали свои местные законы и правовые обычаи, получившие название кутюмы (*coutumier*)» [там же: 65].

В середине XIII в. по приказу короля Людовика IX во Франции началась усиленная работа по систематизации и совершенствованию правовых обычаев и законов, действовавших на определенных территориях. В ходе этих преобразований было создано множество известных на сегодняшний день сборников права, таких как Большой кутюм Франции, Большой кутюм Нормандии, Кутюмы Тулузы и др. [там же: 69].

Кутюмы Бовези (“*Li Livres des Coustumes et des Usages de Beauvoisins*”, или сокращенно “*Coustumes de Beauvaisis*”) были составлены около 1283 г. и впервые изданы в 1690 г. (впоследствии неоднократно переиздавались). В качестве их автора выступил королевский бальи (франц. *bailli*), чиновник в средневековой Франции Филипп де Бомануар, который обладал глубокими знаниями в области права, был широко эрудирован. В качестве названия документ был подписан как «Кутюмы Бовези», что стало во многом условным: автор попытался собрать в нем не только «обычаи бовезийцев» (жителей местности на северо-востоке Франции), но и «правовые нормы, общие для кутюмов всей Франции» [там же: 70].

Следует отметить, что французские источники права не очень многочисленны. Отчасти такое положение дел было связано с тем, что в юридической сфере, как и во многих других, в XII в. использовался преимущественно латинский язык. Изучая в своем диссертационном исследовании генезис языка права, Н. Н. Лыкова отмечает, что присутствие двух правовых традиций во французском социуме носит характер сосуществования, ассимиляции, иными словами, правовые тексты сначала фиксируются на латинском, языке культуры и религии, а потом постепенно в эту область проникает французский язык, замещая и вытесняя латынь [Лыкова 2005: 15].

И. Н. Мешкова указывает на важную роль языка права в формировании норм современного французского литературного языка: язык кодексов, ордонансов, приказов «стал центром системы формирующегося нового национального литературного языка» [Мешкова 2013: 301].

Сборник права «Кутюмы Бовези» состоит из 70 глав и около 2 тысяч параграфов. Он был написан на франсийском (центрально-французском) диалекте, в котором встречаются пикардские формы.

Рассмотрим в данной статье некоторые из параграфов этого документа с тем чтобы выявить особенности уклада жизни французов XII–XIII вв. Речь идет о параграфах 30-й главы, которая посвящена преступлениям и основам судебного права. Документ открывает параграф, который представляет собой введение к главе («О преступлениях»), и развернуто представляет читателю то, с чем он будет ознакомлен далее.

823

La chose dont il est plus grans mestiers a tous ceus qui maintiennent justice, c'est qu'il sachent connoistre les mesfes quel il sont, ou grant ou petit, et qu'il sachent queus venjance doit estre prise de chascun mesfet. Car aussi comme li mesfet ne sont pas onni, ne sont pas les venjances onnies, ainçois sont aucun mesfet liquel doivent estre veigné de diverses mors, si comme li cas de crime qui sont fet par les maufeteurs en diverses manieres; et la seconde maniere de mesfes doit estre vengie par longue prison et par perte d'avoir et non pas onniement, mes selonc ce que li fes le requiert; et la tierce maniere de mesfes, doit estre vengie par perte d'avoir sans mort et sans mehaing et sans prison, et n'est pas l'amende onnie ne que des autres que nous avons dites dessus, ainçois est l'une grans et l'autre petite selonc le mesfet, et selonc la personne qui mesfet, et selonc la personne a qui l'en mesfet. Et pour ce que li communs pueples sachent comment il devront estre puni s'il mesfont, et chascuns en sa personne s'il mesfet, et que li seigneur sachent quel venjance il doivent prendre de chascun mesfet, nous traiterons en cel chapitre de chascun mesfet que l'en puet fere et de la venjance de chascun mesfet queus ele doit estre. (Перевод наш) [Beaumanoir 1899–1900].

«Вещь, которая составляет главное мерило для всех тех, кто поддерживает правосудие, заключается в том, чтобы они умели узнавать, к какому преступлению они относятся, большому или малому, и чтобы они знали, какое наказание должно следовать за каждым преступлением. Ибо так же, как не одинаковы преступления, не одинаковы и наказания, так, есть такие преступления, которые должны наказываться разной смертью, как преступники совершают разные преступления; так следующие преступления должны наказываться долгим заточением в тюрьму и лишением имени, и не одинаково, а в той степени, в какой требует того совершенное преступление; и третьи преступления, должны быть отомщены лишением имени без смерти и телесного наказания и без тюрьмы, и не такая пеня, как другие, о которых сказано выше, так они будут большие или малые согласно совершенному преступлению, и человеку, совершившему преступление, и человеку, в отношении которого оно было совершено. И чтобы простые люди знали, какое последует наказание, если они поступают неправильно, и каждый в отдельности, если он поступает неправильно, и чтобы сеньор знал, какое возмездие он должен потребовать за каждое преступление, мы рассмотрим в этой главе каждое возможное преступление и возмездие за каждое преступление».

Отметим характерную для официальных документов черту: протяженные синтаксические периоды, наличие сложных предложений как сложносочиненных, включающих в себя множество основ, скрепленных соединительным союзом *et*, так и бессоюзных, части которых соединены точкой с запятой. Характерной стилистической чертой официального документа является использование терминов, относящихся к судебно-

правовой сфере. Параграф содержит единицы, являющиеся ключевыми для всего документа: *justice, mesfet, crime, amende, prison, venjance, mehaing, punir, perte d'avoir*. Рассмотрим более подробно эти термины.

Так, *justice* (сущ.) является часто употребительной единицей и означает «справедливость», «правосудие». Происходит от лат. *justitia*, которое, в свою очередь, является производным от *justus*, то есть «справедливый», «законный». Употребление этой единицы закономерно, так как речь идет о разрешении дел или споров, в которых одна из сторон оказалась в слабом положении или угнетается другой. Основные принципы морали и судопроизводства призваны уладить сложившийся конфликт, восстановить справедливость.

Единицы *mesfet* (сущ.) и *crime* (сущ.) являются синонимами, означают «преступление», передают понятие некоего проступка, совершенного злодеяния. Форма *mesfet* отражает природу действия, то есть то, что было совершено неправильно, вопреки порядку (отрицательная приставка *mes-* в сочетании с причастием прошедшего времени глагола *ferelfaire*), тогда как *crime* используется в правовой терминологии и уходит своими корнями в латинский этимон *crimen*, обозначающий констатацию совершенного кем-либо преступления. Единица *amende* (сущ.), вошедшая в использование в современном французском языке и обозначающая денежный штраф, была переведена нами как «пеня»; это слово имеет черты архаичности, и в то же время имеет отношение к денежным взысканиям.

В документе частотно употребление слова *prison* (сущ.) в значении «тюрьма», которое используется и в современном праве. Термину *venjance* (сущ.) свойственна двойственность его значения в реалиях той эпохи: как возмездие (образованное от него в современном французском языке *vengeance* – «мечь») и как наказание в обобщающем смысле. Существительное *mehaing* означает «телесное наказание», глагол же *punir* сообщает о наказании в широком смысле, он очень частотен в изучаемом документе. *Perte d'avoir* представляет собой вид наказания, подразумевающий лишение имущества, лишение имени, что в устаревшем значении указывает на любое владение, имущество как таковое.

В следующих параграфах автор сборника права подробно излагает трактовку четырех преступлений, за которые следуют наказания.

825

Murtres si est quant aucuns tue ou fet tuer autrui en aguet apensé puis soleil esconsant dusques a soleil levant, ou quant il tue ou fet tuer en trives ou en asseurement. «Убийство состоит в том, когда один убивает с умыслом или заставляет кого-нибудь убить другого от восхода до захода солнца, или когда он убивает или заставляет убить по соглашению или уговору».

Отдельного внимания заслуживает момент, связанный с временными рамками совершения преступления, который в реалиях написания документа, вероятно, имел определенное значение для членов общества того времени. Сложность интерпретации представляет устаревшая единица *en aguet apensé*. Языковой анализ показал, что *aguet* (сущ.) имеет значение «действие наблюдения», причастие *apensé* говорит об осмысленности, в целом конструкцию можно интерпретировать как «в осмысленном наблюдении» или «умышленно», то есть «с умыслом».

Следующий параграф раскрывает понятие «предательство».

826

Traïsons si est quant l'en ne moustre pas semblant de haine et l'en het mortelement si que, par la haine, l'en tue ou fet tuer, ou bat ou fet battre dusques a afoleure celui qu'il het par traïson. «Предательство человека состоит в том, что когда кто-нибудь, не выказывая явно ненависти, смертельно ненавидит кого-либо и из ненависти убивает его, или заставляет другого его убить, либо нанести удар, или заставляет другого калечить до увечий того, кого он предает из ненависти».

Traïson (сущ.) коррелирует с современным вариантом *trahison* «предательство», автор мог подразумевать под этой единицей как «предание веры человека», «предательство человека».

В рамках понимания и интерпретации параграф представляет сложность: обратим внимание на разницу между единицами *batre* и *afoleure*, которые означают одно – телесные повреждения, но первое отсылает нас скорее к акту нападения, действию, совершаемому по отношению к другому человеку, *afoleure* же – фактическое нанесение повреждений человеку, результат физического воздействия, драки или нападения.

Интерпретируя данный параграф, невольно задаешься вопросом о том, что вкладывалось в понятие *traïson* в правовом его понимании. Предательство в бытовом повседневном смысле может подразумевать несовпадение ценностей разных людей, которые в зависимости от ситуации выбирают линию поведения, коррелирующую с их представлениями о миропорядке и необходимости действия. В документе права же речь идет, скорее всего, о глубинном неприятии другого, проистекающем из зависти или ревности, толкающих на ужасное преступление.

Интерес представляет следующий параграф, в котором автор сборника права объясняет понятие *homicide*, дифференцируя его от синонимичного *murtre*.

828

Homicides si est quant aucuns tue autrui en chaude mellee, si comme il avient que tençons nest et de la tençon vient laide parole et de la laide parole la mellee par laquele aucuns reçoit mort souventes fois. «Убийством считается то, когда кто-то убивает другого в горячей схватке, как это бывает, когда возникают споры, и из спора происходят злые слова, из злых слов – схватки, в которых часто наступает смерть кого бы то ни было».

В этом параграфе в рамках одного предложения мы наблюдаем пример причинно-следственной связи, созданной с помощью повторов. Начиная с сочетания *tençons nest*, то есть «возникает, рождается спор, ссора» (где *tençons* происходит от лат. *tensio* «напряжение»), автор продолжает последовательность: *de la tençon vient laide parole* – за спором идет злое слово, *de la laide parole la mellee* – за злым словом [идет] схватка.

Анализ двух параграфов, в которых описаны два вида преступлений, позволяет сделать вывод о том, чем различаются *murtre* и *homicide*, которые по семантике близки (убийство). Вероятно, нужно принимать во внимание обстоятельства, при которых происходят эти действия: в первом случае речь идет об умышленных, заранее продуманных действиях, направленных на лишение жизни человека. Во втором же случае в случае возникшей ссоры накал страстей настолько велик, что в состоянии эмоционального возбуждения один человек может убить другого.

Последнее из 4 преступлений описано автором документа так.

829

Fame esforcier si est quant aucuns prent a force charnel compaignie a fame contre la volenté de la fame et seur ce qu'ele fet son pouoir du defendre. «Насилие над женщиной – это когда кто-то принуждает женщину к плотскому соединению против ее воли и несмотря на то, какую силу она приложила, чтобы защитить себя».

В параграфе использовано глагольно-именное сочетание *fame esforcier*, где *esforcier* значит буквально *prendre par force*, то есть «взять силой», а зависимый компонент словосочетания *fame* предшествует главному – глаголу *esforcier*, что нетипично для современного французского языка, в котором действует принцип «расположения элементов словосочетания, который Ш. Балли определил как «прогрессивную последовательность и который реализуется по модели «определяемое + определяющее» [Сабанеева, Щерба 1990: 141].

Сложность вызвала интерпретация сочетания *charnel compaignie*, где *compaignie* имеет значение «компания, воссоединение». Принимая во внимание значение прилагательного *charnel*, в русском языке можно предложить эквивалент «плотское соединение».

После объяснения основных видов преступлений автор переходит к представлению того, что следует за совершение их, говоря о наказаниях.

831

Qui art meson a escient il doit estre pendus et forfet le y sien en la maniere dessus dite. «Тот, кто с осознанием поджигает дом, должен быть повешен и лишен своего имущества, как было сказано выше».

Глагол *art* употребляется в форме 3-го лица единственного числа старофранцузского глагола *ars*, от лат. *arsus* – «жечь». *Estre forfet* является пассивным залогом глагола и отсылает к современному *forfait*, причастию прошедшего времени глагола *forfaire* «действовать вопреки долгу», имевшего устаревшее значение: (*vieilli rendre confiscable* «сделать подлежащим конфискации». Наказанием за совершенное преступление выступают, как указано в параграфе, повешение и конфискация имущества. *Estre forfet le y sien* буквально значит «подвергнуть конфискации то, что его».

832

Qui emble autrui chose il doit estre pendus et mesfet le sien en la maniere dessus dite. «Тот, кто крадет чужое, должен быть повешен и лишен своего имущества, как было сказано выше».

В параграфе следует обратить внимание на глагол в форме 3-го лица единственного числа *emble* (инф. *emblem*); обратившись к словарю, мы выявили, что эта единица устарела и вышла из употребления, а в современном французском языке ей соответствует глагол *voler* «красть». Другой интересный момент – употребление единицы *mesfet* в составе страдательного залога. Ранее мы уже упоминали о ее значении и использовали вариант перевода «преступление». При работе со словарем мы выделили другое значение глагола *mesfaire* (*mesfere*): *perdre en punition d'un méfait* «лишаться чего-то в качестве наказания за проступок».

Анализ двух последних параграфов (831 и 832) дает представление о том, насколько высока была ценность материальных вещей, имущества в те времена в сравнении с современными реалиями: она оказывалась выше человеческой жизни.

Рассмотрим следующий параграф документа.

833

Qui erre contre la foi comme en mescreance de laquele il ne veut venir a voie de verité, ou qui fet sodomiterie, il doit estre ars et forfet tout le sien si comme il est dit devant. «Тот, кто идет против веры, и в неверии отказывается ступить на истинный путь, или тот, кто занимается содомией, должен быть сожжен и лишен всего своего имени, как было сказано ранее».

Обращают на себя внимание те случаи, которые вызывали столь жестокое наказание в средневековом обществе: категорическое неприятие законом ситуаций, не связанных ни с насилием, ни с лишением жизни другого человека. В параграфе автор впервые за главу ссылается на религию, расценивая отступление от нее как тяжкое преступление, что было свойственно для многих средневековых государств. А. Я. Гуревич, известный медиевист, говоря о феодализации общества, указывает на доминировавший «коллективный опыт племени», в котором общественные «нормы были обязательны и общезначимы для всех его членов», а речи о выделении, обособленности человеческого индивида внутри коллектива и не могло идти на том этапе развития человечества [Гуревич 1999: 247].

Перейдем к рассмотрению следующего вида преступлений.

834

Li faus monoier doivent estre bouli et puis pendu et forfont tout le leur si comme il est dit devant. «Подделывающие монеты должны быть задержаны и затем повешены и все, что им принадлежит, должно забрать, как это было сказано выше».

В этом параграфе документа вводится термин *faus monoier*, интерпретируемый в современном языке как «фальшивомонетчик». Трудность составило понимание единицы *bouli*, нам удалось провести параллель между причастием прошедшего времени в тексте и глаголом в современном французском *embourber*, что в прямом смысле означает «загнать в трясины», где *bourbe* – «трясина», то есть в переносном смысле каким-либо образом удерживать.

В следующем параграфе приводится детальное описание того, что следует считать изготовлением фальшивых монет.

835

Pluseurs manieres sont de faus monoiers. Li on si sont cil qui font monoie a escient de mauvès metal et la vuelent alouer pour bonne; et s'il estoient pris fesant avant qu'il en ensent point aloué, si seroient il justicié par la reson de la fausse despoise. – La seconde maniere de faus monoiers c'est cil qui la font de bonne despoise, mes la monoie n'a pas son droit pois. – La tierce maniere de faus monoiers si est cil qui fet monoie en repost tout soit ce qu'ele soit bonne et juste et de droit pois, mes il la fet sans congié de seigneur qui puist fere et doie tel monoie, car il emble le droit au seigneur qui fet monoie en sa terre sans son congié. – La quarte maniere de faus monoiers si est quant aucuns rooignent les monoies, car la monoie en pert son droit pois et si emble cil qui la rooigne ce qui n'est pas sien. – La quinte maniere de faus monoiers si sont cil qui achatent a escient fausse monoie et l'alouent pour bonne. – Toutes teus manieres de faus monoiers doivent estre pendu et ont forfet le leur en la maniere dessus dite et, avant qu'on les pende, bouli.

«Существует множество примеров тех, кто подделывает монеты. Те, кто с осознанием делают деньги из плохого металла и хотят выдать его за хороший; и если их застанут за этим занятием до того, как они его сделают, они будут осуждены за порченный сплав. – Второй пример подделывания монет – те, кто делает их из хорошего сплава, но монеты не имеют

своего верного веса. – Третий пример подделывания монет – те, кто делают деньги скрытно, хоть они и справные и не фальшивые и обладают верным весом, но делают это без позволения сеньора, который может делать и отбирать такие монеты, ибо они обкрадывают сеньора, делая монеты на его земле без его согласия. – Четвертый пример подделывания монет – когда кто-либо чеканит монеты, которые не имеют своего веса, и если он чеканит монеты, которые ему не принадлежат. – Пятый пример подделывания монет, если это те, кто с осознанием покупают фальшивую монету и выдают ее за настоящую. – Всех тех, кто подделывает монеты, следует повесить и лишить их владений вышеупомянутым способом, а перед повешением задержать».

В документе максимально эксплицитно раскрывается каждый из способов подделывания денег, объясняются признаки возможных преступлений, связанных с подделыванием денег, поэтому появляется терминология, связанная с финансами и изготовлением монет: *monnaie* – монета, *mauvès metal* – плохой (в значении «некачественный») металл, *despoise* – сплав, *droit pois* – верный вес, *rooigne* – чеканит и др. Особую трудность вызвала необходимость интерпретации сочетания *droit pois*, где *droit* – верный, *pois* – вес, принимающий значение некоего номинала монеты или ее покупной способности.

Очевидно, что стремление незаконно обогатиться рассматривалось как тяжкое преступление в обществе той эпохи и каралось лишением жизни.

Обращает на себя внимание один из параграфов, в котором зафиксирована ситуация, называемая в современных терминах «суицид».

837

Encore sont il dui cas de crime : li premiers cas si est d'autrui empoisoner et li secons cas si est d'estre homicides de lui meisme, si comme de celui qui se tue a escient. «Есть еще два случая преступления: первый, если отравляешь другого, и второй, если становишься убийцей самого себя, как если убиваешь себя с осознанием».

Интерес в этом коротком параграфе представляет появление понятия самоубийства как «убийства себя с осознанием» (*celui qui se tue a escient*), а также включение его в перечень преступлений в реалиях средневековой Франции. Описание того, что следовало за этим, не получает большей экспликации в тексте закона.

Рассмотрим следующие параграфы главы.

839

Qui fiert ne bat autrui, par la coustume de Clermont, hors de trive et d'asseurement et hors de jour de marchié, et il n'a point de sanc en la bateur, cil qui bat, s'il est hons de poosté, est a .v. d. d'amende et, s'il est gentuis hons, il est a .x. s.; et se la bateur est fete en marchié ou en alant ou en venant du marchié, l'amende du païsant est de .LX. S. et du gentil homme de .LX. lb., car tuit cil qui sont ou marchié, ou en alant ou en venant du marchié, sont ou conduit le conte et doivent avoir sauf alert et sauf venir.

«Тот, кто ударяет другого, по обычаям графства Клермон, не по соглашению или уговору и вне рыночных дней, и если нет крови в драке, то тот, кто бьет, если он чиновник, ему полагается пеня в 5 денье, если он дворянин, то 10 су; и если драка случилась на рынке или по дороге на рынок или по пути с рынка, пеня крестьянину полагается 60 су, дворянину – 60 ливров, потому как все, кто на рынке, приходят или уходят с рынка, ведут счет [денег] и должны иметь безопасную дорогу на рынок и безопасную дорогу с рынка».

Особый интерес параграф представляет тем, что в нем отражен фрагмент реалий товарно-денежных отношений средневековой Франции, понятие рынка (*marchié*), а также указание вышедших из употребления денежных единиц, в тексте представленных в сокращении: *d.* (для «*denier*»), *s.* (для «*sou*»), *lb.* (для «*livre*»). Ливр делился на су и денье: 1 ливр равнялся 20 су, а 1 су – 12 денье, размер пени, которую должен был платить нападавший, вновь свидетельствует о классовом расслоении средневековой Франции. Так, в документе присутствуют единицы, обозначающие статус человека в обществе: *hons de roosté* – «чиновник» (человек власти), *gentuis hons* – «дворянин». Дворянство – привилегированное сословие, возникшее в феодальном обществе и ставшее государственно-образующей основой этого общества в Европе средних веков. В широком смысле первым дворянством именуют европейскую феодальную аристократию в целом [Википедия]. На нижней ступени социальной иерархии находился *païsant* «крестьянин».

Как следует из текста этого закона, за участие в драке предусматривалось значительно менее тяжкое наказание.

841

Qui navre autrui ou afole il li doit rendre ses damages, c'est a entendre les cous des mires et les despens du blecié et restorer ses journees selonc le mestier dont il estoit. Et s'il i a mehaing, l'en doit regarder la maniere du mehaing et l'estat de la persone qui est mehaignie et l'avoir de celui qui le mehaigna, et selonc ce qu'il a vaillant l'en doit donner largement du sien au mehaigné. Et selonc l'ancien droit, qui mehaignoit autrui l'en li fesoit autel mehaing comme il avoit a autrui fet, c'est a dire pour poing poing, pour pié pié; mes l'en n'en use mes par nostre coustume en ceste maniere, ains s'en passe on par amende, si comme j'ai dit dessus, et par longue prison et par fere rendre au mehaigné selonc estat son damage et selonc ce qu'il est et selonc l'avoir que cil a qui le mehaigna.

«Кто ранит другого или покалечит его, тот должен воздать ему за нанесенный вред, то есть цену лекаря и расходы раненого и возместить за дни его работы, которую он выполняет. И если есть телесное увечье, нужно оценить тяжесть раны, состояние человека, которому нанесли увечье, владения, нанесшего рану, и согласно тому, какую цену оно имеет, должен он отдать большую часть своего [имения] изувеченному. И по древнему закону, ранившему другого причиняют ту же рану, какую он нанес, то есть око за око, зуб за зуб; но так не судят по нашим обычаям, и разрешится все пеней, как указано мной было выше, и долгим заточением в тюрьме, и возмещением покалеченному в соответствии с его увечьем, тем, кто он есть [по положению], и именем покалечившего его».

Параграф имеет сложную синтаксическую структуру, выраженную сочинительной связью, а также однородными членами предложения (...*c'est a entendre les cous des mires et les despens du blecié et restorer ses journees*...). Такое построение фраз связано с потребностью достаточно полно изложить положение дел, чтобы не допустить инотолкования. Необходимость дополнительного изучения представили устаревшие единицы *navre* – ранит (с уточнением, что нанесена кровотокающая рана), *afole* – покалечит, *mires* – лекари (совр. врачи).

Интерес вызывает такая деталь при анализе документа: употребление в нем устойчивого выражения *pour poing poing, pour pié pié*, дословно означающий «кулак за кулак, нога за ногу», которому был найден равнозначный аналог в языке перевода: око за око, зуб за зуб. Внимания заслуживает также использование субъектного личного местоимения 1-го

лица единственного числа *j'ai dit*, которое в данном случае употреблено в форме сложного перфекта: автор уточняет условия, при которых наступает наказание, говоря от своего лица. Очевидно, что в официальных документах в современном мире использование устойчивых выражений, свойственных устной практике, и личных местоимений представить невозможно. Такой факт свидетельствует о том, что на этапе развития французского общества XIII в. деловой язык находился на стадии формирования, выдерживая серьезную конкуренцию со стороны латинского языка, а норм составления юридических документов еще не существовало, как не было единой нормы языковой.

Следующее преступление, о котором сообщает автор сборника права, касается случаев, когда один человек выказывает вербальную агрессию по отношению к другому человеку.

844

Autres manieres de mesfes sont, si comme de lais dis. Or veons donques se uns hons dit vilenie a autrui et cil se plaint a qui la vilenie est dite, l'amende est de .V. s. s'il est hons de poosté, et s'il est gentius hons l'amende est de .X. s.; et encore m'acorde je, se uns hons a dit vilenie a un vaillant homme, qu'il ait peine de prison si que par la prison li musart en soient chastié.

«Рассмотрим другие примеры преступлений такие как злословие. Теперь расскажем о том, если кто-то обругал другого, и тот, кто был обруган, подает жалобу, пеня составляет 5 су, если это чиновник, и 10 су, если это дворянин. И я также согласен, что если кто-то обругал вассала, то ему должно быть дано тюремное наказание, чтобы через заточение за такие глупости он был наказан».

Сочетание *lais dis* состоит из прилагательного *lais*, в единственном числе старофранцузское *lait* или «злой, плохой, несправедливый», и существительного *dis*, в единственном числе *dit* или «слово». В качестве перевода конструкции был выбран вариант «злословие». Ключевым термином в параграфе является единица *vilenie*, узнаваемая и сохранившаяся в современном французском, где она обрела значение «подлость, гнусность». В старофранцузском языке слово имеет более общий характер и означало зло в целом.

Заключение

Лингвокультурологический анализ лишь отдельных параграфов сборника права «Кутюмы Бовези» дает представление о том, каковы были ценности, на которых выстраивались общественная жизнь и отношения между людьми. Средневековое общество в качестве доминанты выдвигало нивелирование индивидуального начала, подчинение индивида коллективному, не давая возможности выделения, проявления отдельно взятого человека с его уникальным взглядом на мир. Сравнение в диахронии мироустройства, общественного миропорядка средневекового и современного обществ позволяет сделать вывод о существенных изменениях, которые проделал человеческий разум в отношении ряда ситуаций. Так, в отношении некоторых преступлений – отступление от веры, содомия – современное общество значительно более толерантно, чем ранее, и не рассматривает их более как заслуживающие лишения жизни.

Что касается материального имущества и благ, которыми владели люди в доиндустриальную эпоху, они были куда более редкими по сравнению с теми материальными объектами, которыми мы располагаем в современном мире. Вероятно, на этом основании кража чужого имущества, поджог дома, а также изготовление фальшивых

монет рассматривались как очень тяжкие преступления, которые влекли за собой лишение жизни преступивших закон. В своде законов Кутюмы Бовези суицид рассматривается как одно из преступлений. Представляется, что такой подход следует объяснять негативным взглядом религии на это действие.

Свод законов закрепляет существовавшее социальное разделение на чиновников, дворян и крестьян, социальную иерархию, предписывая разные суммы в качестве уплаты штрафа, пени в зависимости от принадлежности человека к той или иной социальной группе.

Интерпретация языковых фактов древнего текста способствовала пониманию внеязыковой действительности средневекового французского общества, отстоящего от современного состояния на несколько веков, и позволила сделать определенные выводы относительно изменений, произошедших в вопросах отношения к некоторым преступлениям и ситуациям.

Список литературы

1. Багана Ж., Кривчикова Н. Л. Стилистические характеристики законодательного текста // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 6. Выпуск 17. С. 49–53.
2. Бутенко Е. Ю. Базовые единицы лингвокультурологии // Вестник Ростовского государственного экономического университета «РИНХ». 2008. № 2. С. 321–328.
3. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М. : Прогресс, 1985. 448 с.
4. Гуревич А. Я. Избранные труды: В 2 т. Т. 1: Древние германцы. Викинги. М., СПб.: ЦГНИИ ИНИОН РАН, 1999. 352 с.
5. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М. : Наука. 1976. 368 с.
6. Лыкова Н. Н. Генезис языка права: начальный этап (на материале французских и русских документов X–XV вв.) : автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Екатеринбург. 2005. 50 с.
7. Лысенко О. Л. Кутюмы Бовези в системе источников права средневековой Франции XIII в. // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2013. № 1. С. 62–86.
8. Мешкова И. Н. Некоторые особенности официально-делового стиля французского языка в правовой сфере // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2013. С. 301–307.
9. Сабанеева М. К., Щерба Г. М. Историческая грамматика французского языка. Л. : Изд-во «Ленинградский государственный университет», 1990. 272 с.
10. Шурыгина Е. Н. Понятие «картина мира» в лингвокультурологическом освещении // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 3. Том 1 (Гуманитарные науки). С. 184–187.
11. Википедия [Электронный ресурс]: https://ru.wikipedia.org/wiki/Заглавная_страница (дата обращения: 2023).
12. Beaumanoir Ph. de. Coutumes de Beauvaisis; texte critique publié avec une introduction, un glossaire et une table analytique, par Am. Salmon. A. Picard et fils. Paris. 1899-1900. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2208269/f434.item.r=philippe+de+Beaumanoir.langFR>

References

1. Bagana Zh., Krivchikova N. L. Stilisticheskie kharakteristiki zakonodatel'nogo teksta [Stylistic characteristics of the legislative text]. *Nauchnye vedomosti. Seriya Gumanitarnye nauki* [Scientific bulletins. Series Humanities.]. 2013, no. 6, iss. 17, pp. 49-53. (In Russ.).
2. Butenko E. Yu. Bazovye edinitsey lingvokul'turologii [Basic units of linguoculturology]. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta «RINKh»* [Bulletin of the Rostov State Economic University "RINH"]. 2008, no. 2, pp. 321-328. (In Russ.).

3. Gumbol'dt V. fon. Yazyk i filosofiya kul'tury [Language and philosophy of culture]. Moscow, Progress Publ., 1985, 448 p. (In Russ.).
4. Gurevich A. Ya. Izbrannye trudy [Selected works]. In 2 vols., vol. 1: Ancient Germans. Vikings. Moscow, Saint Petersburg, TsGNII INION RAN Publ., 1999, 352 p. (In Russ.).
5. Karaulov Yu. N. Obshchaya i russkaya ideografiya [General and Russian ideography]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 368 p. (In Russ.).
6. Lykova N. N. Genezis yazyka prava: nachal'nyi etap (na materiale frantsuzskikh i russkikh dokumentov X-XV vv.) [Genesis of the language of law: the initial stage (based on French and Russian documents of the X-XV centuries)]. Doctoral dissertation abstract. Ekaterinburg, 2005, 50 p. (In Russ.).
7. Lysenko O. L. Kutyumy Bovezi v sisteme istochnikov prava srednevekovoi Frantsii XIII v. [Kutyums Bovezi in the system of legal sources of medieval France in the 13th century.]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo* [Bulletin of Moscow University. Episode 11: Law]. 2013, no. 1, pp. 62-86. (In Russ.).
8. Meshkova I. N. Nekotorye osobennosti ofitsial'no-delovogo stilya frantsuzskogo yazyka v pravovoi sfere [Some features of the official business style of the French language in the legal field]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal sciences]. 2013, pp. 301-307. (In Russ.).
9. Sabaneeva M. K., Shcherba G. M. Istoricheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka [Historical grammar of the French language]. Leningrad, Leningradskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1990, 272 p. (In Russ.).
10. Shurygina E. N. Ponyatie «kartina mira» v lingvokul'turologicheskom osveshchenii [The concept of “picture of the world” in linguoculturological coverage]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2014, no. 3, vol. 1, pp. 184-187. (In Russ.).
11. Vikipediya [Wikipedia]. (In Russ.). Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Заглавная_страница (accessed: 2023).
12. Beaumanoir Ph. de. Coutumes de Beauvaisis; texte critique publié avec une introduction, un glossaire et une table analytique, par Am. Salmon. A. Picard et fils. Paris. 1899-1900. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2208269/f434.item.r=philippe+de+Beaumanoir.langFR>

Информация об авторах

Л. А. Красноборова – кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет;

М. А. Ерыпалова – аспирант, преподаватель, кафедра лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

L. A. Krasnoborova – Ph. D. (Philology), Associate Professor,
Department of Linguistics and Translation, Perm State University;

M. A. Erypalova – Postgraduate Student, Lecturer, Department of Linguistics and Translation,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 20.07.2023; одобрена после рецензирования 10.08.2023; принята к публикации 30.08.2023.

The article was submitted 20.07.2023; approved after reviewing 10.08.2023; accepted for publication 30.08.2023.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 96–105.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2023. No. 11. P. 96-105.

Научная статья

УДК 821.161.1

doi: 10.24412/2713-0231-2023-11-96-105

БУНИНСКИЙ ПОДТЕКСТ В РАССКАЗЕ А. СЛАПОВСКОГО «ТУМАННЫЕ АЛЛЕИ»

Мария Викторовна Рябова

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,
ryabova_mv@pspu.ru

Аннотация. В статье анализируется рассказ А. Слаповского «Туманные аллеи», открывающий одноименный сборник (2019). Указывается, что прозаический цикл современного писателя создавался с «оглядкой» на книгу И. А. Бунина «Темные аллеи» (1937–1945); рассказы Слаповского, как и новеллы Бунина, посвящены отношениям мужчины и женщины в разных их проявлениях. Выявляются особенности преломления бунинской традиции, для этого первый рассказ сборника сопоставляется со своей «парой» – рассказом Бунина «Темные аллеи». Подчеркивается, что Слаповский не ограничивается интертекстуальными включениями (аллюзивное название, переключка формально-содержательных компонентов произведений), а наследует сами принципы организации художественного нарратива. Вслед за Буниным, Слаповский отводит основную роль в сюжетно-композиционном строении рассказа диалогу, который помогает раскрыть основополагающие характеристики центральных персонажей. Постмодернистские черты рассказа, например, открытый финал, свидетельствующий о том, что события могут получить разное продолжение, делают возможными вариативные прочтения. В статье предлагается трактовка, согласно которой союз мужчины и женщины нарушается, у него нет будущего. Герой рассказа Слаповского сближается со своим «предшественником» – бунинским Николаем Алексеевичем – в отношении образованности, культуры общения, но неспособности бороться за счастье и быть опорой для любимой женщины. Указанный смысл подчеркивается актуализацией в рассказе сюжетной модели «русский человек на rendez-vous», столь значимой для книги Бунина. Отмечается, что выведенные на первый план смыслы актуальны и маркируют социальную проблематику рассказа. Проведенный анализ позволяет расширить научные представления о Слаповском как о писателе, совмещающем в своем творчестве постмодернистские и реалистические приемы.

Ключевые слова: А. И. Слаповский, И. А. Бунин, «Темные аллеи», «Туманные аллеи», диалог, цитата, русский человек на rendez-vous.

Для цитирования: Рябова М. В. Бунинский подтекст в рассказе А. Слаповского «Туманные аллеи» // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 96–105. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-11-96-105>

Original article

BUNIN'S SUBTEXT IN A. SLAPOVSKY'S STORY "FOGGY ALLEYS"

Maria V. Ryabova

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, ryabova_mv@pspu.ru

Abstract. The article analyzes the story of A. Slapovsky "Foggy Alleys", which opens the collection of the same name (2019). It is indicated that the prose cycle of the modern writer was created with an "eye" on the book by I. A. Bunin "Dark Alleys" (1937-1945); Slapovsky's stories, like Bunin's short stories, are devoted to the relationship of a man and a woman in their various manifestations. The peculiarities of the refraction of the Bunin tradition are revealed, for this purpose the first story of the collection is compared with its "pair" – Bunin's story "Dark Alleys". It is emphasized that Slapovsky is not limited to intertextual inclusions (an allusive name, a roll call of formal and substantive components of works), but inherits the very principles of the organization of the artistic narrative. Following Bunin, Slapovsky assigns the main role in the plot-compositional structure of the story to dialogue, which helps to reveal the fundamental characteristics of the central characters. The postmodern features of the story, for example, an open ending, indicating that events can get a different continuation, make possible variable readings. The article offers an interpretation according to which the union of a man and a woman is violated, he has no future. The hero of Slapovsky's story gets closer to his "predecessor" – Buninsky Nikolai Alekseevich – in terms of education, communication culture, but the inability to fight for happiness and be a support for the woman he loves. This meaning is emphasized by the actualization in the story of the story model "Russian man on rendez-vous", so significant for Bunin's book. It is noted that the meanings brought to the fore are relevant and mark the social problems of the story. The analysis allows us to expand the scientific understanding of Slapovsky as a writer who combines postmodern and realistic techniques in his work.

Keywords: A. I. Slapovsky, I. A. Bunin, "Dark Alleys", "Foggy Alleys", dialogue, quote, Russian person on rendez-vous.

For citation: Ryabova M. V. Bunin's subtext in A. Slapovsky's story "Foggy alleys". Humanitarian Studies. History and Philology. 2023;11:96-105. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-11-96-105>

Введение

Алексей Иванович Слаповский – известный современный прозаик, драматург, сценарист. Одна из особенностей его творческой индивидуальности – «вживаемость в разные эпохи, ситуации и образы, классику и современность» [Вершинина 2012: 81]. Исследователи отмечают связь романов и пьес Слаповского с фольклорными текстами, произведениями Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова и др. [Вершинина 2012; Дикун 2013; Автухович 2021]. При этом во внешне постмодернистскую игровую форму Слаповский помещает социально ориентированное высказывание. Слаповский-писатель занимает пограничное положение между «полюсами реалистической и постмодернистской парадигм творчества» [Дикун 2013: 3].

Одним из литературных экспериментов писателя является сборник рассказов «Туманные аллеи» (2019). Претекст, легший в основу цикла, легко угадывается – это книга И. А. Бунина «Темные аллеи» (1937–1945). В предисловии Слаповский поясняет, почему решил ввести бунинские сюжеты в современный контекст: «А однажды подумалось: ведь я знаю все то, о чем рассказал Бунин. Такие или подобные истории случались со мной, с моими друзьями и знакомыми. Мне захотелось понять, что изменилось, как живут сейчас эти сюжеты. Сравнить два времени. Уловить перемены в людях, в языке, в том, что мы называем любовью, понимая под этим каждый свое» [Слаповский 2019: 8]. Связь между

произведениями подчеркивают заголовочные комплексы рассказов, включающие аллюзивные названия и эпитафии из соответствующих новелл Бунина, композиционное строение сборника (как и «Темные аллеи», состоит из трех частей). Объектом художественного изображения в сборнике Слаповского, как и в книге Бунина, становятся взаимоотношения мужчины и женщины. Любовь, смерть, место и время понимаются как основополагающие категории существования мира и человека.

Сборник «Туманные аллеи» уже привлекал внимание исследователей. К нему обращалась О. А. Богданова в связи с анализом современной интерпретации бунинского варианта усадебного мифа [Богданова 2021]. Как произведение, созданное в «результате редукции классического художественного повествования», рассматривает сборник А. Н. Безруков [Безруков 2020: 31]. Конспективный взгляд на специфику сборника представлен в нескольких студенческих работах [Лутфуллина 2021; Кузьмина 2023]. Симптоматично, что в центре исследований, как правило, оказывалась пара заглавных рассказов. Однако они так и не подвергались обстоятельному анализу, позволяющему говорить о сходствах и концептуальных расхождениях между двумя художниками. Цель предлагаемой статьи – выявить роль бунинского следа в рассказе Слаповского «Туманные аллеи».

Основная часть

Сборник Слаповского открывает рассказ, в центре сюжета которого история мужчины и женщины, мужа и жена. Во время отдыха в подмосковном пансионате супруга сообщает мужу, что ждет ребенка. Рассказ завершается эпизодом у дверей пансионата, когда мужчина вспоминает, что не пристегнул замком прогулочную лодку, и решает возвратиться, чтобы это исправить.

Рассказ насыщен интертекстуальными сигналами. Созвучны названия произведений, перекликаются пространственно-временные пласты. У Бунина действие разворачивается осенью в постоянной горнице: «В холодное осеннее ненастье, на одной из больших тульских дорог, залитой дождями и изрезанной многими черными колеями, к длинной избе, в одной связи которой была казенная почтовая станция, а в другой частная горница, где можно было отдохнуть или переночевать» [Бунин 1988: 5]. Значимым пространством для героев Слаповского становится также временное пристанище – пансионат, в котором они отдыхают во второй половине лета или начале осени: «В окрестностях поселка Вербилки, что в сотне километров от Москвы, на берегу реки Дубны находится пансионат, называемый "Гелиопарк"» [Слаповский 2019: 11].

Наблюдаются параллели в сюжетном отношении. Герои Бунина – бывшие возлюбленные, встретившиеся спустя много лет. Они наделены именами и судьбами. Сильное любовное чувство определило личную жизнь Надежды, повлияло на ее социальную реализованность. Николай Алексеевич пережил личную драму: «никогда я не был счастлив в жизни... жену без памяти любил... а изменила, бросила меня еще оскорбительней, чем я тебя... сына обожал... а вышел негодяй, мот, наглец без сердца, без чести, без совести...» [Бунин 1988: 8]. Для обоих любовь, связывавшая их, – «лучшие минуты жизни» [Бунин 1988: 8]. Слаповский представляет безмянную семейную пару. У героев большая разница в возрасте: «ему под пятьдесят, ей тридцать пять или чуть больше» [Слаповский 2019: 11].

Показательно, что примерно столько же лет разделяют Надежду и Николая Алексеевича («Мне сейчас сорок восемь, а вам под шестьдесят, думаю?» [Бунин 1988: 7]). В прошлом каждого из героев сложный опыт семейной жизни: «У него была дочь от первой жены, погибшей. А еще сын, живший со своей матерью отдельно. И у нее тоже имелся сын от первого брака» [Слаповский 2019: 18].

История бунинских героев завершается расставанием и в прошлом, и в настоящем, после внезапной встречи. Такой исход продиктован общей концепцией книги: любовь – стихийное чувство, ведущее, как правило, к катастрофам разных масштабов. Каков же конец истории мужчины и женщины «Туманных аллей»? Открытый финал рассказа, в котором после известия о беременности жены муж перед входом в пансионат вспоминает, что «не замкнул лодку» и возвращается, чтобы это сделать, порождает вариативные интерпретации. По мнению О. А. Богдановой, концовка свидетельствует о готовности героя к «ответственному отношению к миру и человеку»: «его брак, похоже, станет счастливым, будущий ребенок внесет в него зрелую любовь, подлинность и глубину» [Богданова 2021: 8]. Не стремясь опровергнуть трактовку исследовательницы, заметим, однако, что О. А. Богданова свою гипотезу строит на анализе поэтики рамочных компонентов – эпиграфа, реконструированного потенциального продолжения рассказа. Рассмотрим же подробнее сам текст, его нарративную организацию, сюжетно-композиционное строение, особенности внутреннего облика героев и характер их взаимоотношений.

Вслед за Буниным, Слаповский делает важнейшим повествовательным элементом рассказа диалог между центральными персонажами. Анализируя дискурсивное строение первой новеллы бунинской книги, Е. Р. Пономарев подчеркивает «самоценность диалога» в ней: «в диалоге сталкиваются две равноправные и далеко стоящие друг от друга жизненные позиции, два четко очерченных характера, две манеры речи» [Пономарев 2018]. Слаповский не просто копирует способ текстовой организации, а так же в диалоге посредством смены коммуникативных ролей, демонстрации речевых предпочтений героев показывает внутренний облик каждого.

Первым в разговор вступает мужчина. Его диалоговые реплики довольно объемны и нагружены культурными аналогиями, через которые он осмысляет окружающую действительность: «Чего только в голове нет. Я вот Бунина вспомнил, а что за деревья – не знаю. Может, липы, а может, вязы какие-нибудь. Или клены. Нет, клены другие. Я слов знаю больше, чем настоящих вещей. Грустно. Идешь вот в тумане, нет бы просто любоваться, а в голове и сказка про ежика, который тоже в тумане, и песни всякие» [Слаповский 2019: 13]. В процессе общения мужчина привлекает знания из области литературы («Темные аллеи», роман Т. Драйзера «Американская трагедия»), музыки (песня из советского кинофильма), кино (фильм А. Германа «Проверка на дорогах»).

Примечательно, что фабульные элементы бунинских новелл, такие как внезапная встреча, вспышка чувств, непродолжительное счастье, в рассказе отсутствуют. Их заменяет рефлексия о чувстве, рассуждения современного человека о судьбе любви и литературы, которые тоже доверены герою: «Нет, правда, вот вымрет человечество или трансформируется, будет какая-нибудь неорганическая цивилизация. Плазменная какая-нибудь. И для них все эти наши красоты будут звук пустой. И все наши драмы, все эти Анны Каренины, Раскольниковы, Илиады и Одиссеи, они просто не поймут эту чушь. Будут

носиться по космосу, питаться кварками, размножаться молниями. А все, чем мы мучились и чему радовались, исчезнет. Но они тоже что-то любить должны, как думаешь?» [Слаповский 2019: 13–14]. Таким образом формируется насыщенный культурными ассоциациями фон, на котором разворачивается обыденно-житейский сюжет.

В отличие от своего мужа героиня Слаповского немногословна. Находясь на природе, она предпочитает любоваться и наслаждаться ею. Ее «задумчиво-рассеянное» настроение и молчаливость во многом обусловлены физическим состоянием (она ждет ребенка и думает только об этом). Наиболее частотные фразы героини – «красиво как», «просто красиво, и все», «просто отдыхаю», «выкинула все из головы», «очень уж хорошо» – коротки и, кажется, формальны, поэтому особенно выделяются редкие реплики, не касающиеся состояния природы или человека. Обратим внимание на сцену, когда герой вспоминает знаменитую строчку из «Темных аллей». Эпизод обладает семиотическим статусом, так как в нем упоминается претекст, герои цитируют и пытаются осмыслить строки, объединяющие произведения Н. Огарёва, Бунина и Слаповского:

– *Это что за деревья? Стволы какие толстые.*

– *Кажется, липы. «Кругом шиповник алый цвел, стояли темных лип аллеи».*

– *Бунин, да. Хотя это не Бунин стихи.*

– *А чьи?*

– *Огарёва. И у него не так. У него: «Вблизи шиповник алый цвел, стояла темных лип аллея»*

– *Каждый помнит, как запоминает.*

– *Наверное, да. Был шиповник – вблизи, и аллея – одна. А захотелось, чтобы кругом цвел шиповник, везде, и чтобы аллей было много* [Слаповский 2019: 13].

Мужчина, производящий впечатление интеллектуала, не знает, что стихотворные строки принадлежат Н. Огарёву и были трансформированы Буниным. Женщина же обладает подлинным знанием. Ей доверено это знание потому, что часть строк держала в памяти ее предшественница («И все стихи мне изволили читать про всякие "темные аллеи"» [Бунин 1988: 7]). Кроме того, мы имеем дело с фактом, едва ли известным читателю массовому, скорее, интеллектуально подготовленному, подробно знакомому с особенностями творческой манеры Бунина. На фоне выпуклой «литературности» героя героиня выглядит настоящей интеллектуалкой.

То, что герой не обладает подлинным знанием, подчеркивают и другие детали. Так, напевая строчку песни «Туман» из к/ф «Хроника пикирующего бомбардировщика» (1967), герой допускает ошибку: пелена тумана у него не седая, как в первоисточнике, а «густая». Повествователь отмечает, что поет мужчина «фальшивым баритоном». В данном контексте прилагательное «фальшивый» предполагает не только значение пения неверного, непопадания в ноты, но и чего-то поддельного, ненастоящего. Эти смыслы обостряются в финале рассказа.

Дав своим героям возможность упомянуть бунинский рассказ, Слаповский наметил атмосферу в отношениях своих героев, определил стратегии их поведения. Кульминационный момент рассказа – катание на лодке, во время которого супруга сообщает мужу о своей беременности. Трагикомический оттенок ситуации придает упоминание эпизода убийства из романа Т. Драйзера «Американская трагедия»: «Да я все о том же,

насколько голова у нас замусорена! Естественно, я сразу "Американскую трагедию" вспомнил, как там парень девушку топил. Узнал, что беременная, повез на лодке кататься и утопил» [Слаповский 2019: 18].

Эта реминисценция подчеркивает подсознательное неприятие героем будущего ребенка и нового социального статуса. Кроме того, здесь парадоксальным образом соединяются две центральные темы бунинской книги – любовь и смерть. Как известно, Бунин стремился обнаружить «связь, существующую между любовью и смертью» [Гречнев 1996: 233], в сопряжении этих двух явлений видел трагическое несовершенство бытия.

Примечательно, что непосредственная реакция супруга на важную новость – молчание («Обычно словоохотливый, мужчина молчал») не характерна для дискурсивного портрета персонажа. Вообще, после ключевой новости настроение героев меняется, трансформируется и дискурсивное строение повествования. Смена позволяет проследить, как по-разному герои переживают ключевое событие. Если женщина была задумчива и загадочна во многом потому, что волновалась о том, как воспримет ее известие муж, то его молчание и отрешенность едва ли связаны с принятием:

Обратно шли молча. Уже у входа в корпус он остановился.

– Черт, лодку не замкнул. Подведу человека. Пойду замкну.

– Я с тобой.

– Зачем?

Он посмотрел на нее и смутился, будто сказал глупость.

– Да, конечно, только быстро. А то уже есть страшно охота [Слаповский 2019: 19].

Первая фраза после молчания свидетельствует о желании убежать, поскорее скрыться. Вопрос «зачем?» обнажает невольное, бессознательное удивление тому, что она еще чувствует цельность их отношений. Детали концовки свидетельствуют о маловероятном совместном будущем героев, о расколе внутри пары. Важно, что ситуация разрушения семейного союза мужчины и женщины, одинокого материнства, в том числе по причине изменения и отстранения мужчины, для общества XXI века «история пошлая, обыкновенная» [см. напр. Данковцев, Маслянова 2020]. Слаповский прибегает к бунинской сентенции «история пошлая, обыкновенная» и трактует ее в современном ключе, что придает сюжету жизнеподобный характер.

Говоря о «бунинском» присутствии в рассказе, нельзя не отметить использование значимой для русской литературной традиции ситуации русского человека на rendez-vous. Как известно, сюжетная модель «русский человек на rendez-vous» предполагает встречу мужчины и женщины на решающем свидании, которое проявляет несостоятельность первого и силу личности второй. Одной из обязательных составляющих этой модели является временная дистанция, позволяющая герою осмыслить свою «бесплодно-неосуществленную жизнь» [Пумпянский 2000: 437], спустя годы сфокусироваться на событиях любви и свидания. По мысли Э. Г. Шестаковой, герои сборника «Темные аллеи» переживают «подлинную трагедию русского человека на rendez-vous»: они осознают «неумолимость и неизбежность своей неосуществленной жизни из-за одного rendez-vous» [Шестакова 2017: 64].

Обращаясь к указанному литературному клише, Слаповский воспроизводит саму ситуацию решающего свидания. В ней нет внешнего конфликта, однако она демонстрирует отказ героя от поступка. В момент, когда от него требовалось реальное действие, он

отступил, как отступил когда-то герой «Темных аллей». Поведение Николая Алексеевича определяли сословные предрассудки, которых он не смог преодолеть и в финале («Что, если бы я не бросил ее? Какой вздор! Эта самая Надежда не содержательница постоянной горницы, а моя жена, хозяйка моего петербургского дома, мать моих детей?») [Бунин 1988: 9]. Современный мужчина, в отличие от бунинского героя, не скован общественными ограничениями и наделен статусом мужа, что закрепляет за ним определенную социальную роль и иной уровень ответственности. Однако наш анализ свидетельствует, что он едва ли готов справиться с возложенной на него функцией. Ситуация русского человека на rendez-vous подчеркивает, что у отношений героев нет перспективы.

Выбранный ракурс рассмотрения позволяет выделить образ женщины. В предисловии Слаповский признавался, что его не устраивало сформировавшееся в книге Бунина отношение к женщине как к объекту. Мнения литературоведов по этому вопросу расходятся. В последнее время появляются исследования, в которых подчеркивается активное, преобразующее начало героини «Темных аллей». Так, В. А. Мескин, считает, что «в гендерной интриге у Бунина первенствует женщина, она более самодостаточна, в определенном смысле даже насилие над ней совершается в силу ее власти» [Мескин 2021]. По мнению исследователя, «Темные аллеи» – «энциклопедия женских характеров: от притягательных хищниц до притягательных жертв. Мужчины в цикле, напротив, однообразны и, как правило, ведомы обстоятельствами» [Мескин 2021].

Героиня Слаповского и пассивна, и активна одновременно. Она зависима от реакции мужа. Ожиданию его отклика подчинено все ее движение внутри сюжета и сюжетное движение рассказа в целом. Но проявляет она и самостоятельность, свою неповторимую сущность. В ней развиты и традиционно закрепленные за женщиной функции (способность к деторождению), и интеллектуальное начало. Вспышки ее активности позволяют вскрыть принадлежность мужчины к полюсу неподлинности. Если считать, что в концовке мужчина проявляет слабость и ментально готов к расставанию, то именно женщину ждет практическая деятельность, она возьмет на себя роль деятельного субъекта. Отсутствие имен, показ мужчины и женщины в характерных для них ролях демонстрирует, что герои Слаповского – носители женского и мужского начал, какими их увидел современный автор. Это тоже пример поддержания заданных Буниным эстетических координат: еще Ю. Мальцев писал о том, что изображенный в «Темных аллеях» опыт «широко универсален» [Мальцев 1994: 328].

Заключение

Бунинский подтекст в рассказе, открывающем сборник Слаповского «Туманные аллеи», играет важную роль. Писатель не только использует разного рода отсылки к новелле Бунина, но наследует саму архитектуру прозаического целого. Ее анализ позволяет заключить, что в рассказе актуализируется один из периферийных смыслов «Темных аллей»: мужчина не готов справляться с трудностями, которые сопровождают развитие пары. Современный мужчина предстает обаятельным, образованным. Он мастерски обращается со словом. Как Николай Алексеевич Надежде, он цитирует своей супруге стихи, песни, блистает знанием литературы и других искусств. Однако при более глубоком взгляде оказывается поверхностным. Наши наблюдения показывают, что в отношениях героев

происходит трагический надлом, мужчина, вероятно, отступит (как и Николай Алексеевич когда-то, несмотря на горячую любовь к Надежде). Важно, что писатель, вслед за классиком, отказывается от оценочных акцентов, а концептуализирует значимую для современности проблему.

В рассказе Слаповского игра с цитатами и константами «Темных аллеи», рефлексия по поводу предшествующей культурной традиции соединяется с острой социальной проблематикой. Предложенный анализ позволяет углубить представления о поэтике Слаповского, в которой сочетаются постмодернистские приемы и реалистические средства отображения мира.

Список литературы

1. Автухович Т. Е. Алексей Слаповский vs Федор Достоевский, или Быт без бытия // LITERATŪRA. 2012. № 63 (2). С. 128–142.
2. Безруков А. Н. Редукция художественного повествования в прозе постреализма (цикл «Туманные аллеи» Алексея Слаповского) // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). С. 24–34.
3. Богданова О. А. Нить усадебного мифа: «Темные аллеи» И. А. Бунина и «Туманные аллеи» А. И. Слаповского // Орловский текст русской словесности. Вып. 13. Орел : Картуш, 2021. С. 3–9.
4. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. М. : Правда, 1988. 558 с.
5. Вершинина Н. Л. Драматургия А. И. Слаповского: динамика рецепции // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 1. С. 80–85.
6. Гречнев В. Я. Цикл рассказов И. Бунина «Темные аллеи» (психологические заметки) // Русская литература. 1996. № 3. С. 226–235.
7. Данковцев О. А., Маслянова С. А. Феномен одинокого материнства в российском обществе: региональный аспект // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 62–69.
8. Дикун Т. А. Социальный роман А. Слаповского: жанровые модификации и эволюция героя : дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2013. 181 с.
9. Дикун Т. А. Социальный роман А. Слаповского: жанровые модификации и эволюция героя : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2013. 24 с.
10. Кузьмина Е. А. Идеино-художественное своеобразие цикла А. Слаповского «Туманные аллеи» // Актуальные вопросы гуманитарных наук – 2023 : материалы выступлений молодых ученых в рамках Ломоносовских чтений 2023. Архангельск, 2023. С. 101–104.
11. Лутфуллина А. И. «Туманные аллеи» Алексея Слаповского как интертекстуальный прецедент новейшей русской прозы // Филологический аспект. 2021. № 5 (73). С. 125–131.
12. Мальцев Ю. В. Иван Бунин: 1870–1953. М. : Посев, 1994. 432 с.
13. Мескин В. А. О чем бунинские «Темные аллеи»? [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. 2021. № 1. С. 65–79. URL: <https://voplit.ru/article/o-chem-buninskie-temnye-allei/> (дата обращения: 24.07.2023).
14. Пономарев Е. Р. Интертекст «Темных аллеи»: Растворение новеллы в позднем творчестве И. А. Бунина [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2018. № 2 (150). С. 186–203. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2018/2/intertekst-temnyh-allej.html> (дата обращения: 5.07.2023)
15. Пумпянский Л. В. Тургенев-новеллист // Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 427–447.
16. Слаповский А. И. Туманные аллеи. М. : АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. 507 с.

17. Шестакова Э. Г. Инварианты и трансформация мотива русский человек на rendez-vous: от Тургенева-новеллиста к новеллистике Бунина // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2017. № 3. С. 40–68.

References

1. Avtukhovich T. E. Aleksei Slapovskii vs Fedor Dostoevskii, ili Byt bez bytiya [Alexey Slapovsky vs Fyodor Dostoevsky, or Life without Being]. *LITERATŪRA* [LITERATURE]. 2012, no. 63 (2), pp. 128–142. (In Russ.).
2. Bezrukov A. N. Reduktsiya khudozhestvennogo povestvovaniya v proze postrealizma (tsikl «Tumannye allei» Alekseya Slapovskogo) [Reduction of artistic narration in post-realist prose (the cycle “Foggy Alleys” by Alexey Slapovsky)]. *Libri Magistri* [Libri Magistri]. 2020, no. 4 (14), pp. 24–34. (In Russ.).
3. Bogdanova O. A. Nit' usadebnogo mifa: «Temnye allei» I. A. Bunina i «Tumannye allei» A. I. Slapovskogo [The thread of the estate myth: “Dark Alleys” by I. A. Bunin and “Foggy Alleys” by A. I. Slapovsky]. *Orlovskii tekst russkoi slovesnosti* [Oryol text of Russian literature]. Iss. 13, Orel, Kartush Publ., 2021, pp. 3–9. (In Russ.).
4. Bunin I. A. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Vol. 4, Moscow, Pravda Publ., 1988, 558 p. (In Russ.).
5. Vershinina N. L. Dramaturgiya A. I. Slapovskogo: dinamika retseptsii [Dramaturgy of A. I. Slapovsky: dynamics of reception]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of Pskov State University. Series: Social Sciences and Humanities]. 2012, no. 1, pp. 80–85. (In Russ.).
6. Grechnev V. Ya. Tsikl rasskazov I. Bunina «Temnye allei» (psikhologicheskie zametki) [Cycle of stories by I. Bunin “Dark Alleys” (psychological notes)]. *Russkaya literatura* [Russian literature]. 1996, no. 3, pp. 226–235. (In Russ.).
7. Dankovtsev O. A., Maslyanova S. A. Fenomen odinokogo materinstva v rossiiskom obshchestve: regional'nyi aspekt [The phenomenon of single motherhood in Russian society: regional aspect]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [News of Tula State University. Humanitarian sciences]. 2020, no. 4, pp. 62–69. (In Russ.).
8. Dikun T. A. Sotsial'nyi roman A. Slapovskogo: zhanrovye modifikatsii i evolyutsiya geroya [Social novel by A. Slapovsky: genre modifications and evolution of the hero]. PhD thesis. Ulan-Ude, 2013, 181 p. (In Russ.).
9. Dikun T. A. Sotsial'nyi roman A. Slapovskogo: zhanrovye modifikatsii i evolyutsiya geroya [Social novel by A. Slapovsky: genre modifications and evolution of the hero]. PhD dissertation abstract. Ulan-Ude, 2013, 24 p. (In Russ.).
10. Kuz'mina E. A. Ideino-khudozhestvennoe svoeobrazie tsikla A. Slapovskogo «Tumannye allei» [Ideological and artistic originality of A. Slapovsky's cycle “Foggy Alleys”]. *Aktual'nye voprosy gumanitarnykh nauk - 2023* [Current issues in the humanities - 2023]. Arkhangel'sk, 2023, pp. 101–104. (In Russ.).
11. Lutfullina A. I. «Tumannye allei» Alekseya Slapovskogo kak intertekstual'nyi pretsedent noveishei russkoi prozy [“Foggy Alleys” by Alexei Slapovsky as an intertextual precedent for modern Russian prose]. *Filologicheskii aspekt* [Philological aspect]. 2021, no. 5 (73), pp. 125–131. (In Russ.).
12. Mal'tsev Yu. V. Ivan Bunin: 1870–1953 [Ivan Bunin: 1870–1953]. Moscow, Posev Publ., 1994, 432 p. (In Russ.).
13. Meskin V. A. O chem buninskie «Temnye allei»? [What are Bunin's “Dark Alleys” about?]. *Voprosy literatury* [Literature questions]. 2021, no. 1, pp. 65–79. (In Russ.). Available at: <https://voplit.ru/article/o-chem-buninskie-temnye-allei/> (accessed: 24.07.2023).

14. Ponomarev E. R. Intertekst «Temnykh allei»: Rastvorenie novelly v pozdnem tvorchestve I. A. Bunina [Intertext of “Dark Alleys”: Dissolution of the short story in the late work of I. A. Bunin]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. 2018, no. 2 (150), pp. 186-203. (In Russ.). Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2018/2/intertekst-temnyh-allej.html> (accessed: 05.07.2023).
15. Pumpyanskii L. V. Turgenev-novellist [Turgenev the novelist]. *Klassicheskaya traditsiya: Sbornik trudov po istorii russkoi literatury* [Classical tradition: Collected works on the history of Russian literature]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 427-447. (In Russ.).
16. Slapovskii A. I. Tumannye allei [Foggy alleys]. Moscow, AST: Redaktsiya Eleny Shubinoi Publ., 2019, 507 p. (In Russ.).
17. Shestakova E. G. Invarianty i transformatsiya motiva russkii chelovek na rendez-vous: ot Turgeneva-novellista k novellistike Bunina [Invariants and transformation of the Russian man motif at rendez-vous: from Turgenev the short story writer to Bunin's short story] *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Russkaya literatura XX-XXI vekov: napravleniya i techeniya* [Ural Philological Bulletin. Series: Russian literature of the XX–XXI centuries: directions and trends]. 2017, no. 3, pp. 40-68. (In Russ.).

Сведения об авторе

М. В. Рябова – кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра теории, истории литературы и методики преподавания литературы, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the author

M. V. Ryabova – Ph. D. (Philology), Senior Lecturer, Department of Theory, History of Literature and Methods of Teaching Literature, Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 20.07.2023; одобрена после рецензирования 16.08.2023; принята к публикации 30.08.2023.

The article was submitted 20.07.2023; approved after reviewing 16.08.2023; accepted for publication 30.08.2023.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	7
Моряхина К. В. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ДЕРЕВЯННЫЕ КОНСТРУКЦИИ У СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ (VII–XIV ВВ.).....	7
Филатов Н. М. «ТОКАРЬ ИЗ ПЕРМИ».....	18
ФИЛОЛОГИЯ	29
Сюткина Н. П., Химинец Е. М. ЭКСПРЕССИВНОСТЬ КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	29
Бай Линсяо КОГНИТИВНЫЙ ПРИЗНАК «ЛЮБОВЬ» В КИТАЙСКИХ ЧЭНЬЮЙ О СЧАСТЬЕ	39
Шустова С. В. ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТЬ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ГЛАГОЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА	49
Карпова Т. Б., Карзенкова Е. П., Салех М. НУМЕРАТИВНЫЙ КОД КУЛЬТУР: ЛЕКСИКА СО ЗНАЧЕНИЕМ ЧИСЛА В РУССКИХ И АРАБСКИХ ПАРЕМИЯХ.....	62
Воловинская М. В. ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ А. П. ЧЕХОВА КАК ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА ПЬЕСЫ Л. А. МАЛЮГИНА «НАСМЕШЛИВОЕ МОЕ СЧАСТЬЕ» (К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ ФОРМИРОВАНИЯ «СОВЕТСКОГО ЧЕХОВСКОГО МИФА»).....	72
Красноборова Л. А., Ерыпалова М. А. ЮРИДИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	82
Рябова М. В. БУНИНСКИЙ ПОДТЕКСТ В РАССКАЗЕ А. СЛАПОВСКОГО «ТУМАННЫЕ АЛЛЕИ».....	96

CONTENTS

HISTORY	7
Moryakhina K. V. WOODEN STRUCTURES IN THE GRAVE OF THE MEDIEVAL POPULATION OF THE PERM PRE-URAL REGION (VII–XIV CENTURIES)	8
Filatov N. M. "TURNER FROM PERM"	18
PHILOLOGY	29
Siutkina N. P., Khiminets E. M. EXPRESSION AS A MEANS OF MANIPULATIVE INFLUENCE IN POLITICAL DISCOURSE	29
Bai Lingxiao THE COGNITIVE SIGN OF "LOVE" IN CHINESE CHENGYU ABOUT HAPPINESS	39
Shustova S. V. INSTRUMENTALITY IN THE SEMANTIC POTENTIAL OF RUSSIAN VERBS	49
Karpova T. B., Karzenkova E. P., Salekh M. NUMERATIVE CODE OF CULTURES: VOCABULARY WITH THE MEANING OF NUMBERS IN RUSSIAN AND ARAB PAREMIAS	63
Volovinskaya M. V. ANTON CHEKHOV'S EPISTOLAR HERITAGE AS A DOCUMENTARY BASIS FOR THE PLAY "MY IRONICAL HAPPINESS" BY LEONID MALYUGIN (ON THE QUESTION OF THE "SOVIET CHEKHOV MYTH" FORMATION MECHANISM)	73
Krasnoborova L. A., Erypalova M. A. A LEGAL DOCUMENT OF MEDIEVAL FRANCE: LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECT	83
Ryabova M. V. BUNIN'S SUBTEXT IN A. SLAPOVSKY'S STORY "FOGGY ALLEYS"	96

Электронное издание

**ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.
ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ**

Электронный научный рецензируемый журнал

2023. № 11

Ответственный редактор выпуска

Подюков Иван Алексеевич

Ответственный секретарь выпуска

Мазурова Елена Викторовна

Издается в авторской редакции.

*Авторы несут полную ответственность за достоверность приводимых сведений,
цитирования и использованных иллюстративных материалов.*

Компьютерная вёрстка выполнена внештатным сотрудником
Л. Н. Голубцовой

Дата размещения на сайте 15.10.2023.

Адрес издателя: 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь, ул. Пушкина, д. 44, оф. 115
тел. (342) 215–18–52 (доб. 394)
e-mail: rio@pspu.ru